

аналитика
лэси

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Лаборатория
экономико-
социологических
исследований

а**налитика** ЛЭСИ

Серия основана в 2008 г.

Ответственный редактор серии
В.В. Радаев

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва 2013

Лаборатория
экономико-
социологических
исследований

аналитика ЛЭСИ

Выпуск 12

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВАХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2000-Х

домашний труд,
агропроизводство
и межсемейные
трансферты

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва 2013

УДК 330.1
ББК 65.012.2
Н58

При поддержке Программы
фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Неформальная экономика в российских домохозяйствах в первой половине 2000-х: домашний труд, агропроизводство и межсемейные трансферты [Текст] / Е. Гладникова, М. Нагерняк, Я. Рошина, А. Сухова ; отв. ред. сер. В. В. Радаев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Лаб. экон.-социол. исслед. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 220 с. — 300 экз. — (Аналитика ЛЭСИ. Вып. 12). — ISBN 978-5-7598-1052-0 (в обл.).

УДК 330.1
ББК 65.012.2

ISBN 978-5-7598-1052-0

© Лаборатория
экономико-социологических
исследований НИУ ВШЭ, 2013
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	7
---	----------

Глава 1 ОСНОВНЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ RLMS В 1994–2006 гг.	14
---	-----------

Глава 2 ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В СФЕРЕ ЧАСТНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	20
--	-----------

2.1. Методология исследования.....	22
2.2. Основные теоретические и эмпирические подходы к изучению частной сельскохозяйственной деятельности в России и за рубежом.....	27
2.3. Результаты эмпирического анализа частной сельскохозяйственной деятельности в России	32
2.4. Выводы к главе 2.....	61
2.5. Приложение к главе 2.....	63

Глава 3 ПОВЕДЕНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ В СФЕРЕ ДОМАШНЕГО ТРУДА	83
---	-----------

3.1. Методология исследования.....	86
3.2. Основные теоретические и методологические подходы к изучению домашнего труда.....	90

3.3. Результаты эмпирического анализа сферы домашнего труда в России в середине 2000-х годов	97
3.4. Выводы к главе 3.....	137
3.5. Приложение к главе 3.....	139

Глава 4

ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В СФЕРЕ МЕЖСЕМЕЙНЫХ ТРАНСФЕРТОВ.....	152
---	------------

4.1. Методология исследования.....	153
4.2. Основные теоретические и эмпирические подходы к изучению межсемейных трансфертов в России и за рубежом	155
4.3. Результаты эмпирического анализа межсемейных трансфертов в России	161
4.4. Выводы к главе 4.....	184
4.5. Приложение к главе 4.....	187

Заключение.....	199
------------------------	------------

Приложение к заключению.....	208
------------------------------	-----

Библиография.....	212
--------------------------	------------

Введение. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Актуальность, цель и задачи исследования

В условиях трансформации социально-экономических отношений 1990-х годов в России домашний труд, подсобное сельское хозяйство и межсемейный обмен зачастую были основой выживания. Однако новые тенденции в этих сферах в XXI в. пока еще недостаточно изучены. В настоящем исследовании мы выделяем три очень важных аспекта поведения домохозяйств и на основе единства эмпирической базы и методологического подхода рассматриваем различия домохозяйств и их стратегии в трех сферах. Первая из интересующих нас сфер — домашний труд и его разделение в современной российской семье — во многом осталась за кадром российских экономико-социологических исследований последнего десятилетия, за исключением чисто гендерных аспектов занятости (как на рынке труда, так и в домашнем хозяйстве). Однако одним из важнейших вопросов остается следующий: ведут ли разрушение традиционных ценностей и изменение структуры занятости к выравниванию участия супругов в домашнем труде, а также какова в нем роль детей? Что касается частного агропроизводства, то его изучению уделялось немало внимания в 1990-е годы, когда оно рассматривалось прежде всего как важный источник продуктов питания в условиях низких доходов семей. Однако в настоящее время неочевидно, какова его роль в потреблении домохозяйств, особенно городских. Не менее важной является оценка потенциала фермерских хозяйств с учетом принятия приоритетного национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса». Исследования третьей сферы нашего интереса, а именно межсемейных

¹ Работа выполнена в рамках гранта № 08-04-0026 по конкурсу Научного фонда ГУ ВШЭ «Учитель—Ученики» 2008–2009 гг. Авторы благодарят участников семинаров «Социология рынков», Лаборатории исследований рынка труда НИУ ВШЭ, а также аграрного семинара МВШСЭН за ценные замечания и советы.

трансфертов, необходимы как для оценки их альтернативности государственной помощи бедным, так и для изучения возможных последствий введения новой пенсионной системы, так как частные и государственные трансферты нередко являются субститутами. Кроме того, нас интересует вопрос: существуют ли взаимосвязи между поведением домохозяйств в выделенных трех сферах?

Таким образом, **целью** данного исследования является построение типологий поведения российских домохозяйств в сферах домашнего труда, подсобного сельскохозяйственного производства и частных трансфертов и анализ факторов, влияющих на выбор каждого типа поведения.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Изучить основные характеристики домашнего труда, частной сельскохозяйственной деятельности и межсемейных трансфертов и их динамику в России в 1994–2006 гг.
2. Построить типологию домохозяйств по степени участия его членов в выполнении различных домашних обязанностей и обнаружить факторы, влияющие на принадлежность домохозяйства к каждому выявленному типу (на данных 2006 г.).
3. Выявить основные типы российских домохозяйств по специализации, объему и товарности частного агропроизводства и их основные детерминанты (в 2006 г.).
4. Построить сегменты домохозяйств по формам и степени участия в межсемейных материальных и трудовых трансфертах и найти параметры, влияющие на выбор семей форм и интенсивности обмена (в 2006 г.).
5. Выявить наличие взаимосвязей между способами поведения домохозяйств в трех изучаемых сферах.

Предметом исследования являются факторы и типы экономического поведения домохозяйств России в трех сферах: частного агропроизводства, домашнего труда и межсемейных трансфертов труда и материальных ресурсов (денег и/или натуральных благ).

Объектом исследования являются российские домохозяйства в 1994–2006 гг., однако наиболее полно исследуются данные за 2006 г. Домохозяйство может состоять как из одного человека, так и из нескольких человек. И если в первом случае вопросов об эмпирическом выделении объекта не возникает, то во втором необходимы критерии отнесения группы людей к одному и тому же домохозяйству. Как правило, это сле-

дующие основные параметры, которых придерживается большинство исследователей¹:

- проживание в одной квартире, в одном доме и т.д.;
- совместное ведение хозяйства (варианты: общий бюджет или совместное потребление ряда благ);
- наличие родственных связей возможно, но не обязательно.

Таким образом, главное в критериях определения домохозяйства — *совместное проживание* людей и *хозяйственные функции*, тогда как основной признак семьи, общий для всех определений, — наличие отношений родства или свойства, т.е. *демографический критерий*, а также выполнение социальных функций.

В то же время часто трудно разделить, какая функция относится к семье, а какая — к домохозяйству. В социологических теориях, как правило, исследуется институт семьи, в экономических — понятия «семья» и «домохозяйство» часто используются как синонимы. Поскольку нас интересует прежде всего экономическое поведение, вообще говоря, мы должны говорить именно о домохозяйстве. Однако, огрубляя, можно считать, что в значительном числе случаев семья представляет собой домохозяйство, а домохозяйство чаще всего состоит из людей, связанных родственными связями. Поэтому, говоря о теоретических моделях, в дальнейшем будем использовать термины «семья» и «домохозяйство» как синонимы, если это специально не оговаривается.

Эмпирическая основа

Наиболее ценными базами для исследования экономического поведения домохозяйств являются микроданные, позволяющие моделировать экономическое поведение домохозяйств, выявлять их поведенческую типологию и факторы различий в поведении. Панельные данные — это разновидность пространственно-временных данных, содержащих информацию об *одних и тех же* единицах, которые наблюдались на протяжении нескольких периодов времени. Их преимущества таковы:

- возможность анализа динамики поведения (изменений внутри объектов);
- возможность использования моделей с лагом;
- возможность модельного устранения ненаблюдаемой гетерогенности объектов.

¹ [Методологические положения по статистике, 2007; Домохозяйство, семья и семейная политика, 1997, с. 11; Олейник, 2000, с. 375].

Исходные данные настоящего исследования — единственная в России база панельных опросов о социально-экономическом поведении домохозяйств «Мониторинг экономического положения и здоровья населения России» (RLMS), или на английском языке — «Russia Longitudinal Monitoring Survey» (RLMS) [Mroz, Mancini, Popkin, 1999; Сваффорд, Косолапов, Козырева, 1999]¹. Это репрезентативное для России панельное обследование, проводимое ежегодно с 1994 г. совместно исследовательским центром «Демоскоп», Институтом социологии РАН, Университетом Северной Каролины, с 2006 г. — Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», на отдельных этапах — другими организациями. Ежегодно опрашивается от 4000 до 4500 домохозяйств, т.е. примерно 10,5–12 тыс. человек, являющихся членами этих домохозяйств. В настоящем проекте были использованы данные за 1994–2006 гг.

В рамках этого исследования «домохозяйство» определяется как «группа людей, обычно постоянно проживающих совместно и имеющих общие доходы и расходы. В состав домохозяйства входят также неженатые дети до 18 лет, проживающие за пределами места жительства во время проведения обследования».

Выборка² домохозяйств RLMS осуществлена по схеме многоступенчатой стратификации, т.е. последовательного случайного выбора. В выборку были включены саморепрезентативные уникальные страты — Москва, Московская область, Санкт-Петербург. В качестве первичных единиц выборки (PSU)³ были использованы административные районы областей или крупных городов. Ряд местностей был исключен из-за труднодоступности, низкой плотности населения или ведения боевых действий; общая численность населения исключенных местностей составляет порядка 4,4% населения Российской Федерации. Из каждой страты выбирался один район (PSU). Согласно пропорции городского и сельского

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS: <http://www.hse.ru/r/ms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rms>) С 2010 г. исследование носит название RLMS.

² Описание принципов построения выборки приводится на основе полевого отчета Исследовательского центра «Демоскоп» за 2006 г.

³ Sampling unit (SU) — единица отбора.

населения в такой PSU формировалась пропорция жителей города и села в выборке. Вторичной единицей выборки (SSU¹) являлись участки переписи, избирательные участки или почтовые отделения (в порядке предпочтения). Наконец, на третьем уровне выбирались адреса. После того как жилище отобрано, на протяжении всех волн делались попытки опроса домохозяйств, проживающих именно в этих жилищах на момент опроса. Важно, что объектом репрезентативной выборки реально является адрес, по которому проживает семья, поэтому при переезде семьи на другое место жительства в репрезентативную выборку включается другая семья, которая переедет жить на этот старый адрес².

Целевой (планируемый) объем базовой изначальной выборки жилищ — 4000 домохозяйств. Реальный объем выборки с учетом ожидаемого уровня недостижимости в 2007 г. составил 9744 жилища. Количество опрошенных индивидов и домохозяйств представлено в табл. 1.

Таблица 1. Количество опрошенных домохозяйств и индивидов в одномоментной и панельной выборках RLMS, 1994–2006 гг.

Номер раунда	Год опроса	Домохозяйства		Индивиды	
		Панель	Одномоментная выборка	Панель	Одномоментная выборка
5	1994	3975	3975	11 290	11 290
6	1995	3783	3755	10 666	10 605
7	1996	3750	3591	10 465	10 018
8	1998	3830	3464	10 675	9 604
9	2000	4006	3319	10 975	9 009
10	2001	4528	3518	12 121	9 305
11	2002	4668	3454	12 523	9 209
12	2003	4718	3407	12 656	9 062
13	2004	4711	3375	12 641	8 933
14	2005	4572	3156	12 237	8 340
15	2006	5545	4127	14 690	10 711

¹ Secondary sampling unit (SSU) — вторичная единица отбора.

² Надо иметь в виду, что выборка домохозяйств, которые участвовали во *всех* раундах, может быть неслучайной, и по объему она составляет не более 40% ежегодной выборки. Организаторы поля RLMS стараются находить домохозяйства и их членов, переезжающих на новое место, чтобы RLMS сохранял не только репрезентативность для каждого раунда, но и продольную представительность.

Интервьюерами заполняются три типа анкет: семейная, индивидуальная для взрослых (с 13 лет) и индивидуальная для детей. Семейную анкету заполняет член семьи, наиболее сведущий в ее ресурсных и финансовых потоках. Детские анкеты заполняются родителями. Основными темами обследования RLMS являются здоровье и экономические характеристики населения и домохозяйств.

Новизна исследования

Настоящее исследование объединяет анализ поведения российских домохозяйств в трех сферах, изучению которых в последнее время уделялось относительно мало внимания.

Что касается домашнего производства и домашнего труда в теоретическом и эмпирическом аспектах, то на Западе его исследованием достаточно много занимались как экономисты, так и социологи [Shelton, John, 1996; Nickols, Metzen, 1982; Cigno, 1993 и др.]. В России исследованием разделения домашнего труда был посвящен ряд работ в конце 1990-х — начале 2000-х годов (В. Радаев, С. Барсукова, О. Здравомыслова, Т. Лыткина, Е. Мезенцева и др.), но они, как правило, не были основаны на модельном подходе и методах многомерного статистического анализа. В данном исследовании мы используем переменные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» за 2006 г. о бюджете времени на домашний труд, соответствующий блок вопросов для которого был разработан с участием одного из авторов данного исследования. Нами использованы методы кластерного анализа для построения типов семей по разделению домашнего труда и регрессионного анализа — для поиска значимых факторов поведения домохозяйств в этой сфере. До сих пор все подобные исследования в России проводились на индивидуальном, а не на домохозяйственном уровне.

Российские исследователи села (А. Никулин, О. Фадеева, В. Виноградский, З. Калугина) работают преимущественно в сфере аграрной социологии, связанной с проблемами формальной и неформальной занятости, бюджета времени, выживания, социального самочувствия и др. Изучению подсобного хозяйства горожан была посвящена работа С. Алашеева и соавторов. Эти исследования, как правило, основывались на описательных характеристиках количественных или качественных данных. Возможности, предоставляемые данными RLMS для анализа подсобного хозяйства, до сих пор практически не использованы. Важной особенностью предлагаемого в нашем исследовании подхода является построение

типологии сельскохозяйственного производства на основе кластерного анализа переменных о видах произведенной продукции, а также анализ зависимости типа личного подсобного хозяйства от основных социально-экономических характеристик семьи (регрессионный анализ).

Анализ межсемейных обменов имеет давнюю традицию в западной экономике и социологии [Cheal, 1983; Cox, Rank, 1992; Lee, Parish, Willis, 1994; Laferrere, Wolff, 2006 и др.], однако они относительно мало развиты в России. Российские исследования (С. Барсукова, Г. Градосельская, О. Лылова, Е. Иванова) лежат в основном в русле сетевого анализа. В нашем исследовании рассмотрены новые тенденции в межсемейном обмене (работа Г. Градосельской сделана на данных RLMS за 1998 г.), кроме того, мы имеем возможность благодаря специальным вопросам, разработанным для волн 2006–2007 гг. с участием одного из авторов настоящего исследования, проанализировать не только материальные, но и трудовые трансферты. В типологии домохозяйств по интенсивности обмена мы используем данные о факте наличия или отсутствия не только помощи, но и ее субъекта (кому оказана, от кого получена). Мы также используем методологию, успешно примененную Е. Гладниковой в исследовании межпоколенных трансфертов на базе данных GGS [Гладникова, 2007], позволяющую на основе регрессионного анализа выявить факторы объемов и направления взаимопомощи.

Структура книги

В главе 1 мы рассмотрим основные демографические характеристики российских домохозяйств в 1994–2006 гг. на основе базы данных RLMS. Глава 2 посвящена анализу типологии и факторов агропроизводства, глава 3 — домашнего труда, а глава 4 — межсемейных обменов домохозяйств России в 2006 г. В заключении рассматриваются взаимосвязи между тремя сферами неформальной деятельности российских домохозяйств.

Авторами глав книги являются: введение — Е. Гладникова, М. Наргеньяк, Я. Рощина, А. Сухова; глава 1 — Я. Рощина; глава 2 — А. Сухова, Я. Рощина; глава 3 — Я. Рощина, М. Наргеньяк; глава 4 — Е. Гладникова; заключение — Я. Рощина.

Глава 1

ОСНОВНЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ RLMS В 1994–2006 гг.

Так как основным массивом эмпирических данных, на котором мы будем моделировать поведение российских домохозяйств, является «Российский мониторинг экономики и здоровья» (RLMS), в настоящем разделе мы кратко остановимся на некоторых важных демографических характеристиках этого массива. Далее везде мы будем работать только с панельным массивом, т.е. с тем, в котором отслеживались переезжающие домохозяйства и их члены. Всего за 12 лет исследований — с 1994 по 2006 г. — общее количество «кейсов», т.е. семей — объектов опроса, составило более 48 тыс. — от 3750 до 5545 в каждом году. Конечно, так как исследование панельное, большая часть объектов из года в год повторяется. В то же время если индивиды — стабильная единица, то домохозяйство — нет: семьи съезжаются и разъезжаются, переезжают, люди женятся и расходятся, кто-то рождается и умирает.

Из исследованных ежегодно домохозяйств около 30% проживали в сельской местности или в поселках городского типа, а остальные — в городах. Доля семей из Москвы и Санкт-Петербурга, как можно заметить, при формировании выборки в 1994 г. составляла 10%, но затем подверглась наибольшему «усыханию», однако начиная с 2001 г. была существенно увеличена (до 15%) и снова стала уменьшаться за счет естественного выпадения домохозяйств из опроса в последующих опросах (табл. 2).

Так как основу демографического развития семьи представляет семейная пара, посмотрим, из скольких семейных пар состоит среднее российское домохозяйство. Как показывают данные табл. 3, за десятилетие доля домохозяйств, где нет семейной пары (включая незарегистрированный брак), выросла с 31 до 37%, тогда как доля семей с одной парой сократилась. Домохозяйства с 3–4 семейными парами не превышают в выборке долей процента, и динамика их количества не является значимой.

Таблица 2. Распределение домохозяйств по типу места проживания, %, RLMS, 1994–2006 гг.

Год опроса	Количество человек в домохозяйстве					Всего
	Москва и Санкт-Петербург	Другие областные центры	Города — не областные центры	Поселки городского типа	Села	
1994	10,4	31,8	27,9	5,5	24,4	100
1995	9,2	31,8	28,3	5,7	25,0	100
1996	8,5	31,5	28,4	5,9	25,7	100
1998	7,5	31,7	28,8	6,3	25,7	100
2000	5,6	33,2	27,8	6,5	26,9	100
2001	15,0	29,4	25,1	5,8	24,7	100
2002	15,5	29,5	24,9	5,5	24,7	100
2003	13,3	29,4	26,4	6,0	24,8	100
2004	13,3	29,5	26,5	6,2	24,5	100
2005	12,1	29,4	27,1	6,2	25,3	100
2006	11,9	31,1	26,8	5,6	24,5	100
Всего	11,4	30,7	27,0	5,9	25,1	100

Таблица 3. Доля домохозяйств с различным количеством семейных пар по раундам, %, RLMS, 1994–2006 гг.

Год опроса	Количество семейных пар в домохозяйстве				Итого
	0	1	2	3–4	
1994	30,97	64,65	4,23	0,15	100,0
1995	32,20	63,20	4,41	0,19	100,0
1996	33,31	62,53	4,03	0,13	100,0
1998	32,87	62,72	4,26	0,16	100,0
2000	33,70	62,36	3,79	0,15	100,0
2001	35,25	60,78	3,71	0,27	100,0
2002	35,86	60,09	3,83	0,21	100,0
2003	36,18	59,90	3,67	0,25	100,0
2004	35,89	59,97	3,84	0,30	100,0
2005	36,70	59,34	3,74	0,22	100,0
2006	37,06	58,45	4,29	0,20	100,0
Всего	34,75	61,07	3,97	0,21	100,0

Количество детей является очень важной характеристикой, определяющей поведение домохозяйства. Также неуклонно, хотя и довольно медленно, уменьшается доля домохозяйств, в которых проживают двое детей и более до 17 лет, и растет доля тех домохозяйств, в которых все члены семьи старше 17 лет. В целом это отражает демографическую ситуацию в России, характеризующуюся очень низким уровнем рождаемости, особенно на протяжении 1990-х годов (табл. 4).

Таблица 4. Доля домохозяйств с различным количеством детей до 18 лет по раундам, %, RLMS, 1994–2006 гг.

Год опроса	Количество детей в домохозяйстве				Итого
	0	1	2	3 и больше	
1994	51,7	26,9	17,8	3,7	100,0
1995	53,1	25,8	17,5	3,6	100,0
1996	53,1	27,2	16,4	3,3	100,0
1998	53,0	28,7	15,0	3,3	100,0
2000	53,4	30,5	13,4	2,8	100,0
2001	55,2	30,0	12,3	2,5	100,0
2002	55,6	30,2	11,5	2,6	100,0
2003	56,3	29,9	11,3	2,5	100,0
2004	56,5	29,9	11,1	2,5	100,0
2005	57,2	29,9	10,6	2,3	100,0
2006	59,3	28,9	9,9	1,9	100,0
Всего	55,2	29,0	13,1	2,8	100,0

Для дальнейшего анализа все домохозяйства, участвовавшие в обследовании, на основе процедуры эвристического анализа были разбиты на 16 типов в зависимости от наличия семейных пар, количества детей и семейных связей. Среди них наиболее распространены три — это одиночки, пары без детей и других родственников, а также пары с детьми. Эти три типа, а также домохозяйства, состоящие только из одного взрослого и его детей (как правило, одного или двух), были взяты за основу более краткой классификации, а остальные объединены в класс «сложные домохозяйства» (фактически — прочие). Эти укрупненные типы будут использоваться нами в некоторых моделях в качестве детерминант экономического поведения (табл. 5).

Таблица 5. Динамика типов семей, %, RLMS, 1994, 2006 гг.

	Краткая классификация	1994 г.	2006 г.	Среднее количество, чел.
1	Одиночки	16,6	19,5	1
2	Семейная пара без детей и других родственников	18,3	17,3	2
3	Семейная пара с 1–2 детьми или внуками	32,0	27,3	3,4
4	1 взрослый с 1–2 детьми	3,3	3,6	2,2
5	«Сложные семьи» (прочие)	29,8	32,3	3,9

Повышается уровень образования опрошенных. Доля окончивших вуз выросла с 16,7 до 17,8%, не имеющих даже среднего общего образования — упала с 24% в 1995 г. до 18,9%. Соответственно, доля семей, в которых хотя бы один человек имеет высшее образование, с 1995 по 2000 г. была ниже, чем в 1994 г. (26,3%), но затем росла и достигла 31,9% в 2006 г. (рис. 1).

Не слишком колеблется уровень экономической активности и занятости населения (табл. 6). Доля занятых среди лиц 16 лет и старше сначала снижалась с 60% в начале рассматриваемого периода до 55,5% в 1998 г., а потом постепенно повышалась и в 2006 г. превзошла уровень 1994 г. Максимальный уровень безработицы (6,4%) был зафиксирован в 1998 г., минимальный (3,2%) — в 2006 г.

Довольно высока доля домохозяйств, все члены которых являются экономически неактивными: в разные годы она колебалась от 22,6% (в 2006 г.) до 24,7% (в 1998 г.). Хотя в этой группе домохозяйств процент самых бедных (первая квинтильная группа) не самый высокий, однако меньше всего богатых (пятая квинтильная группа).

Больше всего бедных — 41,6% — в тех домохозяйствах, где есть безработные, но нет занятых. Однако даже в том случае, если в семье кто-то работает, но есть люди, которые на момент опроса безрезультатно ищут работу, доля самых малообеспеченных все равно достигает почти 32%. И лишь среди домохозяйств, в которых есть занятые и нет безработных, доля высоко- и среднеобеспеченных (четвертая и пятая квинтильные группы) в сумме достигает 47% (табл. 7).

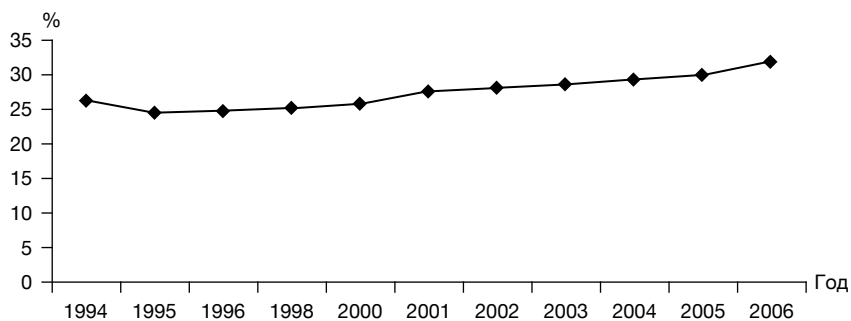

Рис. 1. Динамика доли домохозяйств, в которых хотя бы один член семьи имеет высшее образование, RLMS, 1994–2006 гг.

Таблица 6. Распределение домохозяйств по наличию занятых и безработных (т.е. не работающих, но ищущих работу), %, RLMS, 1994–2006 гг.

Год	Есть занятые, нет безработных	Есть занятые, есть безработные	Нет занятых, есть безработные	Нет занятых, нет безработных	Всего
1994	66,9	7,5	2,6	23,0	100,0
1995	66,1	7,5	2,5	23,9	100,0
1996	65,1	8,3	3,0	23,6	100,0
1998	62,7	9,0	3,5	24,7	100,0
2000	65,9	7,2	2,6	24,3	100,0
2001	66,3	7,2	2,2	24,3	100,0
2002	66,4	6,8	2,3	24,4	100,0
2003	68,4	5,9	2,1	23,6	100,0
2004	68,4	6,7	2,1	22,9	100,0
2005	67,7	6,6	1,9	23,8	100,0
2006	71,0	5,0	1,5	22,6	100,0
Всего	67,0	6,9	2,3	23,7	100,0

Таблица 7. Соотношение домохозяйств по типу занятости и уровню доходов, %, RLMS, 2006 г.

Номер квintильной группы	Наличие занятых и безработных в семье				Всего
	есть занятые, нет безработных	есть занятые, есть безработные	нет занятых, есть безработные	нет занятых, нет безработных	
1 (самые бедные)	19,7	31,8	41,6	15,4	20,0
2	16,5	18,3	19,4	30,2	20,0
3	16,5	16,0	14,3	31,4	20,0
4	21,8	17,9	12,7	16,3	20,0
5 (самые богатые)	25,4	16,0	12,1	6,7	20,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Глава 2

ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В СФЕРЕ ЧАСТНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В результате перехода России к рыночным отношениям и реформирования аграрного сектора изменились формы участия населения в сельскохозяйственном производстве. В советский период основными производителями сельскохозяйственной продукции были крупные предприятия (колхозы и совхозы); участие домохозяйств (помимо занятости его членов в колхозах и совхозах) фактически ограничивалось приусадебными землями сельских жителей, садовыми и огородными участками горожан. Однако даже в то время частный сектор составлял значительную часть производства отрасли¹. Периоду социализма мы обязаны рождением термина «личное подсобное хозяйство» (далее — ЛПХ)² как прямого указания на то, что результаты подобного способа производства используются для нужд семьи, а не продаются.

После перехода к рынку село также оказалось в сложной ситуации: предполагалось, что реформы приведут к созданию конкурентоспособного, эффективного частного аграрного сектора, основанного на преобладании фермерского типа хозяйства, но этот процесс остался незавершенным. В начале 1990-х годов на основе приватизации земель и паевого раздела существовавших крупных сельскохозяйственных предприятий значительная часть угодий перешла в собственность граждан и коллективов. Этот

¹ По оценкам, приведенным в работе О. Лыловой [Лылова, 2003], — четвертая часть мяса и молока, более половины картофеля и плодов.

² Личные подсобные хозяйства — форма непредпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции, осуществляемой личным трудом гражданина и членов его семьи в целях удовлетворения личных потребностей на земельном участке, предоставленном или приобретенном для ведения личного подсобного хозяйства. Землепользование хозяйств может состоять из приусадебных и полевых участков [Россия в цифрах, 2008].

процесс происходил на фоне сокращения площади используемых земель. Согласно данным российской статистики, все сельскохозяйственные угодья страны сократились с 210,6 млн га в 1992 г. до 167,6 млн га в 2006 г.¹ Сокращение это происходило практически исключительно за счет земель сельскохозяйственных организаций. За этот же период фермерские угодья выросли с 6,5 до 21,6 млн га, площадь личных подсобных хозяйств — с 6,4 до 8,1 млн га, но несколько сократились земли коллективных и индивидуальных садов и огородов (с 1,7 до 0,8 млн га) [Россия в цифрах, 2008].

Хотя было создано значительное число крестьянских (фермерских) хозяйств, а также хозяйств населения, крупные хозяйства сохранили в агросекторе немалую роль. Однако структура производства продукции сельского хозяйства по типам производителей существенно изменилась: если в 1992 г. продукция фермерских хозяйств составляла 1,1%, то в 2007 г. — 7%. Однако 90% объема картофеля, 78% овощей, 86% плодов и ягод население и в настоящее время выращивает на своих участках [Россия в цифрах, 2008, табл. 15.5, 15.8].

Подсобные хозяйства сельского населения, а также садовые и огородные участки горожан сыграли важную роль в жизнеобеспечении населения России во время катастрофического падения доходов в середине 1990-х годов. В самые сложные годы реформ (первая половина 1990-х) падение сельскохозяйственного производства происходило исключительно за счет крупных коллективных хозяйств, тогда как хозяйства населения показывали ежегодный рост от 3 до 8%, который снизился до 1–2% и менее к середине 2000-х годов [Россия в цифрах, 2008, табл. 15.4]. Эти данные подтверждают соображения о том, что личные подсобные хозяйства действительно служили важным источником выживания российских домохозяйств в трудные годы. Такой же вывод был сделан рядом социологов на основе проведенных ими исследований [Алашеев, Варшавская, Карелина, 1999; Гудков, Дубин, 2002; Southworth, 2006; Галин, Ларцева, 2006]. Однако в настоящее время роль собственного агропроизводства в потреблении россиян, проживающих в городах, неочевидна. Несмотря на значительный базис экономических и социологических исследований сельскохозяйственного производства в СССР и современной России, целый ряд возможностей использования методов многомерной статистики для анализа микроданных остался невостребованным.

Таким образом, за годы реформ существенно выросла роль частных хозяйств (в том числе фермеров) в агропроизводстве, их встроенность в

¹ Согласно сельскохозяйственной переписи.

рыночные отношения. Однако до сих пор организация жизни большинства мелких и средних сельхозпроизводителей в современной России предполагает ориентацию прежде всего на собственное жизнеобеспечение, неотделенность сельскохозяйственного комплекса (работы на земле) от домашнего хозяйства, крайне низкое использование наемного труда. Поэтому необходимо, с одной стороны, оценить тенденции развития крестьянских хозяйств, их потенциал и степень вовлеченности в рыночные отношения, а с другой — понять современную роль дачных и огородных наделов горожан в их жизнеобеспечении. Действительно ли производство сельскохозяйственной продукции играет существенную роль в обеспечении жизнедеятельности семей, или ведение ЛПХ изживает себя и наличие дачи является лишь показателем материального статуса домохозяйства? Каковы факторы, влияющие на принятие домохозяйствами (как городскими, так и сельскими) решения о ведении сельскохозяйственной деятельности, ее объеме и специализации?

2.1. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель и задачи

Целью данной главы является анализ факторов, влияющих на выбор типа поведения семьи в сфере частного сельскохозяйственного производства. Для достижения поставленной цели были решены следующие **задачи**:

- 1) проанализирована динамика процессов, происходивших в сфере частного подсобного хозяйства в российских домохозяйствах в 1994–2006 гг.;
- 2) разработана методика выделения различных типов домохозяйств в агропроизводстве (по специализации, по объему производства, по уровню товарности, по степени трансфертов с/х продукции и т.д.);
- 3) рассмотрены факторы, которые влияют на распределение продукции подсобного хозяйства на: (а) потребление, (б) продажу и (в) частные трансферты (реципрокные обмены, дары);
- 4) выявлены основные типы российских домохозяйств по специализации подсобного хозяйства, а также факторы, от которых зависит принадлежность домохозяйства к тому или иному типу по специализации производимой продукции;
- 5) выявлены основные типы российских домохозяйств по объему производимой на земельном участке продукции, а также найдены

параметры, влияющие на принадлежность домохозяйств к тому или иному типу по объему производимой продукции;

- б) определена доля, которую составляет сельскохозяйственная продукция в доходах домохозяйств, а также выявлены ее детерминанты.

Объектом исследования являются российские домохозяйства в 1994–2006 гг. **Предметом** исследования выступают факторы и типы социально-экономического поведения домохозяйств России в сфере частного агро-производства.

Методика анализа

Решение поставленных в рамках исследования задач достигается на основе использования методов многомерного статистического анализа. Тестируемые модели анализируются отдельно для сельского и для городского населения, так как, во-первых, по сравнению с селянами существенно меньшая часть горожан имеет земельные участки и производит что-либо на них, и, во-вторых, жители города и села нередко удовлетворяют разные потребности при помощи приложения своего труда на земле. Эти потребности для жителей сел и деревень состоят в основном в обеспечении материальных нужд (питание, доход), тогда как для жителей городов это, скорее, может быть потребность в самовыражении, в отдыхе на природе и в меньшей степени — в обеспечении питанием. Следствием этого, по мнению Р.В. Рывкиной, является особенность труда сельского населения на земле, выражающаяся в его обязательности, непреложности [Рывкина, 1979].

Для выявления типичных практик домохозяйств мы выделяем несколько способов поведения в данной сфере (например, тип специализации, уровень товарности, объем производства), а затем строим соответствующие классы (группы) домохозяйств, для которых типичны данные практики. Типологический анализ реализуется на основе факторного анализа для переменных, описывающих поведение в сфере сельскохозяйственной деятельности (например, наличие и объемы производства разных продуктов). Полученные типологии позволяют обосновать необходимое количество выделяемых групп домохозяйств, различающихся способами поведения. Затем на основе кластерного анализа (с заданными центрами кластеров), с использованием тех же переменных (например, наличие производства сельскохозяйственных культур — для типов специализации) строятся типы, или классы, домохозяйств.

В этих методах используются переменные, несущие информацию о видах и объеме произведенной на земельном участке продукции в течение года в натуральном выражении (вопросы RLMS: «За последние 12 месяцев ваша семья собрала урожай..?» (по видам продукции); «Сколько всего килограммов/штук/литров собрали/произвели?»), а также о направлении ее реализации: на продажу, в дар или на потребление («Сколько килограммов/штук/литров потребили в семье/отдали бесплатно родственникам и другим людям/продали в натуральном или переработанном виде?»).

Наконец, установление причинно-следственных связей предполагает использование регрессионного анализа, где в качестве зависимой переменной выступает один из выделенных типов хозяйствования, а в качестве независимых — факторы, влияющие на вероятность принадлежности к нему домохозяйства.

Формы частной сельскохозяйственной деятельности: операционализация понятий

Термины «ЛПХ» и «частное сельскохозяйственное производство» не совсем точно отражают предмет нашего исследования. В западных работах можно встретить понятие *household agriculture*, которому довольно трудно подобрать точный аналог в русском языке. Причина трудности перевода с английского кроется в историческом контексте формирования в СССР и России отношений индивидов и земли в сельском хозяйстве в течение десятилетий [Калугина, 1999, с. 281–308]. Долгое время частная собственность на землю и частная сельскохозяйственная деятельность не одобрялись, поэтому и был предложен идеологически удобный термин «личное подсобное хозяйство». Однако для многих семей труд на таком участке ни в коей мере не является «подсобным», представляя собой основу жизнеобеспечения.

Различные формы ведения сельскохозяйственной деятельности регламентируются в России законодательными актами. Так, согласно Федеральному закону от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» *садовым земельным участком* является участок для выращивания различных сельскохозяйственных культур и отдыха с правом на построение жилого строения, однако без права регистрации проживания в нем. В отличие от него *огородным земельным участком* является земля только для выращивания на нем сельскохозяйственных культур с правом или без права возведения на нем жилого строения в зависимости от зонирования территории. *Дач-*

ный земельный участок предоставляется индивиду или приобретается им для проведения досуга. Помимо права на возведение жилого строения с правом и без права на регистрацию проживания в жилом доме, на дачных участках предоставляется возможность выращивать любые овощные, плодовые, ягодные и другие сельскохозяйственные культуры. Садоводческие, огороднические и дачные некоммерческие объединения граждан создаются на добровольной основе и с целью совместного решения «общих социально-хозяйственных задач ведения садоводства, огородничества и дачного хозяйства».

Садовые, огородные и дачные участки приобретаются, как правило, горожанами. Земельные наделы сельского населения принято называть крестьянским хозяйством или личным подсобным хозяйством. *Крестьянское или фермерское хозяйство* представляет собой «объединение граждан, связанных родством и (или) свойством, имеющих в общей собственности имущество и совместно осуществляющих производственную и иную хозяйственную деятельность (производство, переработку, хранение, транспортировку и реализацию сельскохозяйственной продукции), основанную на их личном участии» (Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»). Фермерское хозяйство не является юридическим лицом, но имеет право на осуществление предпринимательской деятельности.

Домохозяйства могут выращивать сельскохозяйственные культуры не только в рамках коллективного объединения, но и самостоятельно. Такая деятельность часто также называется личным подсобным хозяйством в обновленном, постсоветском смысле. Этот термин был фактически «узаконен» и нашел свое место как в законодательстве, так и в статистических показателях без осмысления того, «подсобным» к чему является этот вид деятельности. Согласно законодательству, под ЛПХ понимается «форма предпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции» (Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве»). Считается, что ведение ЛПХ осуществляется на участке земли с целью удовлетворения личных потребностей, т.е. способы реализации произведенной продукции не ограничиваются и могут включать как личное потребление, реципрокные обмены, так и продажу. Ведение ЛПХ может осуществляться на двух типах земельных участков: на приусадебном земельном участке (на территории поселения) и на полевом земельном участке (вне территории поселения). *Приусадебный земельный участок* используется «для

производства сельскохозяйственной продукции, а также для возведения жилого дома, производственных, бытовых и иных зданий, строений, сооружений» (Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве», ст. 4). А *полевой земельный участок* имеет назначение только для производства сельскохозяйственной продукции без права возведения на нем каких-либо строений. Членами крестьянского хозяйства могут быть «супруги, их родители, дети, братья, сестры, внуки, а также дедушки и бабушки каждого из супругов, но не более чем из трех семей», а также «граждане, не состоящие в родстве с главой фермерского хозяйства», в размере, не превышающем пяти человек (Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», гл. 2, ст. 3); ЛПХ ведется только членами семьи и проживающими в его домохозяйстве индивидами. Таким образом, эта деятельность является индивидуальной, или частной, в отличие от предпринимательской (подразумевающей наем рабочей силы), или, напротив, от работы по найму на рынке труда.

Таким образом, оказывается, что нет консенсуса относительно термина: как же называть все виды деятельности разных домохозяйств, которые связаны с трудом их членов на собственных или арендованных участках земли (без использования наемного труда) с целью производства сельскохозяйственной продукции?

В данном исследовании речь идет об организационной форме домашнего (т.е. нерыночного, не по найму) труда, связанного с работой на земле, но различающегося по размерам участка, наличию дома, включенности в некоммерческие объединения (садоводческие и т.д.). Таким образом, мы говорим о крестьянских (фермерских) хозяйствах и о личных подсобных хозяйствах сельского и городского населения, а также о садовых, огородных и дачных участках, т.е. о любых формах хозяйствования, связанных с трудом на земле и получением сельскохозяйственной продукции. Подобная экономическая деятельность будет называться в настоящем исследовании *частным сельскохозяйственным производством* или агропроизводством.

Мы будем также рассматривать направления использования произведенной продукции: на собственное потребление, на безвозмездную передачу другим семьям и на продажу. Под *товарностью* будем понимать факт работы домохозяйства на рынок, т.е. продажи хотя бы части выращенного урожая, а под *степенью товарности* — долю проданного из произведенного.

2.2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЧАСТНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В экономическом подходе к изучению агропроизводства можно выделить макро- и микроподходы. Так, экономика сельского хозяйства как научная дисциплина опирается на основные положения экономической теории, в частности, рассматривает результат экономической деятельности сельхозпроизводителей как результат вклада (сумму вклада) нескольких факторов производства, что дает возможность оценить соответствующую производственную функцию. Изучаются также экономические отношения в агросекторе, формирование рынков, особенности ценообразования и трудовых отношений, а также принципы формирования аграрной политики. Теория отраслевых рынков рассматривает закономерности формирования рынка агропродукции, а также его подсистем (например, рынка зерна). Исследование сельских поселений также активно проводится в рамках экономической географии, в первую очередь рассматривающей вопросы пространственной организации земель, а также дифференциации поселений и образа жизни их жителей [Наргер, 1987].

На микроуровне в рамках экономико-социологического подхода частное сельскохозяйственное производство семей выступает как часть домашнего хозяйства в широком смысле слова. Согласно определению, данному В.В. Радаевым, домашнее хозяйство можно характеризовать как «сферу занятости, в которой члены семьи или межсемейного клана обеспечивают своим трудом личные потребности в форме натуральных продуктов и услуг» [Радаев, 1997, с. 64–65], т.е. эта сфера не входит в рыночную занятость.

Исследования крестьянских хозяйств в России, направленные на их типологизацию, изучение эффективности и устойчивости, а также развитие методов статистики, достигли значительных результатов в 1920-х годах и связаны с именами А. Чайнова, Н. Кондратьева, А. Челинцева и других ученых. Новый виток изучения советской деревни, основанный на применении системного подхода, был начат в Сибири с исследованиями Т. Заславской, Р. Рывкиной и других социологов [Рывкина, 1979, с. 33; Артемов, Калмык, Хахулина, 1980]. Так, Р.В. Рывкина в исследовании образа жизни сельского населения России определяет труд в ЛПХ как привычку к труду на земле и деятельность, основанную на заинтересованности в

материальной составляющей, т.е. в получении продуктов питания [Рывкина, 1979, с. 33]. Труд в личном подсобном хозяйстве воспринимается автором как составляющая понимания образа жизни жителей деревни в узком смысле. Он располагается в одном ряду с трудом на предприятии, бытом, досугом, общественной работой и учебой [Рывкина, 1979, с. 93]. Чрезвычайно подробный обзор исследований сельского хозяйства СССР в 1970–1980-е годы был сделан А.А. Куракиным [Куракин, 2006].

Основу социологического подхода к исследованию села составляет представление о сельскохозяйственной деятельности как о неформальной, моральной, субстантивной экономике [Скотт, 1992; Полани, 1999; Барсукова, 2004]. В рамках этой концепции постулируется, что, поскольку основная часть домашних хозяйств, занятых в агросфере, работает не на рынок, а выращивает продукты для собственного потребления, их поведение не подчиняется основным экономическим законам (например, принципу рациональности), а направлено на стратегию выживания, связано с принципами не обмена, как на рынке, а реципрокности. В основном в рамках этих концепций работают современные исследователи российского села, изучая проблемы формальной и неформальной занятости, бюджета времени, выживания, социального самочувствия и др. (см.: [Шанин, 1992; Никулин, 2001; 2002; Фадеева, 2003; Виноградский, Виноградская, 2004; Калугина, 1999; 2003; Лылова, 2003; Штейнберг, 2004; Патрушев, 2005]). Эти работы чаще всего основываются на качественных данных, глубинных интервью.

В рамках данного подхода достаточно большое внимание уделялось исследованию адаптации жителей села к рыночным условиям. Так, в работе О. Лыловой [Лылова, 2003] было выделено четыре типа адаптационных стратегий. Исследование А. Злотникова [Злотников, 2003] в Белоруссии показало, что основная часть сельского населения отдает предпочтение привычным коллективным формам организации сельскохозяйственного производства. Изучению подсобного хозяйства горожан посвящена работа Алашеева и др. [Алашеев, Варшавская, Карелина, 1999], в которой показана низкая эффективность труда на садово-огородных участках, а также сделан вывод о том, что их роль в выживании россиян в середине 1990-х годов, видимо, завышена. В исследовании сельской бедности Л. Овчинцевой [Овчинцева, 2004] показано, что подсобные хозяйства представляют собой важный источник жизнеобеспечения для сельского населения, однако наряду с ними широкое распространение получили неформальная занятость (в том числе наемный труд у фермеров), выезд на

заработки, сбор и продажа ягод, грибов и других даров природы, обслуживание дачников из числа горожан, а также нелегальная торговля алкоголем. И. Штейнберг [Штейнберг, 2004] показал истощение кадровых ресурсов села; показательным является также то, что только 3% селян выразили желание, чтобы их дети работали в сельском хозяйстве.

Другое развитое направление изучения села в России связано с макроанализом экономики сельскохозяйственного производства и агрополитики. Этому направлению посвящен целый ряд работ российского экономиста Е. Серовой. В частности, ею отмечены такие особенности реформирования сельскохозяйственного производства, как рост и изменение роли фермерства, снятие ограничений на производство в ЛПХ, изменение экономического поведения сельхозпроизводителей в связи с развитием рыночных отношений, установление новых связей между поставщиками и производителями, развитие кредита и возникновение новой финансовой дисциплины руководителей, а также рассмотрение динамики изменений в развитии рынка [Серова и др., 2000; Серова, Храмова, 2000]. Другое исследование автора показало, что в общественном мнении нет консенсуса по поводу концепции реформ, что является их существенным тормозом [Серова, 2000]. Важный вывод был сделан о том, что поведение хозяйств в агросекторе стало отвечать на рыночные сигналы, чего не было в централизованной экономике СССР [Serova, 2000].

В неоклассической экономической теории анализ домашнего труда получил свое развитие с возникновением в середине XX в. «новой экономической теории домашнего производства», связанной с именами Г. Беккера, Т. Шульца, Я. Минцера и других экономистов. В рамках этой теории купленные на рынке товары рассматриваются как сырье для домашнего производства особых благ, которые были названы потребительскими. Ресурсами для домашнего производства являются время на домашний труд и купленные на рынке блага. В домашний труд могут включаться такие занятия, как приготовление пищи, уборка и т.д., а также сельскохозяйственный труд в том случае, если его продукты потребляются внутри домохозяйства. В случае работы на продажу такой труд не является наемным по фиксированной ставке заработной платы и моделируется производственной функцией домохозяйства. Семья распределяет свое время между досугом, домашним трудом (включая сельскохозяйственный) и занятостью на рынке труда, максимизируя свою функцию полезности, в которую, помимо потребительских благ, входит досуг. Предложение труда как по найму, так и внутри домохозяйства определяется соотношением предпочтений

человека между досугом и другими благами, а также его ставкой заработной платы и величиной нетрудового дохода (в частности, доходов других членов семьи). Рассматривая домохозяйство, состоящее из двух и более человек, экономическая теория приходит к выводу о том, что работой на рынке труда будет занят член домохозяйства, имеющий более высокую потенциальную ставку заработной платы, а домашним трудом — человек, более эффективный в этой сфере деятельности.

Проведенное в рамках этого подхода исследование американских ученых [Meiners, Olson, 1987, p. 407–711] показало, что ни тип населенного пункта, ни факт ведения сельскохозяйственной деятельности не влияют на время, потраченное женщинами на домашние дела. Работа на приусадебном участке или в огороде является альтернативой не другим видам домашнего труда, а рыночной занятости. Приоритетность оплачиваемой занятости перед другими видами работы была выявлена при тестировании модели мультиномиальной регрессии, которая продемонстрировала, что увеличение часов занятости на оплачиваемой работе приводит к уменьшению времени, посвященному домашнему труду и неоплачиваемой занятости. Однако расход времени сельских женщин на работу на земле не оказывает влияния на время занятости в домашнем хозяйстве и на рынке труда.

Один из наиболее основательных проектов, посвященных индивидуальному сельскому хозяйству современной России, обстоятельно рассматривает проблемы агропроизводства в российской деревне и в городах на основе статистических данных, глубинных интервью и наблюдений, проведенных в разных регионах страны [Нефедова, Пэллот, 2006]. Авторы дают представление о разнообразии форм сельскохозяйственной деятельности в России и отмечают их особенности, прослеживают географические различия в характере хозяйств населения, их социально-демографические ресурсы, степень товарности хозяйств, рассматривают проблемы производства продукции и ее сбыта как для горожан, так и для крупного сельского подворья.

Разделение домохозяйств происходит на хозяйства фермеров и хозяйства населения (вторые включают ЛПХ, сады и огороды). В зависимости от площади земельного участка, выращиваемой на нем продукции, ее назначения, наличия постройки и типа этой постройки выделяют 3 типа горожан: 1) родственники сельских жителей, наследники домов в деревне, население, производящее продукцию не только для собственного потребления, но и на продажу; 2) собственники дач, садов, огородов, вы-

рачивающие урожай преимущественно для собственного потребления; 3) дачники, садоводы, владельцы коттеджей, выращивающие продукцию в небольшом количестве и только для себя либо вовсе не занимающиеся агропроизводством. В свою очередь, фермерские хозяйства делятся на: 1) крупные фермы-колхозы во главе с бывшими представителями колхозной верхушки — работа на рынок, обширная площадь земельных участков; 2) средние фермеры, включающие работников, — высокая товарность; 3) семейные фермы, не имеющие постоянных работников, — плохая оснащенность сельскохозяйственной техникой; 4) мнимые фермеры — многочисленность и невысокая товарность.

Исследование О. Оберемко [Оберемко, 2007] предлагает интересную типологию ЛПХ, построенную на данных опроса, проведенного в Краснодарском крае. В силу малого объема выборки (70 хозяйств) эта типология носит, скорее, качественный характер и основана на дифференциации мотивов ведения хозяйства. Автором были выделены 3 типа «программ»: выживания, семейного развития и ведения бизнеса.

К сожалению, на российских данных возможности экономико-социологического подхода, а также многомерного статистического анализа микроданных использовались явно недостаточно. Среди немногочисленных работ можно отметить исследование [Самсонов, Шабанов, 1999], в котором была протестирована регрессионная модель для выделения внутренней мотивации производства продукции сельского хозяйства, где зависимой переменной выступало производство того или иного продукта, а независимыми — показатели торговли этими продуктами: их поступление в производство и потребление внутри домохозяйства. Анализ показал, что «связи домохозяйства с рынком незначительны, и среди них преобладают те, благодаря которым семья приобретает денежный доход, а не тратит его» [Самсонов, Шабанов, 1999, с. 49].

Согласно оценкам Л. Гудкова и Б. Дубина, в 2002 г. ЛПХ было основным источником обеспечения 28% сельских семей [Гудков, Дубин, 2002] и еще для 43% играло важную роль в благосостоянии. Роль ЛПХ была меньше для тех домохозяйств, члены которых были заняты в агропромышленном комплексе. Авторы делают вывод, что «приусадебное хозяйство играет действительно «подсобную», дополнительную роль в благосостоянии семьи, помогая бедным и нуждающимся держаться «на плаву» и выживать тем, кто находится в особенно тяжелых материальных условиях. Однако оно не играет принципиальной роли для более благополучных категорий населения, занятых в других отраслях экономики».

Чуть ли не единственная работа, выполненная на основе российской панельной базы данных RLMS, была посвящена выделению факторов, влияющих на тип землепользования российских домохозяйств: выбор между огородничеством и досугом [Southworth, 2006]. Как оказалось, чем выше доходы домохозяйств, тем с большей вероятностью в будущем участок будет использоваться для отдыха, а не для агропроизводства.

Таким образом, до сих пор аналитиками практически не реализованы возможности RLMS для анализа подсобного хозяйства. В нашей работе постараемся восполнить этот пробел, применяя также методы многомерного моделирования на основе микроданных о российских домохозяйствах. В этой главе нас в первую очередь будут интересовать тенденции развития крестьянских хозяйств, их потенциал и степень вовлеченности в рыночные отношения, а также современная роль дачных и огородных наделов горожан в их жизнеобеспечении. Основной акцент будем делать на выявлении факторов, влияющих на принятие домохозяйствами (как городскими, так и сельскими) решения о ведении сельскохозяйственной деятельности, о ее объеме, товарности и специализации на базе регрессионного анализа микроданных RLMS.

2.3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЧАСТНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Масштабы занятия частным сельскохозяйственным производством

Согласно данным государственной статистики [Россия в цифрах, 2008; Российский статистический ежегодник, 2008], число семей, имеющих ЛПХ, оставалось приблизительно на одном уровне в 1990–2005 гг. (около 16 млн семей), а к концу 2006 г. выросло до 17,4 млн. За этот период в 2,5 раза возросла площадь земель, принадлежащих домохозяйствам, достигнув 8,9 млн га, или 0,51 га на одну семью. Число семей, владеющих землей в коллективных и индивидуальных садах, в 1990–1995 гг. выросло почти в 2 раза и достигло 15 млн, а затем снизилось до 12,9 млн в 2006 г. В то же время коллективные и индивидуальные огороды теряют свою популярность: за 17 лет число семей, владеющих ими, снизилось с 5,1 до 0,7 млн.

По данным RLMS, в России за последнее десятилетие доля домохозяйств, имеющих в пользовании какую-либо землю, сократилась с 66 до 51%. Эта тенденция затронула как городских, так и сельских жителей. Для

Москвы и Санкт-Петербурга были характерны небольшой всплеск в 1996 г. и дальнейшее падение. В других городах и сельской местности начального роста не наблюдалось, падение было достаточно плавным. Средний размер земельного надела у жителей Москвы и Санкт-Петербурга составлял около 10 соток в 1990-х годах и 11–12 соток — в 2000-х годах. У жителей других городов и селян площадь участка также несколько выросла — с 8 до 10 соток и с 20 до 27,5 сотки соответственно, причем на селе этот рост совершился практически за первые два рассматриваемых нами года. По виду владения земельным участком ситуация не меняется в течение исследуемых 12 лет: у 3/4 домохозяйств земля находится в собственности. Однако наблюдается различие в виде собственности земли в зависимости от типа населенного пункта, в котором проживает домохозяйство. Среди городского населения домохозяйств, полностью имеющих в собственности свои земельные участки, на 7,4 п.п. больше, чем в селе, а полностью арендующих землю — меньше на 6,5 п.п.

Большинство семей, которые имеют в пользовании землю, каким-либо образом используют ее в целях выращивания растений или животных. Доля домохозяйств, не имевших ни земельного участка, ни дачи, постепенно увеличивалась, и к 2006 г. среди городских семей она достигла 58,8% (рис. 2), а среди селян — 18,8% (рис. 3). Большинство тех семей, которые имеют земельный участок, каким-либо образом используют его в целях

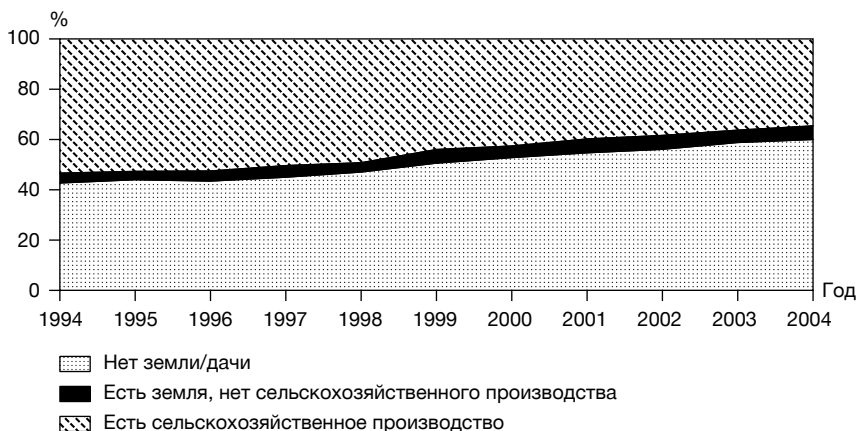

Рис. 2. Динамика доли городских домохозяйств, занимающихся сельскохозяйственным производством, RLMS, 1994–2006 гг.

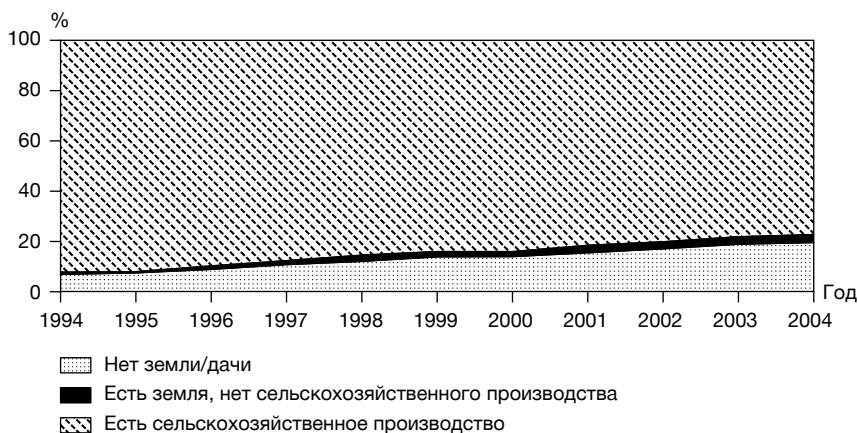

Рис. 3. Динамика доли сельских домохозяйств, занимающихся сельскохозяйственным производством, RLMS, 1994–2006 гг.

выращивания растений или животных. Хотя доля семей, имеющих землю или дачный участок, но не производивших никакой сельхозпродукции, мала, она все же постепенно росла и в 2006 г. составляла 4,9% среди всех городских и 3% среди сельских домохозяйств.

Городские семьи, производящие какую-либо сельскохозяйственную продукцию, ориентированы прежде всего на земледелие, и среди них доля тех, кто огородничает, выросла в 1994–2006 гг. с 84 до 92%. Выращивание скота или птицы могло быть одной из стратегий выживания горожан в середине 1990-х годов, однако рост доходов позволил им перейти к покупке мясных продуктов. Помимо этого, занятие животноводством требует очень много как временных, так и физических затрат, а также довольно большой площади земли и территории для выгула животных. Рост доходов может также служить объяснением существенного снижения доли городских семей, использующих участок для агропроизводства: их доля упала за 12 лет с 53 до 35%.

Доля крестьян, занимающихся сельским хозяйством, за 12 лет также упала — с 92% в 1994 г. до 77% в 2006 г., что связано прежде всего с появлением альтернативных видов занятости и источников доходов, а также с миграцией из села молодежи. На селе преобладает смешанный тип хозяйствования (животноводство и растениеводство), хотя в структуре сельхозпро-

изводителей его доля также постоянно снижается: она упала с 78 до 58%. Сельские жители стали также больше ориентироваться на покупку, а не на производство мяса животных и птиц. Одной из причин является низкая рентабельность производства такой продукции вне крупных хозяйств, без помощи техники и кормов совхозов и колхозов. В этом и состоит так называемая организационно-экономическая причина снижения производства продукции.

Другая причина связана со сложностью сбыта продукции. Раньше молоко, например, сдавали совхозам, сейчас же проблематично даже сдавать продукцию перекупщикам из-за отдаленности многих деревень от райцентров. Наконец, как показано Т. Нефедовой и Дж. Пэллотом [Нефедова, Пэллот, 2006], из-за оттока молодежи изменяется социально-демографическая структура: население деревень стареет, его здоровье ухудшается, что также вызывает спад сельскохозяйственного производства. Те же авторы указывают на роль всеобщей депрессии и пьянства (например, в Каргополье [Нефедова, Пэллот, 2006, с. 70–71]), особенно в зимний период.

Факторы ведения частного агропроизводства

Данные RLMS (табл. П2.1 Приложения к главе 2) показывают, что в 2006 г. среди городского населения занимались сельскохозяйственным производством в основном семьи людей пенсионного и предпенсионного возрастов. Напротив, в сельской местности люди после 65 лет в основном ничего не выращивают, а живут на пенсию. Для семей, не занимающихся сельским хозяйством (как для сельского, так и для городского населения), характерны более высокий уровень образования, а также хорошее материальное положение. Больше всего просто дачников, ничего не выращивающих на участке, среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга. Для рынка труда обеих столиц в рассматриваемый период были характерны низкая безработица и высокая зарплата, что делало труд на собственном участке экономически менее выгодным, чем работа по найму. Отсутствие земли и отказ от выращивания продуктов на своем земельном участке присущи малочисленным семьям, семьям без детей. Чем больше в семье пенсионеров, тем вероятнее, что в ней выращивается какая-либо агропродукция.

Для выявления факторов, влияющих на принятие городской семьей решения о производстве какой-либо сельскохозяйственной продукции, была протестирована бинарно-логистическая модель регрессионного анализа, где независимые переменные измерены в году T , а зависимая (при-

нимающая значение «1», если домохозяйство вело личное подсобное хозяйство, и «0» в противном случае) — в году (T+1) (табл. П2.2 Приложения к главе 2). Такая модель с лагом позволяет оценить влияние параметров домохозяйства в нынешнем году на его решение в будущем. Модель оценивалась для городских семей. Ее результаты показали, что характеристики этапа жизненного цикла семьи влияют на то, будет ли домохозяйство работать на земельном участке. По сравнению со сложными семьями для одиночек, а также для семейных пар с детьми или без них вероятность вести ЛПХ ниже. С одной стороны, это может быть связано с занятостью взрослых членов домохозяйства. Однако наличие безработных в семье не влияет на то, будет ли городская семья выращивать что-либо на своем земельном участке. С другой стороны, значимо влияние доли членов домохозяйства пенсионного возраста. Наличие у них свободного времени и традиции работать на своем участке положительно сказываются на вероятности включения в агропроизводство. Увеличение числа детей способствует работе на земельном участке, что может быть связано с потребностью в экологически чистых продуктах и с желанием иметь дачу для проведения летнего досуга всей семьей. Наличие высшего образования и хорошего здоровья у членов домохозяйства положительно влияет на принятие решения о ведении личного подсобного хозяйства.

В случае когда хотя бы один член домохозяйства часто употребляет алкоголь и предпочитает крепкие спиртные напитки, вероятность занятия сельским хозяйством сокращается. В других исследованиях [Калугина, 1999; Нефедова, Пэллот, 2006] потребление алкоголя также названо одним из факторов, снижающих успешное ведение сельского хозяйства. Доказательством того, что не только материальные факторы движут выбором горожан, касающимся производства сельскохозяйственной продукции, является отсутствие влияния душевого дохода в году T на вероятность заниматься агропроизводством в году (T+1).

Факторы товарности сельскохозяйственного производства

Произведенная на земельном участке продукция может использоваться по-разному — для потребления, для реципрокных обменов и на продажу. В RLMS имеются данные о том, продавало ли домохозяйство что-либо из произведенной сельскохозяйственной продукции в течение 12 месяцев, предшествующих проведению опроса, а также что-либо из продукции растениеводства и животноводства в течение 30 дней перед проведением

опроса¹. Так как опрос проводится осенью, когда урожай многих культур уже снят, второй показатель дает долю работавших на рынок примерно в 1,5–2 раза ниже, чем первый.

Так, среди всех городских семей 3,5–6% в разные периоды реализовывали в течение года произведенное на рынке, а среди сельских их было 28–35% (максимум приходится на 2001 г.). В течение же последнего перед опросом месяца торговали не более 4% горожан и 22% селян. Однако оценка уровня товарности существенно вырастает, если рассматривать только те домохозяйства, которые производили агропродукты: в 1994–2006 гг. среди городских семей продавали результаты своего труда 8,4–10,3% соответственно (максимум приходится на 2003 г. — 14,5%), среди сельских их было 35,1–34,1% (максимум — 41,6% в 2003 г.). При этом селяне чаще продают мясо, молоко, яйца, чем продукты своего сада и огорода (табл. 8). Уровень товарности как по животноводству, так и по растениеводству сначала вырос к началу 2000-х годов, а потом опять снизился примерно до уровня середины 1990-х.

Для того чтобы оценить, какие факторы влияют на то, продает ли домохозяйство свою агропродукцию или нет, мы использовали бинарно-логистическую модель регрессионного анализа с лагом (табл. П2.3 Приложения к главе 2) на подвыборке сельского населения, которое производит что-либо на своем земельном участке². Результаты оценки модели показали, что с течением времени вероятность продавать свою продукцию для сельского населения растет, т.е. при контроле прочих факторов роста товарности агропродукции увеличивается, по крайней мере, вплоть до 2001–2003 гг. У одиноких респондентов с детьми или без них по сравнению со сложными семьями выше вероятность продавать выращиваемую и производимую продукцию. При увеличении числа детей в домохозяйстве на одного ребенка вероятность продавать сельскохозяйственный урожай возрастает в 0,6–0,7 раза; таким образом, в многодетных сельских семьях подсобное хозяйство является важным ресурсом не только продуктов питания, но и денежных доходов семьи.

Чем выше доля пенсионеров в домохозяйстве, тем с меньшей вероятностью оно окажется товарным. Позитивно также влияние возраста главы

¹ Есть возможность также оценить за последние 30 дней вырученные от продажи суммы.

² Среди горожан уровень товарности очень низок, поэтому оценка подобной регрессии на этой выборке не имеет смысла.

Таблица 8. Доля домохозяйств, продававших свою продукцию, среди домохозяйств, осуществлявших частное сельскохозяйственное производство, %, RLMS, 1994–2006 гг.

	Период	1994 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.
Город	за 30 дней	2,7	5,6	3,7	8,3	—	5,9	3,8
	за 12 мес.	8,4	11,3	11,8	12,0	11,5	12,3	10,3
Село	за 30 дней	15,9	17,3	15,6	22,6	—	22,0	19,6
	за 12 мес.	35,1	33,8	32,6	38,7	39,7	38,2	34,1
	в том числе:							
	животноводства	26,3	26,3	24,8	30,3	30,5	29,4	26,3
	растениеводства	14,4	12,1	13,2	14,9	18,6	15,5	14,8

домохозяйства. Это говорит о том, что для пожилых работа на участке является способом, скорее, выживания, чем дополнительных доходов, а также о том, что для них характерна склонность к привычному, т.е. нерыночному, типу хозяйства. Неудивительно, что ориентироваться на рынок имеют возможность, скорее, домохозяйства с более высоким уровнем здоровья. Высокий уровень потребления алкоголя не оказывает влияния на продажу агропродукции селянами. Отсутствие работы хотя бы у одного члена семьи повышает вероятность домохозяйства работать на рынок в 1,3 раза, наличие высшего образования — в 1,2 раза. Первый факт говорит о том, что выращивание продуктов на продажу представляет собой важную альтернативу рыночной занятости и является способом получения доходов в условиях безработицы, а второй подтверждает значимость высокого уровня человеческого капитала как для более эффективного производства, так и для налаживания связей для продажи произведенного. Однако не только навыки и умения, но и техника для обработки земли и транспортировки продукции увеличивает вероятность продажи выращенного.

Важным представляется и вывод о том, что чаще продают результат своего труда в году (T+1) не бедные, а, напротив, более обеспеченные семьи. Это говорит о том, что работа на рынок в целом представляет собой не способ выживания, а специализацию домохозяйства и выбор в пользу сельского производства как альтернативу работе по найму. Семьи с относительно невысокой долей расходов на питание в будущем также ориентированы на продажу результатов своего труда. Более высокая численность жителей в населенном пункте также повышает вероятность домохозяйства быть товарным. С одной стороны, в больших селах выше вероятность про-

даже урожая жителям своего же села. А с другой — чем крупнее населенный пункт, тем более в нем должна быть развита инфраструктура, поэтому проще продавать производимую продукцию в близлежащие населенные пункты.

Доходы от сельскохозяйственной деятельности

Несмотря на то что продажа выращенной сельхозпродукции является одним из источников денежных доходов домохозяйств, ее вклад за исследуемый период был невелик. Правда, надо отметить, что данные о суммах, вырученных за продажу, относятся к осенним месяцам (сентябрь и октябрь), когда значительная часть урожая может быть уже продана. Так, в 2006 г. в среднем по выборке доля ЛПХ в суммарных доходах тех домохозяйств, которые производили что-либо на земельном участке, составляла 5% (в том числе 10% на селе и всего 1% в городе). Среди горожан, продававших что-либо из выращенного, эта доля составляла 19%, а на питание затрачивалось 40% доходов. В сельской местности доля доходов от агропроизводства среди товарных хозяйств составляла 45%, а доля расходов на питание — 32%. Можно заметить, что с 2000 г. началось падение доли доходов от ЛПХ как для сельского, так и для городского населения (табл. 9). Такая тенденция объясняется началом экономического роста и улучшением благосостояния россиян. Пик максимальной доли доходов от ЛПХ приходится на 1996 г.

Таблица 9. Средняя доля выручки от продажи продукции частного агропроизводства в доходах домохозяйств за 30 дней, осуществлявших такие продажи в течение года, %, RLMS, 1994–2006 гг.

Тип поселения	Год обследования						
	1994	1996	1998	2000	2002	2004	2006
Город	26,1	27,5	20,9	18,2	13,0	16,2	17,8
Село	42,0	54,2	51,5	50,5	42,0	41,2	41,3

Одним из факторов величины доли доходов от ЛПХ для новосибирских крестьян в советское время была степень урбанизации поселения [Артемов, Калмык, Хахулина, 1980]. Так, доля доходов от ЛПХ в наиболее неурбанизированных поселениях составила около 50%, в то время как данный показатель для урбанизированных местностей не превышал 1/10

доходов населения. Данные RLMS также свидетельствуют о зависимости доли доходов от ЛПХ от количества жителей в поселении.

Можно выделить несколько причин таких различий. В крупных поселениях выше доля сельской интеллигенции, которая в силу своей высокой квалификации либо не работает на земле, либо имеет нетоварное хозяйство. Зато в небольших деревнях и селах, как правило, больше возможностей для сельскохозяйственного производства за счет обширных сельхозугодий. Здесь также хуже налажена поставка населению продуктов питания, из-за чего людям приходится иметь большие подсобные хозяйства, чтобы обеспечить семью продуктами питания. Ограниченные возможности работы по найму тоже стимулируют продажу выращенного. Наконец, в мелких населенных пунктах ниже уровень доходов, и одна и та же сумма, полученная за продажу урожая в маленькой деревне и крупном поселке, будет означать разную долю дохода, которая будет более высокой для бедных семей.

Помимо собственно агропродукции, в некоторых регионах сбор грибов, дикорастущих орехов и ягод, рыболовство, охота и продажа этих продуктов также вносят вклад в доходы семьи. По данным RLMS, около трети всех российских домохозяйств в течение 12 месяцев, предшествующих опросу, собирали грибы, ягоды и пр. либо ловили рыбу, ходили на охоту. Однако из них только 1,5% горожан и 3,2% сельчан продавали что-либо из собранного или пойманного. В региональном разрезе наибольшая доля домохозяйств, занимающихся сбором ягод, грибов, ловлей рыбы или охотой, расположена в Северном и Северо-Западном регионах (54%) и на Урале (42%). Несмотря на то что по выборке доля домохозяйств, имеющих прибыль от собирательства, довольно мала, в целом доходы для отдельного хозяйства, занимающегося продажей грибов, рыбы или ягод, могут быть довольно существенными.

Т. Нефедова и Дж. Пэллот в своем исследовании приводят пример жителей Пермской области, которые порой зарабатывают по несколько тысяч рублей в месяц от продажи белых грибов и клюквы, произрастающей на берегу Камы [Нефедова, Пэллот, 2006, с. 61]. В Коми-Пермяцком АО с заброшенными домами в деревнях и упадком агропроизводства также можно наблюдать вдоль дорог небольшие беседки, в которых в разное время года торгуют грибами или клюквой. Помимо продажи свежих грибов есть возможность заниматься сушением и консервированием собранной продукции и продажей в переработанном виде. Таким образом, в северных районах с неблагоприятными почвой и климатом, в Предуралье нет условий для развития сельскохозяйственной деятельности для местного

населения, но существует возможность выживать за счет сбора, потребления и продажи даров природы: дикорастущих ягод, грибов, лечебных трав, ловли рыбы и охоты на животных.

Собственное потребление и реципрокность

На протяжении исследуемого периода доля произведенных в собственном хозяйстве продуктов в потреблении внутри домохозяйства снижалась. Так, если в 1994 г. более половины городских и более 90% сельских семей в своем питании использовали произведенные в подсобном хозяйстве продукты, то к 2006 г. их доля сократилась до 34% среди горожан и до 77% среди селян (табл. 10). В связи с ростом доходов, а также с разнообразием и хорошим качеством продуктов питания в магазинах ориентация на собственный урожай стала менее привлекательной стратегией. Кроме того, сократился и объем используемых людьми даров земли, особенно среди горожан: многие из них продолжают выращивать на своих дачных участках овощи, ягоды и фрукты, но в небольшом количестве. Такой тип хозяйствования представляет собой, скорее, способ проведения досуга, нежели серьезную альтернативу покупкам в магазине. Кроме того, люди предпочитают вырастить небольшое количество овощей и фруктов, так как «свое» представляется более экологичным и вкусным. Такая стратегия для большинства уже не является способом выживания. Очевидно, что снижение уровня семей, ориентирующихся в потреблении на собственную продукцию, происходит в первую очередь за счет падения доли сельхозпроизводителей. Так, среди тех, кто имеет личное подсобное хозяйство, все потребляют хотя бы часть плодов своего труда.

Таблица 10. Доля домохозяйств, потреблявших свою продукцию и передававших ее безвозмездно, %, RLMS, 1994–2006 гг.

		1994 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.
Потреблявшие агропродукцию домохозяйства	город	51,9	50,9	49,6	48,4	42,1	37,8	34,2
	село	91,1	88,4	86,8	84,6	83,4	79,7	77,0
Передававшие агропродукцию домохозяйства	город	25,9	24,1	24,1	26,9	24,5	22,2	18,1
	село	54,3	42,6	44,9	42,0	41,8	38,5	37,0

Несмотря на снижающуюся долю горожан, имеющих огород или сад, доля семей, передававших выращенное своим родственникам или другим людям, остается практически постоянной: примерно 22–25%, и только в

2006 г. она упала до 18%. Однако если учитывать только городские семьи, ведущие подсобное хозяйство, то среди них в 1994 г. помогали родственникам 49%, а в 2005 г. — 61%, что свидетельствует о возрастании реципрокных связей. В то же время в 1994–2006 гг. доля доноров среди сельских семей постоянно снижалась — с 54 до 37%, а если учитывать только производителей агропродуктов — то с 59 до 48% соответственно.

Можно предположить, что на вероятность трансфертов сельскохозяйственной продукции будут влиять характеристики этапа жизненного цикла семьи. Для проверки этой гипотезы была протестирована модель бинарно-логистической регрессии, где зависимая переменная — факт наличия или отсутствия реципрокных обменов. Модель была оценена для домохозяйств, выращивающих сельскохозяйственную продукцию, отдельно для городского и сельского населения (табл. П2.4 и П2.5 Приложения к главе 2). Независимо от типа поселения с меньшей вероятностью осуществлять обмены будут семьи без партнера в домохозяйстве (с детьми или без них). Одиночки имеют меньше трудовых ресурсов (рабочих рук) для ведения ЛПХ в целом, так что даже при выращивании какой-либо продукции на своем участке шансов, что они произведут избыток продукции, который помимо собственного потребления можно отдать родственникам, друзьям и проч., немного. Направление передачи произведенной продукции будет перераспределяться скорее к одиночкам, нежели от них.

Количество детей в домохозяйстве для городского населения является незначимой объясняющей переменной, а для сельского — отрицательно влияет на реципрокные обмены. Для любого типа местности передавать собранный урожай свойственно домохозяйствам, где высока доля пенсионеров и глава семьи не молод. В силу того что реципрокные обмены обычно осуществляются не с целью экономической выгоды, а из желания помочь близким и знакомым или кого-то отблагодарить, отсутствие связи между обменами и душевыми доходами, а также числом безработных легко объяснимо. Численность населения в городе не имеет значимости в построенной регрессионной модели, а для села увеличение численности его жителей способствует развитию реципрокных связей. Хорошее здоровье членов семьи положительно влияет на вероятность передавать часть собственного урожая, а неумеренное потребление алкоголя — отрицательно.

Специализация подсобного хозяйства российских домохозяйств

Если рассматривать только те домохозяйства, которые занимались сельскохозяйственным производством, то среди них доля тех, кто выра-

щивал те или иные виды овощей, фруктов, ягод, а также занимался животноводством, изменилась незначительно. Более 80% семей выращивали картофель, огурцы, морковь, лук и чеснок, несколько меньше (около 70%) — помидоры, свеклу, капусту. Примерно половина собирали урожай кабачков, клубники и малины, смородины и крыжовника. Именно эти культуры и составляют основу частного сельскохозяйственного производства в России. На участках примерно трети домохозяйств росли слива, вишня или черешня, яблоки, цветы; у пятой части, кроме вышеперечисленных овощей, росли и другие, а также бобовые. Примерно четверть производили яйца, а пятая часть — мясо птицы и животных. Надо сказать, что животноводческую продукцию производят почти исключительно сельские жители: 42% занимающихся сельским хозяйством производят мясо, 38% — мясо птицы, 35% — молоко, 50% — яйца. В то же время горожане чаще выращивают клубнику и малину (66%), смородину и крыжовник (61%), сливу и вишню (28%), облепиху (13%), цветы (45%), кабачки (54%). Среди сельских жителей выше доля собирающих урожай картофеля, огурцов, помидоров, капусты и бахчевых, но горожане отстают не более чем на 10–15%.

Что касается натуральных показателей производства, то за 12 лет в расчете на одно домохозяйство сократилось производство картофеля (в основном за счет города) и яиц, выросло — моркови, зерновых, кукурузы, табака, мяса и мяса птицы, молока. Производство остальных видов оставалось примерно на одном уровне или было подвержено несистематическим колебаниям. Продуктивность садов и огородов горожан осталась практически без изменения за прошедшие 12 лет (за исключением картофеля, его производство упало почти вдвое), а вот сельские стали собирать больше моркови, лука, бахчевых, зерновых, яблок, мяса, меда, молока. Неудивительно, что сельские домохозяйства в среднем на одного производителя собирают урожай в 1,5–2 раза, а по некоторым видам продуктов и в 10 раз больший, чем горожане. Так, в середине 2000-х годов средняя семья в городе собирала более 300 кг картофеля¹, 60 кг помидоров, 50 кг огурцов, 70 кг капусты, 35 кг кабачков, 20 кг клубники и малины, 15 кг смородины и крыжовника, 20 кг сливы и вишни, 55 кг яблок. В селе одно домохозяйство выращивало более 700 кг картофеля, 85 кг помидоров, 60 кг огурцов, 100 кг капусты, 180 кг кабачков, 15 кг клубники и малины, 15 кг смороди-

¹ Расчет сделан в среднем на домохозяйство, производившее тот или иной вид продукции, без учета не выращивавших.

ны и крыжовника, 25 кг сливы и вишни, 130 кг яблок, 15 т зерновых, 280 кг мяса, 55 кг мяса птицы, 2,2 т молока, 715 яиц.

Для построения типологии домохозяйств по их сельскохозяйственной специализации мы использовали переменные наличия производства в течение 2006 г. того или иного вида продукции (табл. П2.6 Приложения к главе 2). На основе этих переменных методом факторного анализа с вращением варимакс было выделено 6 типов специализации, объясняющих 43,6% дисперсии. Отметим, что каждый тип представляет собой набор культур, производство которых коррелирует друг с другом и может быть объединено в один тип. В то же время каждое домохозяйство может специализироваться на нескольких направлениях.

С первым фактором сильнее всего коррелируют переменные, отражающие выращивание овощей. Ко второму выделенному направлению деятельности было отнесено производство продукции животного происхождения (мясо, молоко, яйца, мясо птицы, шкуры, шерсть, пух). Третий фактор представляет собой ориентацию домохозяйств средней полосы на выращивание ягод и фруктов (яблоки, смородина, клубника, крыжовник, малина, облепиха), а также кабачков, патиссонов и тыкв. Четвертый фактор, связанный в первую очередь с культивированием бобовых, бахчевых и кукурузы, скорее всего, свидетельствует о направленности домохозяйств на производство кормов. Урожай яблок, персиков, абрикосов, груш, винограда, сливы, вишни, черешни, т.е. растений южной полосы, — это результат специализации, соответствующей пятому фактору. И наконец, шестой фактор коррелирует с выпуском специфической продукции, чаще всего не нацеленной лишь на внутреннее потребление в семье, а именно зерна, меда и табака.

Выделенные факторы позволили нам сделать предположение о необходимом количестве кластеров домохозяйств, имеющих ту или иную специализацию. Однако последние три фактора не дали основания для формирования отдельных кластеров; кроме того, выявилась и специализация в области животноводства, тяготеющая к птицеводству или собственно животноводству. Наконец, следовало ожидать обнаружение типа домохозяйств, сельскохозяйственная активность которых сведена к минимуму. В итоге было принято решение остановиться на шести классах. Метод кластерного анализа был реализован на основе исходных дихотомических переменных, дающих информацию о том, производился ли в домохозяйстве данный вид продукции. Полученные шесть кластеров описаны ниже (табл. П2.7 Приложения к главе 2)¹.

¹ Таблицы характеристик выделенных кластеров находятся в Приложении к главе 2 (табл. П2.7 и П2.8).

Первый тип хозяйства — «огороднический», представляющий в 2006 г. 26% домохозяйств, занимавшихся агропроизводством. Подавляющее большинство семей в этом кластере выращивают картофель, помидоры, огурцы, свеклу, морковь, капусту, лук и чеснок. Примерно треть производят также кабачки, пятая часть — клубнику и малину, смородину и крыжовник. Остальные виды продуктов практически не представлены. Средний представитель группы¹ выращивает в год более 450 кг картофеля, около 40 кг огурцов и помидоров, более 50 кг капусты, около 30 кг моркови, по 25 кг свеклы и лука, 10 кг яблок, а также производит почти 50 л молока и 4 десятка яиц. Средняя площадь земельного участка — 14 соток, всего 9,1% продавали продукцию растениеводства и 2,9% — животноводства. В основном эти домохозяйства обеспечивали питание для собственной семьи, а не работали на рынок; 60% семей этого типа живет в селах или поселках; выше, чем в среднем по выборке, представлены Волжский и Волго-Вятский регионы. В этой группе чаще, чем в других, глава семьи находится в пенсионном возрасте и является экономически неактивным, но выше также доля промышленных рабочих; больше, чем в среднем по выборке, доля бедных семей (32%); средний доход составляет около 4 тыс. руб. на человека; 39% дохода семьи тратят на питание. Таким образом, данный тип домохозяйств в силу плохого материального обеспечения производит продукцию для собственного потребления, урожай состоит из самых необходимых овощей, в небольшом количестве — из яиц и молока. Такой набор продуктов вполне позволит обеспечить семью продуктами питания с учетом того, что домохозяйство у представителей этого типа зачастую состоит из 1 человека пожилого возраста и экономически неактивного. Их стратегия заключается в обеспечении себя натуральными продуктами, не прибегая при этом к рыночной реализации урожая.

Второй тип — «ягодный», его представители составляют 27,1% семей. Свое название он получил потому, что практически все домохозяйства в этой группе выращивают клубнику, малину, смородину и крыжовник. Широко распространены также кабачки (87%) и цветы (68%), в меньшей степени — другие овощи и яблоки (около 20%). Однако эти домохозяйства, как и следующие три группы, широко практикуют и огородничество, отличаясь от первого типа только дополнительными к огороду культурами. Средняя площадь участка — 10 соток. Представители этого типа выращивают чуть большие объемы всех видов овощей, кроме картофеля, а также

¹ С учетом также домохозяйств группы, не выращивавших данный вид продукции.

существенный урожай зерновых (около 350 кг). Объем производства ягод невелик: примерно по 15–20 кг на домохозяйство; здесь выращивают также около 70 корней цветов, производят 75 л молока и более двух десятков яиц. Этот тип специализации почти не развит в сельской местности, в основном это дачное хозяйство горожан. В региональном разрезе выше, чем в среднем по выборке, представительство Москвы и Санкт-Петербурга, Центрального и Центрально-Черноземного регионов, а также Урала. В этой группе выше, чем в среднем по выборке, доля обеспеченных семей, а также домохозяйств, где глава семьи имеет среднее профессиональное или высшее образование.

Третий тип — «птицеводческий» (9,9%). Его представители, помимо огорода (более 90%) и ягод (более 70%), в наибольшей степени специализируются на производстве яиц (более 90%) и мяса птицы (более 80%). Также широко распространено производство мяса животных (около 60%) и молока (более 30%), разведение цветов (более 40%), яблук (около 40%). Объемы производства этих домохозяйств намного выше, чем первых двух: в среднем производится около 9 ц картофеля, по 1 ц помидоров и капусты, 1,5 ц кабачков, более 50 кг яблок. В то же время эти семьи выращивают меньше ягод и цветов. На одно домохозяйство приходится примерно 1,5 ц мяса и около 40 кг мяса птицы, 870 л молока, более 700 яиц. В этой группе самые большие наделы: в среднем 70 соток на семью. На селе живут 82% домохозяйств с такой специализацией; 30% — в Западной Сибири и еще 24% — на Северном Кавказе. Денежные доходы этой группы ниже, чем в среднем по выборке, но на питание они тратят меньшую долю этих доходов (28,5%), так как существенную часть их располагаемых ресурсов составляют собственные продукты питания. Этот тип домохозяйств в силу большого объема выращиваемых овощей, а также производства мяса птицы и яиц, скорее всего, будет являться товарным и существенную часть выращенной и произведенной продукции продавать на рынке.

Четвертый тип — «фруктовый» (10,3% выборки). Представители этого типа несколько реже занимаются огородом (60–90% по разным культурам), активно выращивают ягоды, но, помимо этого, культивируют яблоки (более 80%), груши (20%), сливу, вишню и черешню (более 45%), виноград (20%), цветы (более 50%). Эти домохозяйства выращивают всего чуть более 2 ц картофеля в расчете на одну семью, остальные огородные культуры — примерно как представители первого типа. Кроме этого, урожай клубники и малины превышает 20 кг, смородины — 15 кг, сливы

и вишни — около 20 кг, яблок — 50 кг, груш — 12 кг, в небольших объемах получают молоко и яйца. Этот тип, как и «ягодный», более характерен для городских жителей, довольно широко распространен в Москве и Санкт-Петербурге, а также на Урале. Средний размер участка — 8 соток. Это (наряду с теми, кто ведет минимальный тип хозяйства, см. ниже) самая богатая группа населения среди сельхозпроизводителей; треть глав семей имеют высшее образование. Но такой тип служит, скорее, подспорьем для горожан, источником экологически чистых, а не основных продуктов питания.

Пятый тип — «животноводческий» (11,4% домохозяйств). Его представители предпочитают огородные культуры, а также производят мясо (более 70%), молоко (около 70%), мясо птицы (более 60%) и яйца (более 80%). Для этого типа нехарактерно производство ягод и фруктов, за исключением яблок (около 30% домохозяйств). По всем огородным культурам, кроме помидоров (их выращивают менее 70 кг), домохозяйства этого типа близки по уровню производства к третьему типу. На семью приходится также около 140 кг зерновых, более 70 кг яблок и 15 кг груш. Очень много производится молока — почти 1,5 т на семью, почти 2 ц мяса, около 35 кг мяса птицы, более 500 яиц. Эта специализация характерна исключительно для сел и поселков городского типа, шире всего она представлена на Волге и на Северном Кавказе; на одну семью в среднем приходится 24 сотки земли. Это самая бедная по уровню денежных доходов группа производителей агропродукции, здесь больше всего семей с тремя детьми и более (почти 11%). Среди глав семьи самый низкий уровень образования. Однако при таком объеме производства животноводческой продукции эти домохозяйства являются, скорее всего, товарными, и, продавая свою продукцию, они обеспечивают свою семью. Животноводческий тип домохозяйств преобладает на Северном Кавказе, где семьи характеризуются многодетностью.

Наконец, шестой тип можно назвать «минимальным», так как его представители чаще всего производят только картофель. Остальные виды представлены очень незначительно: около четверти выращивают помидоры, огурцы или лук, 30% — ягоды, 20% — яблоки. В среднем на семью приходится около 200 кг картофеля, 12 кг помидоров, менее 10 кг огурцов, 14 кг яблок, 10 кг кукурузы. Остальные продукты растениеводства не превышают 5 кг, а площадь земельного надела невелика — в среднем 9 соток. Кроме того, среднее домохозяйство получает более 30 кг мяса, более 50 л молока и почти 4 десятка яиц. Этот тип специализации

в городе представлен чуть выше, чем в среднем по выборке, он характерен для Москвы, Санкт-Петербурга и северных районов. Это группа самых богатых (среди занятых в агропроизводстве) семей, хотя уровень образования главы семьи близок к среднему, как и остальные социально-демографические характеристики. Материальная обеспеченность обусловлена в первую очередь общим высоким уровнем заработных плат жителей столицы и Севера. Поэтому, во-первых, представители данной группы имеют возможность обеспечивать себя продуктами в магазинах, во-вторых, альтернативная занятость на рынке труда при высоком уровне оплаты труда оказывается более выгодной, чем сельское хозяйство. И, в-третьих, в крупных городах нет возможности иметь большую площадь земли, и поездки на удаленные дачи и огороды занимают много времени.

Представленность разных типов производителей за 12 лет несколько изменилась: «огороднический» и «ягодный» типы стали более распространенными, «животноводческий» и «минимальный» — наоборот, сократились, а «птицеводческий» и «фруктовый» испытывали переменную динамику (рис. 4).

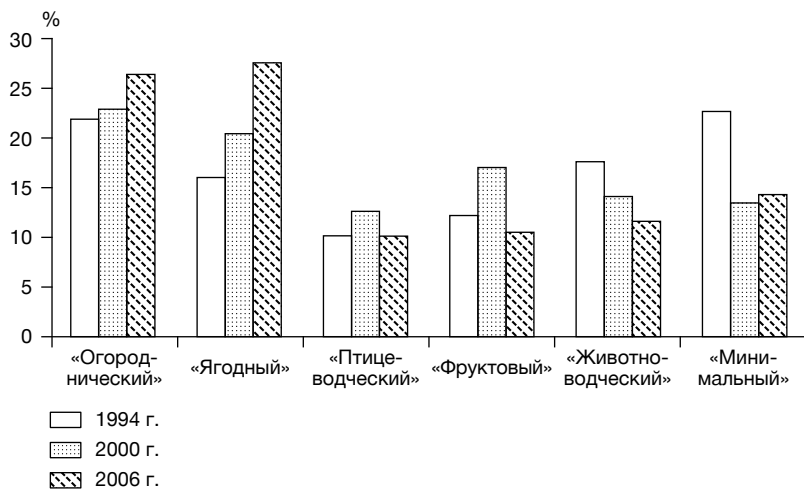

Рис. 4. Динамика представленности кластеров сельскохозяйственной специализации, %, RLMS, 1994–2006 гг.

Различия в объемах производства и уровне товарности

Если типология домохозяйств по специализации представляет относительно несложную задачу, то выделение «крупных», «средних» и «мелких» производителей требует разработки определенного алгоритма, так как невозможно, например, суммировать выращенные килограммы различных овощей и фруктов, а тем более складывать «овощи с мясом». Поэтому для каждого вида продукции, по которому есть данные в RLMS, переменная объема производства исходя из ее распределения была преобразована к четырем значениям: «нет производства», «низкий уровень», «средний уровень» и «высокий уровень». Низким объем признавался на уровне 10–15% от высокого. В том случае, если хотя бы по одному виду объем производства домохозяйства был высоким, оно считалось крупным производителем, если по всем видам объем оказался низким — мелким. Остальные домохозяйства были отнесены к «средним» частным сельхозпроизводителям.

За анализируемый период, как мы уже отмечали выше, упала доля семей, занимавшихся сельским хозяйством, как среди горожан, так и среди селян (табл. 11). Однако среди горожан это сокращение происходило в первую очередь за счет средних производителей (хотя доля мелких и крупных также частично сократилась), а среди селян — за счет крупных хозяйств. Разумеется, в некоторой мере наблюдается прямая зависимость между объемом производства и площадью земли. Так, средний участок *горожан*, не занимавшихся сельским хозяйством, в 2006 г. составлял 13 соток, мелкого производителя — 6,7 сотки, среднего — 8,3 сотки, а крупного — почти 35 соток. При этом у первых размер участка за 12 лет вырос почти в 2 раза, у последних — более чем в 2 раза, а у остальных вырос незначительно (менее чем на 10%). Можно полагать, что крупные производители среди горожан приобретали землю как производственный ресурс, а непроизводители — скорее, как рекреационный или жилой ресурс. Обе эти группы имели возможность вкладывать деньги в покупку земли, тогда как две остальные группы представляют собой, вероятнее всего, «советских дачников», не имеющих средств для расширения участка и производящих овощи и фрукты в относительно небольшом количестве для собственного потребления.

Одна из гипотез данного исследования состояла в том, что за время реформ в России происходили рост частного сельскохозяйственного производства и вращение его в рынок. Однако, как мы видели выше, сокращались как доля семей, работающих в той или иной степени на земле,

Таблица 11. Динамика типов домохозяйств по объему сельскохозяйственного производства, %, RLMS, 1994–2006 гг.

	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Городские домохозяйства (33 074 домохозяйства)											
Нет производства	46,6	47,3	47,4	49,6	50,7	56,0	57,4	60,2	61,6	63,7	65,4
Мелкое	12,7	10,6	11,2	12,1	11,3	10,7	10,9	9,7	10,2	10,1	9,9
Среднее	34,1	35,1	35,2	33,0	32,3	28,1	27,7	24,8	24,0	23,0	21,0
Крупное	6,6	7,0	6,1	5,2	5,7	5,3	4,0	5,3	4,2	3,3	3,7
Сельские домохозяйства (14 883 домохозяйства)											
Нет производства	7,8	7,9	10,2	12,2	14,4	15,9	15,8	18,4	19,8	21,8	22,6
Мелкое	5,2	6,0	6,2	7,4	6,3	6,0	8,2	7,7	6,9	7,8	6,1
Среднее	44,3	44,6	43,1	49,1	44,9	40,1	40,0	37,3	41,6	45,1	37,9
Крупное	42,7	41,6	40,5	31,3	34,4	38,0	36,0	36,6	31,7	25,3	33,3

так и доля крупных производителей, площадь их угодий и т.п. Таким образом, на первый взгляд фермерское хозяйство пока не стало жизненным укладом российских крестьян. Фермер — это крупный агропроизводитель, работающий на рынок, поэтому, чтобы выделить группу фермеров, крупные сельскохозяйственные производители были разделены на три подгруппы: те, которые продавали более 30% продукции, те, кто вообще не продавал результаты своего труда, и все остальные. Мелкие и средние производители были поделены каждые на две группы: продававшие и не продававшие что-либо из своего урожая. Отметим, что Т. Нефедова и Дж. Пэллот [Нефедова, Пэллот, 2006, с. 169–170] в своем исследовании причисляли хозяйство к товарному, если оно продавало более половины своей продукции, и к нетоварному, когда все выращенное потреблялось в домохозяйстве.

На рисунках представлена динамика распределения всех сельских (рис. 5) и городских (рис. 6) домохозяйств по типам в зависимости от объема сельскохозяйственного производства и уровня товарности.

Как показывают данные, несмотря на то что доля крупных производителей за рассматриваемый период среди сельских домохозяйств сократилась (с 43 до 33%), доля фермеров за это же время хотя и незначительно,

2.3. Результаты эмпирического анализа частной сельскохозяйственной деятельности в России

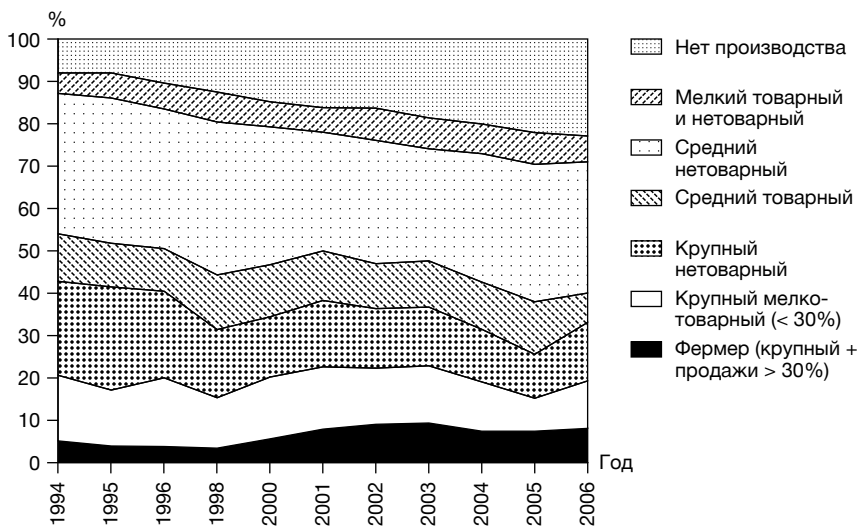

Рис. 5. Динамика типов сельских домохозяйств по объему сельскохозяйственного производства и уровню товарности, %, RLMS, 1994–2006 гг.

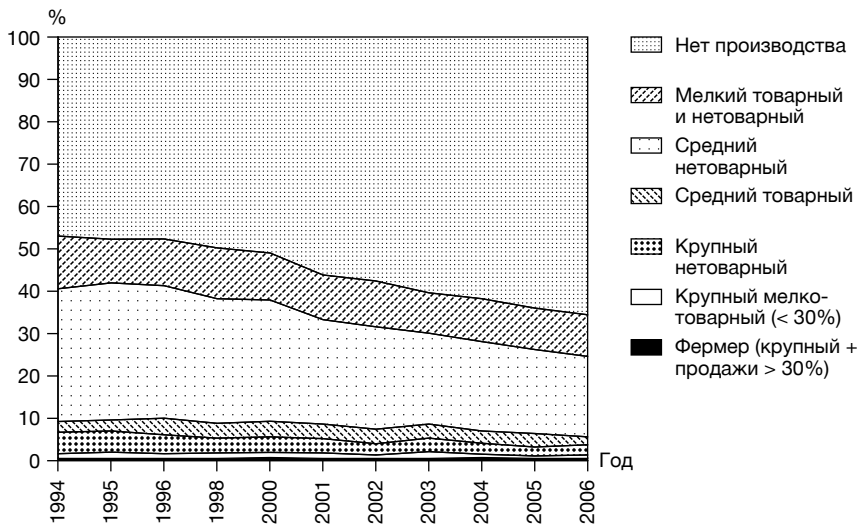

Рис. 6. Динамика типов городских домохозяйств по объему сельскохозяйственного производства и уровню товарности, %, RLMS, 1994–2006 гг.

но выросла (с 5 до 8%). При этом среди всех крупных агропроизводителей в 1994 г. фермеры составляли всего 12%, а в 2006-м — 24%, а нетоварные хозяйства — 52 и 42% соответственно.

Среди горожан также встречаются домохозяйства, объем производства и уровень товарности которых позволяют отнести их к фермерам, однако их доля не превышала 0,7% во все годы. Доля крупных производителей, реализовывавших не более 30% урожая, упала в 2 раза: с 1–1,5% в 1994–1995 гг. до 0,5–0,7% в 2005–2006 гг. В целом надо признать, что для горожан практически не характерна работа «на рынок», доля средних производителей, осуществлявших продажи, колебалась от 2 до 3,7% в разные годы, а мелких — всего около 0,5%.

Одной из серьезных проблем для товарных хозяйств является сбыт продукции. Помимо таких спонтанных каналов, как торговля на дороге или на рынке, крупным производителям нужны более надежные и востребованные источники. Основными каналами сбыта продукции являются [Нефедова, Пэллот, 2006, с. 169–170]:

- продажа на рынках (для селян это могут быть местные рынки или городские, районные, куда отвозится продукция на машине);
- сдача продукции на рынке продавцам или перекупщикам;
- продажа на обочинах автотрасс;
- для сельского населения — сдача перекупщикам, которые сами приезжают в село; такое поведение свидетельствует о проникновении рыночных отношений в сельскую местность;
- продажа продукции фермерам (в качестве примера можно привести продажу молока фермерам, которые имеют сепаратор);
- сдача продукции переработчикам;
- продажа продукции селянами дачникам, которые имеют дачу или коттедж в деревне;
- продажа овощей, фруктов, ягод отдыхающим в южных зонах и курортных местах;
- сдача продукции переработчикам (наиболее яркие примеры — молокозаводы и копильные цеха для мяса).

Таким образом, большинство этих путей сбыта актуальны, скорее, для сельского населения; лишь ничтожная доля горожан выращивают продукцию на продажу. Мы полагаем, что это в основном мелкие производители овощей, ягод и фруктов, которые продают урожай на рынке, а также пожилые люди, торгующие зеленью и т.п. около магазинов и станций метро.

Инициация сельскохозяйственного производства и отказ от него

Как показывают исследования российских социологов, часть крестьянских хозяйств увеличивает свою занятость в собственном подворье, другие же были вынуждены сократить его масштабы или вовсе отказаться от его ведения [Фадеева, 2004].

Так как база данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения является панельным обследованием, мы имели возможность проследить динамику переходов домохозяйств из состояния агропроизводителей в не выращивающих сельхозпродукцию и наоборот, а также проанализировать изменение статуса производителей по объему продаж и степени товарности.

Анализ матриц перехода между типами хозяйствования от года к году показывает, что граница между крупными и средними, а также между средними и мелкими производителями на селе очень подвижна (табл. П2.9 Приложения к главе 2). Это понятно, так как объем производства зависит, помимо вложенных домохозяйством ресурсов, от погодных условий и даже только в силу этого может быть подвержен значительным колебаниям.

Так, 60–70% крупных хозяйств сохраняют свой статус на следующий год, от 23 до почти 40% в разные годы переходили в разряд средних, не более 2% — в разряд мелких и до 3,5% прекращали сельскохозяйственную деятельность. От 17 до 30% домохозяйств со средним объемом производства увеличивали его в следующем году, от 5 до 9% — сокращали. Мелкие производители примерно с одинаковой частотой сохраняли свои позиции или поднимались до уровня средних (от 30 до 50%), но довольно редко вырастали еще больше (от 2 до 10% в разные годы). Уровень товарности крупных хозяйств также нестабилен: около четверти фермеров на будущий год сокращали объем продаж, тогда как от 7 до 20% мелкотоварных производителей его увеличивали. Характерно то, что в последние два года наблюдений стабильность фермеров выросла: более 40% сохраняли этот статус. Из средних сельских домохозяйств около 17% начинали на следующий год торговать своими продуктами, а из мелких — лишь около 7%. В то же время 40% средних и 45% мелких домохозяйств прекращали продажи.

Как мы видели выше, уровень занятости как городских, так и сельских домохозяйств сельскохозяйственной деятельностью постоянно сокращался; однако этот процесс происходил с разной степенью интенсивности среди хозяйств с разным объемом производства. Так, среди горожан около 25% мелких, 14% средних и 10% крупных хозяйств переставали что-либо производить в следующем году. При этом уровень выбытия был примерно

постоянным среди мелких и средних нетоварных производителей, но существенно колебался среди тех, кто выращивал средний объем продукции и часть ее продавал (рис. 7).

Среди селян только из мелких хозяйств в среднем по 18% прекращали работу на земле, из крупных — по 2,5%, из промежуточной группы — 5,6%. При этом средние нетоварные хозяйства чаще выбывали из производства, чем товарные (рис. 8). За 13 лет больше всего сократилась доля агропроизводителей среди городских семей Северного Кавказа (на 44%) и Северного и Северо-Западного регионов (на 42%). На селе падение доли занимающихся сельским хозяйством было выше всего также в Северном и Северо-Западном регионах (на 27%), а также в Центральном и Центрально-Черноземном (на 22%). 19% производителей потерял Северный Кавказ, около 15% — Урал и приволжские регионы. Меньше всего потерь испытали Сибирь и Дальний Восток (не более 8%).

Таким образом, можно сделать вывод, что за 12 лет происходила постепенная поляризация частного сельскохозяйственного производства. Для существенной доли горожан оно перестало быть важным источником располагаемых ресурсов, а остальные сократили объем производства и продаж. Часть сельских жителей также переориентировалась с агропроизводства на другие источники доходов, но среди крупных хозяйств выросла ориентация на рынок. В то же время покидали сферу частного сельскохозяйственного производства чаще всего мелкие хозяйства, для которых, очевидно, оно не было основным каналом получения продуктов питания. Такой же вывод был сделан О. Фадеевой на основе исследования сибирских сел [Фадеева, 2004]. Для средних производителей, особенно на селе, работа на рынок оказалась важным фактором закрепления в агросфере. Сокращение доли частных сельскохозяйственных производителей в Европейской части России было более масштабным, чем в Азиатской.

Мы полагаем, что можно обозначить несколько функций ведения частной сельскохозяйственной деятельности на основе количества выращиваемой/производимой продукции, ее вида и направления реализации. Так, можно выделить: а) рекреационную функцию сельскохозяйственной деятельности, нацеленную не столько на получение урожая, сколько на удовольствие от работы на природе, и реализуемую в небольшом объеме производства, направленного на личное потребление внутри домохозяйства, чаще всего городского; б) функцию получения дохода, которая свойственна семьям, производимым большие объемы продукции, в основном направленные на продажу; в) потребительскую функцию, выраженную в

2.3. Результаты эмпирического анализа
частной сельскохозяйственной деятельности в России

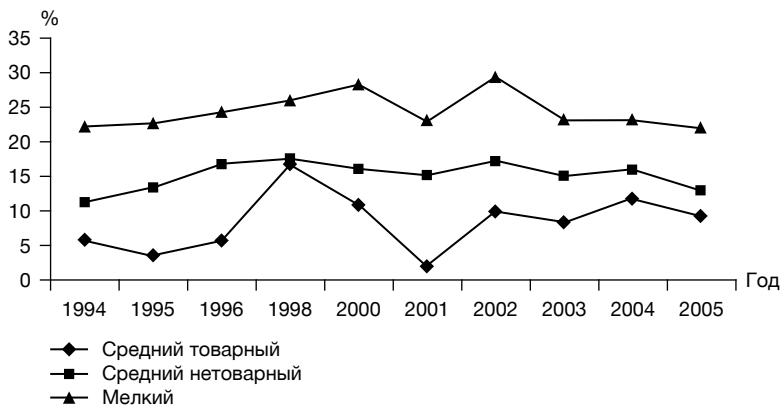

Рис. 7. Динамика уровня выбытия разных типов городских домохозяйств из агропроизводства, % не имевших производства на будущий год по каждому типу, RLMS, 1994–2006 гг.

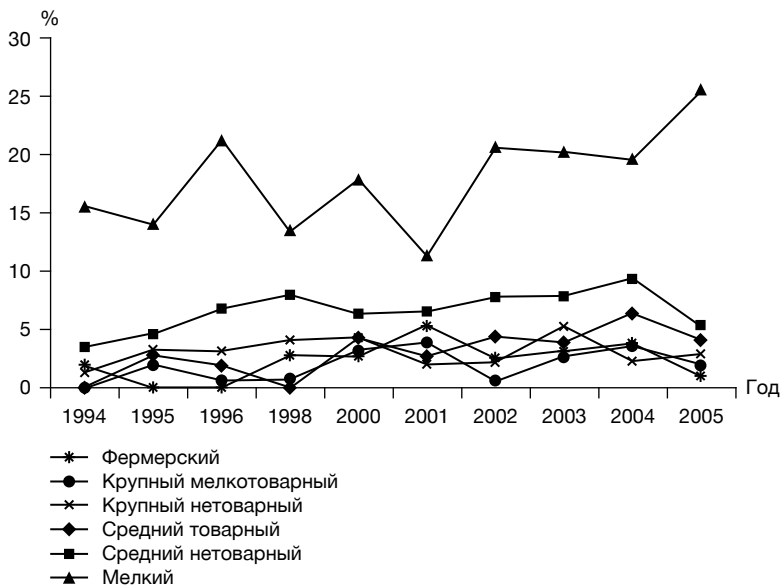

Рис. 8. Динамика уровня выбытия разных типов сельских домохозяйств из агропроизводства, % не имевших производства на будущий год по каждому типу, RLMS, 1994–2005 гг.

использовании выращенного внутри домохозяйства, в реципрокных обменах и лишь небольшой доле, направляемой на продажу.

Характеристика основных типов агропроизводителей в 2006 г.

В 2006 г. среди горожан реже всего занимались сельскохозяйственным производством жители Москвы и Санкт-Петербурга, а также Северного и Северо-Западного регионов (табл. П2.10 Приложения к главе 2). На Северном Кавказе выше, чем в среднем по России, был представлен мелкий нетоварный тип производства, на Урале — средний, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке — также средний и крупный.

Среди сельских домохозяйств выше всего незанятость агропроизводством в 2006 г. была среди жителей Северного и Северо-Западного регионов (40%), а также Центрального и Центрально-Черноземного. Как оказалось, именно в Азиатской части России больше всего представлены крупные сельхозпроизводители: в Западной Сибири это более 55% домохозяйств, из которых примерно пятая часть — фермеры, а из остальных чуть более половины работают на рынок; в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке лишь 22% имеют низкий и средний объем производства, а среди крупных — половина работают только на себя, а пятая часть продают более 30% своей основной продукции. В остальных регионах наиболее развито среднее нетоварное агропроизводство. Фермерские и крупные низкотоварные производители реже всего распространены в северных, северо-западных, центральных и центрально-черноземных областях. Таким образом, частное агропроизводство сохраняется прежде всего в западной части России, объем производства растет, хотя и не за счет укрупнения земельного надела: у крупных хозяйств он практически не вырос. Больше всего земли у крупных производителей Северного Кавказа — больше 100 соток.

Среди *крупных производителей-горожан* преобладает «ягодная» специализация (более 60%), включающая также огородные культуры. Средний размер участка таких домохозяйств составляет около 12–13 соток, а объем производства картофеля — около 1 т, овощей — от 50 кг до 1,5 ц, ягод — 20–40 кг. Подобный объем производства имеют и городские фермеры, хотя среди них существенно выше, чем по всей выборке, распространены птицеводческая и животноводческая специализации. Они также производят больше клубники и малины — в среднем 130 кг, картофеля — 1,5 т. Велики также объемы производства мяса (более 500 кг у фермеров, более 100 л у крупных низкотоварных хозяйств — среди тех, кто производит эти

виды продуктов), молока (3 т и 23 т соответственно), яиц (почти 3 тыс. и почти 2 тыс. шт. соответственно). Однако напомним, что крупные хозяйства практически не распространены среди горожан.

Городские семьи, ведущие крупное агропроизводство, — самые большие по величине и самые многодетные, почти половина из них — многопоколенные, сложные семьи (табл. П2.11 Приложения к главе 2). Глава семьи здесь чаще всего мужчина, состоящий в браке, среднего возраста; в то же время здесь самая высокая доля молодых глав семей. В этой группе самая высокая доля бедных и малообеспеченных семей, душевой доход не достигает 5,5 тыс. руб., в то же время доля расходов на питание относительно невелика (очевидно, за счет самообеспечения). Таким образом, именно эти домохозяйства, скорее всего, ориентируются на агропроизводство как на один из основных источников семейных ресурсов; в Москве и Санкт-Петербурге их доля составляет 4,2% в первую очередь в силу высоких заработков в этих городах. В то же время в этих семьях подсобное хозяйство является не альтернативой, а дополнением рыночной занятости: в этой группе самая низкая доля экономически неактивных глав семьи, и среди них нет безработных. В то же время главы этих семей имеют несколько более низкие, чем в среднем, образовательные и профессиональные позиции, что объясняет необходимость дополнения к заработкам от работы по найму ведения своего хозяйства.

Средние по объему производства городские хозяйства ориентированы на ягодную специализацию, они в среднем располагают восемью сотками земли. Но их объемы производства скромнее: урожай картофеля в расчете на одну производящую семью — около 3 ц, овощей — 30–40 кг, яблоч — 80–90 кг, ягод — 15–20 кг. Можно сказать, это активные садоводы и огородники в пределах дачного участка. Социально-демографические характеристики этих семей наиболее близки к средним по всей городской выборке: в основном это семьи из двух-трех человек, четверть из них имеют одного ребенка. Глава семьи — мужчина или женщина в браке, среднего возраста, каждый четвертый — с высшим образованием, три четверти — заняты на рынке труда, каждый третий из занятых — рабочий. Несколько ниже, чем в среднем, представлены самые обеспеченные семьи, соответственно, и средний душевой доход составляет 5,7 тыс. руб., а доля расходов на питание — 36%. Таким образом, это семья среднего горожанина, для которого дачное хозяйство не является способом выживания, однако все же представляет дополнительный источник продуктов питания.

Мелкие городские агропроизводители в подавляющем большинстве ничего не продают, среди них примерно поровну представлены огород-

ническая, ягодная и минимальная специализации. Размер участка — чуть более 6 соток, и урожай невелик: те, кто выращивает картофель, получают всего 50 кг, овощей — 10–20 кг, яблок — 30 кг, ягод — около 10–15 кг. Таким образом, это типичные дачники, для которых сад и огород — скорее удовольствие, чем серьезное подспорье в жизнеобеспечении. Среди этих семей самая высокая доля жителей обеих столиц, самые высокие доходы (6,9 тыс. руб. на человека), относительно много домохозяйств-одиночек. Глава такой семьи — чаще женщина, но доля состоящих в браке ниже, чем в других группах. Напротив, у них выше уровень образования и профессиональные позиции. Очевидно, что эти домохозяйства ориентированы на занятость на рынке труда как на основной источник доходов.

Что касается селян, то *фермерские хозяйства* преимущественно специализируются на выращивании скота (40%) и птицы (30%). Почти 3/4 из них практически поровну распределены между Северным Кавказом, районом Волги и Западной Сибирью, т.е. между регионами с благоприятными климатическими условиями. Земельные участки относительно невелики — в среднем 27 соток. Среднее хозяйство выращивает более 2 т картофеля, 6 ц свеклы, более 1 ц моркови и капусты. Велики объемы производства мяса (4 ц в расчете на производящих), молока (4,7 т), яиц (1,5 тыс. шт.). Объем продаж по разным видам продуктов составляет от 40% (картофель, капуста) до 66–80% (молоко, мясо, мясо птицы). 4,5% фермеров выращивают зерно — урожай составляет более 7 т на домохозяйство.

Среди других сельских жителей это самые большие домохозяйства (в среднем 3,7 человека), с довольно высокой долей семей с детьми, в том числе с 2–3 детьми (табл. П2.12 Приложения к главе 2). Чаще всего это либо семейная пара с детьми, либо сложная семья; одиночки и одиночки с детьми практически не ведут такой тип хозяйства. В этой группе среди глав семей ниже доля женщин, но выше — состоящих в браке, относительно мало людей пенсионного возраста, четверть являются экономически неактивными (что ниже, чем в среднем по выборке), но наиболее высока доля безработных (3%). Среди работающих глав семьи самая высокая по выборке доля сельскохозяйственных рабочих (4,2%), уровень образования не отличается от прочих. Таким образом, для этих домохозяйств собственное агропроизводство хотя и не является альтернативой работы по найму, но представляет собой возможность самых высоких на селе душевых доходов: более 10,5 тыс. руб. при среднем уровне менее 5 тыс.

Крупные сельские агропроизводители с низким уровнем товарности имеют практически такую же специализацию, как фермеры, и примерно та-

кой же земельный надел, но все же объем их производства по всем видам культур немного ниже, как и доля продаж. 43% расположены в Сибири и на Дальнем Востоке.

Это также многочисленные, а нередко и многодетные семьи; среди глав семей преобладают мужчины, люди, состоящие в браке, уровень их образования и занятость примерно на среднем уровне. В то же время занятые по найму имеют неплохие профессиональные позиции. Однако эти домохозяйства, в отличие от предыдущей группы, являются самыми бедными по уровню денежного душевого дохода (3,1 тыс. руб.), хотя существенную часть их ресурсов составляет выращенная агропродукция, не оцениваемая в деньгах.

Треть *нетоварных больших хозяйств на селе* заняты преимущественно огородничеством, примерно по четверти выращивают скот и птицу. Почти по 20% этих домохозяйств живут в центре России и на Волге, 35% — за Уралом. Объемы производства у них в среднем такие же, как и у предыдущей группы, но все потребляется внутри домохозяйства, а от 5 до 10% (по отдельным продуктам и 20%) безвозмездно передается родственникам и друзьям.

Среди этих семей выше, чем в двух предыдущих, доля одиночек и ниже — сложных семей. 47% глав семьи не состоят в браке, 33% — старше 60 лет, 59% не заняты на рынке труда, а среди занятых относительно выше доля рабочих. Это также не самые богатые семьи, относительно немного тратящие на продукты питания, но компенсирующие это собственным производством. Мы полагаем, что довольно большой возраст не позволяет этим домохозяйствам приспособиться к новым условиям хозяйствования на земле и продавать свою продукцию на рынке.

Средние сельские товарные хозяйства также ориентированы на разведение скота (32%) и птицы (29%). Чуть меньше трети из них живет на Волге, более 30% — на Северном Кавказе, т.е. на благоприятных с точки зрения климата землях для земледелия. На одно производящее домохозяйство в среднем приходится 5 ц картофеля, от 30 до 70 кг овощей, почти 100 кг яблок, совсем немного ягод (10–15 кг), 260 кг мяса, почти 2 т молока и более 500 яиц. Все это выращивается в среднем на 16 сотках земли. Эти хозяйства продают 30–40% урожая овощей, молока и мяса — 50–70%. В этой группе выше всего доля семейных пар с детьми (32%). В то же время среди глав семьи 33% не состоят в браке, 70% работают по найму и имеют неплохие профессиональные позиции, в том числе руководящие. В этой группе среди глав семьи выше всего доля имеющих высшее образование, не самая

высокая доля пожилых. Однако их доходный статус не слишком отличается от предыдущей группы.

Средние крестьянские дворы, не торгующие своей продукцией, больше всего ориентированы на чистое огородничество (45%), и по культурам этой специализации их урожай близок к предыдущей группе, но практически весь потребляется внутри семьи, лишь 5–10% идет на межсемейные трансферты. Средний размер участка — 12 соток. Особенностью этой группы является относительно высокий возраст главы семьи (35% — старше 60 лет) и относительно невысокий уровень образования (48% не имеют профессионального образования). 40% из них являются экономически неактивными, в том числе в силу возраста, среди занятых 41% — рабочие. Большинство этих семей не имеют несовершеннолетних детей, относительно высока доля одиночек. Эта группа семей также имеет низкие душевые денежные доходы (менее 3,6 тыс. руб.), компенсируя их недостаток работой на своем участке и в основном потребляя эти продукты внутри семьи. Таким образом, это сельские семьи с низким трудовым потенциалом, плохо приспособленные к работе на рынок.

Сельские мелкие хозяйства (практически полностью нетоварные, так как товарных среди них всего 0,2%) занимаются огородничеством (55%) либо почти ничего не выращивают (минимальная специализация — 34%). Земельный надел — 7,3 сотки в среднем на одну семью. Только 60% из них занимаются огородом, но выращивают всего 60 кг картофеля и 15–20 кг других овощей. Около трети получают по 7 кг малины или клубники, только 14% снимают урожай яблок (всего по 40 кг), каждая пятая семья сажает цветы, а каждая десятая — получает яйца (всего по 140 шт. в год). Эти семьи почти не участвуют в межсемейных трансфертах, передают не более 2–3% выращенного.

Треть этих домохозяйств живут в Центральном и Центрально-Черноземном районах, еще почти 30% — на Северном Кавказе. Можно предположить, что природный потенциал этих земель не используется полностью, однако эти семьи имеют не самые низкие доходы прежде всего за счет пенсии, так как 45% глав этих семей старше 60 лет. В то же время 61% работают по найму, в основном занимая должности служащих. 36% группы — семьи одиночек. Эти позиции позволяют иметь душевой доход на уровне 4,4 тыс. руб. на человека, хотя 38% его расходуется на покупку продуктов питания.

Отметим также, что сельские жители, совсем не занимающиеся агропроизводством, имеют второй по уровню (после фермеров) душевой доход (6,1 тыс. руб.), в этой группе относительно высока доля молодых глав се-

мы, заняты на рынке труда 70%, 19% имеют высшее образование. Таким образом, эти домохозяйства имеют довольно высокий уровень человеческого капитала, что позволяет им иметь более высокие доходы от занятости по найму, чем от работы на земле. Это подтверждает гипотезу о том, что более высокая ставка заработной платы способствует отказу от бесплатного труда в пользу рыночного.

2.4. ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 2

В 1994–2006 гг., т.е. в течение 12 лет, доля домохозяйств, ведущих частное сельскохозяйственное производство, имела нисходящую динамику. Причинами этого были, в частности, повышение благосостояния российских семей и снижение пользы от ведения агропроизводства. Одновременно увеличивалась площадь земельных участков россиян, а также росло число земельных участков, на которых семьи не выращивали никаких продуктов. Эти земли фактически используются для отдыха или проживания. Таким образом, функция земельного участка трансформируется: от производственной к рекреационно-природопользовательской. Отказ от выращивания урожая для обеспечения жизнедеятельности проявляется в первую очередь среди высокообеспеченных горожан, с высшим образованием, преимущественно молодого возраста, проживающих в Москве или Санкт-Петербурге. Однако душевой доход членов городских домохозяйств не влияет на вероятность ведения или неведения ЛПХ. Так как для горожан характерно преобладание «ягодного», «фруктового» и «минимального» типов по специализации и объему сельхозпродукции, для большинства домохозяйств это, скорее всего, не способ выживания, а вид активного отдыха. В основном городские жители имеют возможность обеспечить себе определенный уровень благосостояния за счет занятости на рынке труда. Таким образом, земельный участок они используют для досуга, выращивания небольшого урожая, требующего небольших трудозатрат, чтобы частично обеспечить семью свежими, экологически чистыми овощами, ягодами и фруктами. Лишь ничтожная доля горожан продает выращенное.

Для селян работа на земле всегда была основным способом труда, источником продуктов питания и доходов. Однако к 2006 г. ЛПХ вели всего 3/4 сельских домохозяйств. В динамике мы наблюдаем их поляризацию: мелкие и некоторые средние производители перестают вести хозяйство, а доля выделенных нами фермеров возрастает. Граница между средними

и мелкими, а также между крупными и средними производителями довольно подвижна. Из-за климатических условий, урожайности года и т.д. объем производимой продукции и, следовательно, уровень товарности из года в год могут меняться.

Наиболее успешными товарными хозяйствами являются те, которые расположены в крупных населенных пунктах с развитой инфраструктурой, что дает им преимущества при реализации собственной продукции. Сельские домохозяйства с главой семьи молодого возраста с большей вероятностью будут продавать результаты своего труда, чем прочие. Однако молодежь массово покидает деревню, а освоение инновационной техники для обработки земли и производства сельскохозяйственной продукции становится не под силу старшему поколению, что ведет к сужению сельскохозяйственного производства в деревнях.

Роль производства сельскохозяйственной продукции в питании домохозяйств снизилась, нынешние показатели доли ЛПХ в доходах российских домохозяйств несравнимы с серединой 1990-х годов. Даже среди тех семей, которые ведут агропроизводство, наблюдается снижение объема урожая по основным продуктам питания россиян (картофель, морковь, лук, чеснок, огурцы). Производство овощей характерно для большинства селян, а выращивание ягод примерно в равной степени — для населенных пунктов городской и сельской местности; производство малины и клубники горожанами иногда даже превосходит объем произведенных селянами ягод. Помимо этого, наблюдаются развитые и прогрессирующие реципрокные обмены сельскохозяйственной продукцией среди горожан, а в сельской местности они либо остаются на стабильном уровне, либо снижаются. Большая роль социальных сетей и взаимоподдержки близких людей, друзей и родственников продолжает быть характерной для культуры российских людей независимо от изменений характера производства продукции и его объемов.

Частная сельскохозяйственная деятельность все реже является основным источником выживания как сельских, так и городских домохозяйств. Горожане имеют альтернативные формы занятости и поддерживают земельные участки либо для минимального выращивания растениеводческой продукции, либо для организации дачного отдыха. Сельские жители мелких населенных пунктов выращивают сельхозпродукцию прежде всего для собственного потребления и из-за неразвитости инфраструктуры имеют небольшие шансы ее продавать. Несмотря на то что на этапе экономического роста уровень благосостояния российских домохозяйств повысился (в связи с чем наблюдается нисходящее развитие сельскохо-

зяйственного производства), сохраняются многие культурные ценности и традиции прошлого. Даже в городской местности доля домохозяйств, владеющих земельным участком и выращивающих на нем продукты питания, остается довольно высокой.

2.5. ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 2¹

Таблица П2.1. Социально-демографические и экономические характеристики домохозяйств в разрезе активности на земельном участке, RLMS, 2006 г.

	Тип землевладения и агропроизводства					
	Нет земли, нет дачи, не ведут хозяйство	Есть дача и/или земля, не ведут хозяйство	Животноводство без земледелия	Земледелие	Земледелие и животноводство	Всего
Тип поселения	<i>Город</i>					
<i>Возраст главы семьи (лет):</i>						
13–19	2,0	3,4*	14,3*	1,0	4,2*	1,8
20–24	8,0	6,4	14,3	4,5	4,2*	6,7
25–29	12,5	8,8	0,0*	5,5	7,3*	9,9
30–34	12,8	12,7	28,6*	8,2	10,4	11,3
35–39	10,2	12,3	0,0*	8,0	6,3*	9,5
40–44	7,8	11,3	0,0*	10,1	14,6	8,9
45–49	9,7	8,8	14,3*	11,6	7,3*	10,2
50–54	7,4	7,4	14,3*	11,3	10,4	8,7
55–59	6,1	8,3	0,0*	10,5	6,3*	7,6
60–64	3,2	4,4	14,3*	6,6	6,3*	4,4
65 и старше	20,3	16,2	0,0*	22,6	22,9	20,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>Образование</i>						
Доля домохозяйств, в составе которых есть хотя бы 1 человек с высшим образованием (%)	35,0	48,3	28,6*	39,5	32,7	37,1

¹ Расчеты всех Приложений сделаны на данных RLMS, 1994–2006 гг.

*Глава 2. Поведение российских домохозяйств
в сфере частной сельскохозяйственной деятельности*

Продолжение табл. П2.1

	Тип землевладения и агропроизводства					
	Нет земли, нет дачи, не ведут хозяйство	Есть дача и/или земля, не ведут хозяйство	Животно- водство без зем- леделия	Земле- делие	Земле- делие и животно- водство	Всего
Доля людей с высшим образованием среди членов домохозяйства (%)	20	25	11*	21	16	20
<i>Материальная обеспеченность</i>						
Среднедушевые доходы	6921	8926	4380*	6167	4417	6709
Среднедушевые расходы	7739	10229	6787*	24731	6279	7927
<i>Населенный пункт</i>						
Москва и Санкт-Петербург	19,1	29,5	14,3*	11,9	7,1*	17,0
Другие города	80,9	70,5	85,7*	88,1	92,9	83,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>Среднее число членов домохозяйства</i>	2,48	3,03	3,29*	2,96	3,10	
<i>Тип семьи</i>						
Одиночки	25,5	14,0	0,0*	11,9	16,3	20,2
Семейная пара без детей и других родственников	14,5	7,7	28,6*	22,4	15,3	16,7
Семейная пара с 1–2 детьми или внуками	27,8	34,3	57,1*	26,2	28,6	27,7
Один взрослый с 1–2 детьми	4,5	4,8*	0,0*	1,8	1,0*	3,6
Сложные семьи (прочие)	27,8	39,1	14,3*	37,8	38,8	31,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>Число детей в возрасте до 17 лет в домохозяйстве (чел.)</i>						
Нет детей	59,5	50,2	28,6*	64,1	58,2	60,4
1 ребенок	31,4	35,7	42,9*	25,4	23,5	29,5
2 детей	8,4	12,1	28,6*	9,1	15,3	9,0

2.5. Приложение к главе 2

	Тип землевладения и агропроизводства					
	Нет земли, нет дачи, не ведут хозяйство	Есть дача и/или земля, не ведут хозяйство	Животно- водство без зем- леделия	Земле- делие	Земле- делие и животно- водство	Всего
3 детей и более	0,8	1,9*	0,0*	1,4	3,1*	1,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Средние значения по типу землевладения и агропроизводства						
Среднедушевые доходы (руб. в месяц)	6921	8926	4380*	6167	4417	6709
Среднедушевые расходы (руб. в месяц)	7739	10229	6787*	24731	6279	7927
Среднее число членов домо- хозяйства (чел.)	2,48	3,03	3,29*	2,96	3,10	
Среднее число пенсионеров в домохозяйстве	0,56	0,65	0,43*	0,90	0,85	0,68
Тип поселения	Село					
Возраст главы семьи (лет):						
13–19	1,5*	1,9*	0,0*	1,1*	1,3*	1,3
20–24	10,2	3,8*	20,0*	4,7	5,1	6,1
25–29	17,0	7,5*	0,0*	9,4	7,6	10,0
30–34	12,3	9,4*	13,3*	9,6	10,3	10,5
35–39	11,1	11,3*	6,7*	8,1	7,8	8,6
40–44	8,3	1,9*	20,0*	7,2	10,7	8,9
45–49	6,2	9,4*	13,3*	8,7	14,2	10,7
50–54	5,9	15,1*	0,0*	10,4	9,5	9,2
55–59	4,0	5,7*	6,7*	7,9	6,8	6,6
60–64	2,8	0,0*	6,7*	4,2	3,9	3,7
65 и старше	20,7	34,0	13,3*	28,7	22,7	24,5
Всего	100,0	100,0	100,0*	100,0	100,0	100,0
Образование						
Доля домохозяйств, в составе которых есть хотя бы 1 человек с высшим образованием (%)	25,0	24,5	6,7*	16,6	20,4	20,1

*Глава 2. Поведение российских домохозяйств
в сфере частной сельскохозяйственной деятельности*

Продолжение табл. П2.1

	Тип землевладения и агропроизводства					
	Нет земли, нет дачи, не ведут хозяйство	Есть дача и/или земля, не ведут хозяйство	Животно- водство без зем- леделия	Земле- делеие	Земле- делеие и животно- водство	Всего
Доля людей с высшим образованием среди членов домохозяйства (%)	13	13	3	8	9	9
<i>Материальная обеспеченность</i>						
Среднедушевые доходы	6160,90	5897,04	3938,15	4589,88	4202,14	4756,67
Среднедушевые расходы	6854,04	6852,38	7312,75	4667,12	4460,22	5053,28
Среднее число членов домохозяйства	2,53	2,15	2,67	2,72	3,30	2,92
<i>Тип семьи</i>						
Одиночки	25,2	37,7	13,3*	24,2	8,8	17,9
Семейная пара без детей и других родственников	15,7	17,0*	13,3*	14,7	23,3	18,8
Семейная пара с 1–2 детьми или внуками	29,2	15,1*	46,7*	26,0	25,9	26,4
Один взрослый с 1–2 детьми	8,6	3,8*	6,7*	3,8	0,8*	3,4
Сложные семьи (прочие)	21,2	26,4	20,0*	31,3	41,2	33,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>Число детей в возрасте до 17 лет в домохозяйстве (чел.)</i>						
Нет детей	52,9	75,5	40,0*	57,5	57,0	56,8
1 ребенок	34,8	13,2*	40,0*	30,0	23,2	27,4
2 детей	11,4	9,4*	20,0*	10,2	13,8	12,1
3 детей и более	0,9*	1,9*	0,0*	2,3	6,0	3,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

2.5. Приложение к главе 2

	Тип землевладения и агропроизводства					
	Нет земли, нет дачи, не ведут хозяйство	Есть дача и/или земля, не ведут хозяйство	Животноводство без земледелия	Земледелие	Земледелие и животноводство	Всего
Средние значения по типу землевладения и агропроизводства						
Среднедушевые доходы (руб. в месяц)	6160,90	5897,04	3938,15	4589,88	4202,14	4756,67
Среднедушевые расходы (руб. в месяц)	6854,04	6852,38	7312,75	4667,12	4460,22	5053,28
Среднее число членов домохозяйства (чел.)	2,53	2,15	2,67	2,72	3,30	2,92
Среднее число пенсионеров в домохозяйстве	0,49	0,62	0,47	0,80	0,86	0,76

Примечание. Звездочкой (*) помечены ячейки, в которых содержится менее 10 наблюдений.

Таблица П2.2. Бинарно-логистическая модель регрессионного анализа для подвыборки городского населения (зависимая переменная в году (Т+1) — есть/нет агропроизводства)

Независимые переменные	B	Sig.	Exp(B)
<i>Тип семьи</i> (база — сложная семья)			
Одиночки	-1,546	0,000*	0,213
Семейная пара без детей и других родственников	-0,297	0,000*	0,743
Семейная пара с 1–2 детьми или внуками	-0,180	0,000*	0,836
Один взрослый с 1–2 детьми	-0,729	0,000*	0,482
<i>Количество детей в домохозяйстве</i> (база — 3 и более)			
Нет детей	-0,047	0,364	0,954
1 ребенок	0,384	0,000*	1,468
2 детей	0,271	0,042*	1,312
Доля пенсионеров в д/х	0,429	0,000*	1,536
Наличие высшего образования хотя бы у 1 члена д/х	0,114	0,001*	1,120
Возраст главы семьи	0,020	0,000*	1,020
Наличие хотя бы 1 безработного члена в д/х	-0,046	0,386	0,955

*Глава 2. Поведение российских домохозяйств
в сфере частной сельскохозяйственной деятельности*

Окончание табл. П2.2

Независимые переменные	B	Sig.	Exp(B)
Душевой доход в ценах 2006 г.	-0,000001	0,714	1,000
Доля расходов на питание	-0,008	0,000*	0,992
<i>Регион</i> (база — Восточная Сибирь и Дальний Восток)			
Москва, Санкт-Петербург	-0,385	0,019*	0,680
Северный, Северо-Западный	-1,004	0,000*	0,366
Центральный, Центральное-Черноземный	-0,534	0,000*	0,586
Волжский, Волго-Вятский	-0,778	0,000*	0,459
Северный Кавказ	-0,454	0,000*	0,635
Урал	-0,463	0,000*	0,629
Западная Сибирь	-0,790	0,000*	0,454
Численность населения в населенном пункте	-0,0000002	0,000*	0,999
Доля членов д/х с хорошим здоровьем	0,511	0,000*	1,667
Употребление членами семьи любого алкоголя 2 раза в неделю и чаще, а также крепкого алкоголя	-0,268	0,009*	0,765
<i>Год обследования</i> (база — 2005 г.)			
1994	19,743	0,999	37526
1995	-1,104	0,167	0,332
1996	-1,167	0,144**	0,311
1998	-1,255	0,116**	0,285
2000	-1,422	0,075**	0,241
2001	-1,478	0,064**	0,228
2002	-1,699	0,033*	0,183
2003	-1,767	0,027*	0,171
2004	-1,870	0,019*	0,154
Constant	1,422	0,078**	4,145

Уровень значимости: ** — 5%, * — 10%.

Таблица П2.3. Бинарно-логистическая модель регрессионного анализа для подвыборки сельского населения, ведущего ЛПХ (зависимая переменная в году (T+1) — продает/не продает сельскохозяйственную продукцию)

Независимые переменные	B	Sig.	Exp(B)
<i>Тип семьи</i> (база — сложная семья)			
Одиночки	-0,653	0,000*	0,520
Семейная пара без детей и других родственников	0,010	0,916	1,010

2.5. Приложение к главе 2

Независимые переменные	B	Sig.	Exp(B)
Семейная пара с 1–2 детьми или внуками	–0,098	0,176	0,907
Один взрослый с 1–2 детьми	–1,002	0,000*	0,367
<i>Количество детей в домохозяйстве (база — 3 и более)</i>			
Нет детей	–0,477	0,001*	0,621
1 ребенок	–0,435	0,001*	0,647
2 ребенка	–0,277	0,033*	0,758
Доля пенсионеров в д/х	–0,287	0,010*	0,751
Высшее образование хотя бы у 1 члена д/х	0,141	0,058**	1,152
Возраст главы семьи	–0,004	0,072**	0,996
Наличие хотя бы 1 безработного члена в д/х	0,206	0,022*	1,229
Душевой доход в ценах 2006 г.	0,00002	0,055**	1,00002
Доля расходов на питание	–0,012	0,000*	0,988
<i>Регион (база — Восточная Сибирь и Дальний Восток)</i>			
Северный, Северо-Западный	–0,759	0,000*	0,468
Центральный, Центрально-Черноземный	–0,575	0,001*	0,563
Волжский, Волго-Вятский	–0,232	0,171	0,793
Северный Кавказ	–0,010	0,953	0,990
Урал	–0,024	0,897	0,977
Западная Сибирь	0,097	0,565	1,102
Численность населения в населенном пункте	–0,0001	0,000*	0,9999
Доля членов д/х с хорошим здоровьем	0,607	0,000*	1,834
Употребление членами семьи любого алкоголя 2 раза в неделю и чаще, а также крепкого алкоголя	–0,068	0,756	0,934
Наличие трактора, мини-трактора или грузового автомобиля	0,381	0,000*	1,464
<i>Год обследования (база — 2005 г.)</i>			
1995	0,688	0,067*	1,989
1996	0,631	0,094**	1,879
1998	0,810	0,032*	2,248
2000	0,956	0,011*	2,602
2001	0,845	0,024*	2,327
2002	0,874	0,019*	2,397
2003	0,732	0,050*	2,080
2004	0,579	0,122**	1,784
Constant	0,030	0,944	1,031

Уровень значимости: ** — 5%, * — 10%.

Таблица П2.4. Бинарно-логистическая модель регрессионного анализа для подвыборки городского населения, ведущего ЛПХ (зависимая переменная в году (Т+1) — отдает/не отдает сельскохозяйственную продукцию на безвозмездной основе)

Независимые переменные	B	Sig.	Exp(B)
<i>Тип семьи</i> (база — сложная семья)			
Одиночки	-1,010	0,000*	0,364
Семейная пара без детей и других родственников	0,033	0,566	1,034
Семейная пара с 1–2 детьми или внуками	0,021	0,683	1,021
Один взрослый с 1–2 детьми	-0,430	0,000*	0,650
<i>Количество детей в домохозяйстве</i> (база — 3 и более)			
Нет детей	-0,005	0,974	0,995
1 ребенок	-0,205	0,196	0,815
2 ребенка	0,006	0,970	1,006
Доля пенсионеров в д/х	0,600	0,000*	1,822
Высшее образование хотя бы у 1 члена д/х	0,221	0,000*	1,247
Возраст главы семьи	0,017	0,000*	1,017
Наличие хотя бы 1 безработного члена в д/х	-0,029	0,634	0,971
Душевой доход в ценах 2006 г.	0,000	0,371	1,000
Доля расходов на питание	-0,013	0,000*	0,987
<i>Регион</i> (база — Восточная Сибирь и Дальний Восток)			
Москва, Санкт-Петербург	-1,018	0,000*	0,361
Северный, Северо-Западный	-0,610	0,000*	0,543
Центральный, Централь-но-Черноземный	-0,197	0,009*	0,821
Волжский, Волго-Вятский	-0,489	0,000*	0,613
Северный Кавказ	-0,051	0,568	0,950
Урал	-0,186	0,016*	0,830
Западная Сибирь	-0,443	0,000*	0,642
Численность населения	0,000	0,732	1,000
Доля членов д/х с хорошим здоровьем	0,497	0,000*	1,644
Употребление любого алкоголя членами семьи 2 раза в неделю и чаще, а также крепкого алкоголя	-0,208	0,089**	0,812
<i>Год обследования</i> (база — 2005 г.)			
1994	1,541	0,087**	4,671
1995	0,393	0,573	1,481

2.5. Приложение к главе 2

Независимые переменные	B	Sig.	Exp(B)
1996	0,437	0,530	1,548
1998	0,589	0,397	1,802
2000	0,379	0,586	1,461
2001	0,439	0,528	1,551
2002	0,220	0,751	1,247
2003	0,234	0,736	1,264
2004	0,164	0,814	1,178
Constant	-1,662	0,020	0,190

Уровень значимости: ** — 5%, * — 10%.

Таблица П2.5. Бинарно-логистическая модель регрессионного анализа для подвыборки сельского населения, ведущего ЛПХ (зависимая переменная в году (T+1) — отдает/не отдает сельскохозяйственную продукцию на безвозмездной основе)

Независимые переменные	B	Sig.	Exp(B)
<i>Тип семьи</i> (база — сложная семья)			
Одиночки	-0,515	0,000*	0,597
Семейная пара без детей и других родственников	0,082	0,301	1,086
Семейная пара с 1–2 детьми или внуками	-0,040	0,540	0,960
Один взрослый с 1–2 детьми	-1,450	0,000*	0,235
<i>Количество детей</i> (база — 3 и более)			
Нет детей	-0,341	0,008*	0,711
1 ребенок	-0,375	0,002*	0,687
2 ребенка	-0,318	0,009*	0,728
нет детей	0,592	0,000*	1,807
Высшее образование хотя бы у 1 члена д/х	0,119	0,072**	1,126
Возраст главы семьи	0,008	0,000*	1,008
Наличие хотя бы 1 безработного члена в д/х	-0,018	0,821	0,982
Душевой доход в ценах 2006 г.	0,000	0,317	1,000
Доля расходов на питание	-0,011	0,000*	0,989
<i>Регион</i> (база — Восточная Сибирь и Дальний Восток)			
Северный, Северо-Западный	-0,841	0,000*	0,431
Центральный, Центральнo-Черноземный	-0,412	0,011*	0,662

*Глава 2. Поведение российских домохозяйств
в сфере частной сельскохозяйственной деятельности*

Окончание табл. П2.5

Независимые переменные	B	Sig.	Exp(B)
Волжский, Волго-Вятский	-0,156	0,333	0,856
Северный Кавказ	-0,237	0,151	0,789
Урал	-0,443	0,010*	0,642
Западная Сибирь	-0,792	0,000*	0,453
Численность населения в населенном пункте	-0,00003	0,000*	0,99997
Доля членов д/х с хорошим здоровьем	0,318	0,000*	1,374
Употребление членами семьи любого алкоголя 2 раза в неделю и чаще, а также крепкого алкоголя	-0,392	0,024*	0,676
<i>Год обследования (база — 2005 г.)</i>			
1994	0,246	0,535	1,279
1995	1,065	0,000*	2,901
1996	1,034	0,001*	2,812
1998	1,141	0,000*	3,130
2000	0,998	0,001*	2,713
2001	0,975	0,001*	2,651
2002	0,872	0,004*	2,391
2003	0,789	0,009*	2,202
2004	0,898	0,003*	2,455
Constant	-0,592	0,100	0,553

Уровень значимости: ** — 5%, * — 10%.

Таблица П2.6. Модель факторного анализа, повернутая матрица компонент

	Факторы					
	1	2	3	4	5	6
За последние 12 месяцев семья собрала урожай:						
моркови	0,80					
свеклы	0,77					
огурцов	0,70					
капусты	0,69					
лука, чеснока	0,62					
помидоров	0,55					
картофеля	0,47					
В течение последних 12 месяцев семья производила:						
мясо, кроме мяса птицы		0,80				

2.5. Приложение к главе 2

	Факторы					
	1	2	3	4	5	6
молоко		0,79				
яйца		0,74				
мясо птицы		0,68				
шкура		0,62				
шерсть, пух		0,33				
За последние 12 месяцев семья собрала урожай:						
кабачков, патиссонов, тыкв	0,37		0,44			
смородины, крыжовника			0,69			
клубники, малины			0,67			
яблок			0,51		0,30	
облепихи			0,46			
За последние 12 месяцев семья собрала урожай:						
бахчевых				0,60		
кукурузы				0,57		
других овощей				0,54		
бобовых				0,52		
других ягод				0,34		
За последние 12 месяцев семья собрала урожай:						
абрикосов, персиков					0,62	
груш					0,61	
винограда					0,56	
слив, вишни, черешни					0,50	
За последние 12 месяцев семья собрала урожай зерновых						0,71
В течение 12 месяцев семья производила мед						0,50
За последние 12 месяцев семья собрала урожай табака						0,48

Примечания.

1. Метод отбора: метод главных компонент.
2. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.
3. Вращение осуществлено за 7 итераций.
4. В таблице выведены факторные нагрузки, превышающие 0,3.

Таблица П2.7. Доля (%) домохозяйств, производивших те или иные виды с/х продукции, по типам кластеров, среди ведущих с/х производство, %, RLMS, 2006 г. (N = 2592 домохозяйства)

	Огород- нический	Ягодный	Птице- водческий	Фрукто- вый	Животно- водческий	Мини- мальный
	1	2	3	4	5	6
Количество домохозяйств	681	711	261	271	299	369
% среди производящих с/х продукты:	25,9	27,1	9,9	10,3	11,4	14,0
картофель	86,9	91,0	99,6	64,6	99,7	56,1
помидоры	68,4	80,9	91,6	78,6	74,6	23,3
огурцы	88,0	94,0	97,3	91,5	88,0	24,1
свекла	87,5	94,7	98,1	80,8	84,3	7,6
морковь	95,2	97,5	98,1	85,6	96,7	14,9
капуста	71,5	79,2	92,3	53,9	84,3	6,5
лук, чеснок	83,7	94,8	92,7	87,1	86,3	25,2
кабачки и т.д.	31,9	86,9	77,4	56,8	47,2	7,3
другие овощи	13,2	26,0	47,5	17,7	9,7	7,3
бахчевые	4,7	5,2	26,8	3,7	10,0	0,5
зерновые	0,1	0,0	3,1	0,0	1,3	0,0
бобовые	9,0	39,0	43,3	15,1	12,0	3,8
кукуруза	3,1	4,6	17,6	4,4	7,4	0,3
табак	0,7	0,4	0,8	0,0	0,7	0,0
клубника, малина	22,2	92,0	72,0	90,8	12,7	30,6
смородина, крыжовник	23,9	89,9	72,4	84,9	20,7	27,1
облепиха	2,2	16,0	6,1	16,6	1,0	2,4
слива, вишня, черешня	2,9	7,2	21,5	46,9	7,7	6,2
виноград	4,8	7,2	14,2	21,0	2,7	7,0
другие ягоды	1,2	6,9	2,3	7,7	0,3	1,9
яблоки	15,4	39,5	36,8	88,6	35,8	19,8
груши	0,9	5,1	7,7	20,7	5,0	5,4
абрикосы, персики	0,3	0,4	5,0	3,0	0,7	0,8
фрукты	0,3	0,8	1,1	0,4	0,0	0,5
орехи	0,7	0,4	6,1	1,5	3,0	1,4
цветы	19,5	68,1	40,2	56,1	13,0	16,0
мясо, кроме мяса птицы	4,3	2,7	58,6	1,5	76,3	9,5

2.5. Приложение к главе 2

	Огород- нический	Ягодный	Птице- водческий	Фрукто- вый	Животно- водческий	Мини- мальный
	1	2	3	4	5	6
мясо птицы	3,5	1,0	87,4	1,5	62,2	10,6
мед	0,6	0,8	5,0	1,5	2,7	1,9
шерсть, пух	0,0	0,1	3,1	0,0	3,3	0,0
молоко	2,2	2,1	34,9	0,7	69,9	6,5
яйца	6,9	3,5	92,0	3,0	86,0	14,6
шкуры	0,1	0,1	8,8	0,4	19,1	0,5

Таблица П2.8. Основные характеристики домохозяйств по типам специализации сельскохозяйственной продукции, RLMS, 2006 г.

	Огород- нический	Ягодный	Птице- водческий	Фрукто- вый	Животно- водческий	Мини- мальный	Всего
Количество человек в семье	2,7	3,0	3,1	2,9	3,6	3,1	3,0
% расходов на питание	39,1	35,4	28,5	34,6	33,0	35,9	35,4
Душевой доход, руб.	4034	5667	4013,7	6734	4676	6701	5201,3
<i>Тип поселения</i>							
Москва, Санкт- Петербург	2,5	9,0	0,4	11,8	0,0	9,5	5,7
Областной центр	12,3	37,0	2,3	43,2	0,7	21,4	21,3
Другой город	23,3	34,0	7,3	32,1	3,3	26,6	23,7
Поселок городского типа	7,5	4,4	8,0	3,0	8,4	7,6	6,3
Село	54,3	15,6	82,0	10,0	87,6	35,0	42,9
<i>Регион</i>							
Северный, Северо- Западный	6,9	6,5	0,8	1,1	2,0	17,3	6,5
Центральный, Центрально- Черноземный	19,8	24,3	18,8	10,3	9,0	16,0	18,2
Волжский, Волго-Вятский	24,5	14,2	14,9	24,0	30,8	10,6	19,4

*Глава 2. Поведение российских домохозяйств
в сфере частной сельскохозяйственной деятельности*

Продолжение табл. П2.8

	Огород- нический	Ягодный	Птице- водческий	Фрукто- вый	Животно- водческий	Мини- мальный	Всего
Северный Кавказ	11,9	3,0	23,8	9,2	26,8	23,8	13,8
Урал	11,5	22,4	3,8	29,2	8,7	7,6	14,7
Западная Сибирь	18,1	13,4	30,3	8,1	20,4	10,6	16,2
Восточная Сибирь и Дальний Восток	4,8	7,3	7,3	6,3	2,3	4,6	5,6
<i>Квинтильные группы</i>							
1-я (самые бедные)	32,1	11,8	32,7	13,4	52,8	25,9	26,1
2-я	25,9	23,1	24,8	19,4	19,9	19,0	22,7
3-я	19,1	23,5	19,7	23,3	12,2	13,7	19,3
4-я	14,7	24,7	15,0	22,5	10,5	19,0	18,4
5-я (самые богатые)	8,3	17,0	7,9	21,3	4,5	22,4	13,5
<i>Количество детей 0–17</i>							
Нет	60,6	62,9	61,7	66,4	52,2	56,6	60,4
1 ребенок	26,7	26,9	20,7	23,6	23,1	28,2	25,6
2 ребенка	10,9	8,9	14,2	8,9	14,0	12,2	11,0
≥ 3 детей	1,8	1,4	3,4	1,1	10,7	3,0	3,0
<i>Тип семьи</i>							
Одиночки	20,3	11,8	10,3	9,6	5,7	16,8	13,7
Семейная пара без детей и других родственников	18,2	23,3	24,9	25,5	21,4	14,6	20,9
Семейная пара с 1–2 детьми или внуками	26,4	26,3	25,7	25,8	26,8	26,8	26,4
Один взрослый с 1–2 детьми	2,6	2,1	0,4	1,1	0,7	3,0	1,9
Сложные семьи	32,5	36,4	38,7	38,0	45,5	38,8	37,2
<i>Характеристики главы семьи (%)</i>							
Женщины	51,1	50,7	46,2	47,2	47,5	52,1	49,8

2.5. Приложение к главе 2

	Огород- нический	Ягодный	Птице- водческий	Фрукто- вый	Животно- водческий	Мини- мальный	Всего
Состоят в браке	56,5	69,5	69,9	63,8	73,8	56,6	64,2
<i>Занятость и профессио- нальный статус</i>							
Экономически неактивные	38,2	24,7	32,8	24,2	37,9	25,1	30,6
Безработные	0,9	1,1	1,5	0,7	1,7	0,8	1,1
<i>Среди занятых</i>							
Законодатели, крупные чиновники, управляющие	4,0	9,1	8,4	6,0	5,0	6,0	6,6
Профессионалы с высшим образованием	13,0	16,6	16,8	19,6	15,6	18,3	16,3
С/х рабочие	0,3	0,0	0,7	0,0	2,8	1,3	0,6
Промышленные рабочие	26,6	17,6	25,9	20,1	22,7	22,1	21,9
Разнорабочие	15,7	9,3	7,7	8,0	11,3	9,8	10,8
<i>Образование</i>							
среднее про- фессиональное	20,8	31,6	25,8	24,9	17,7	22,7	24,6
высшее	10,9	24,8	13,5	32,3	12,0	23,6	19,1
<i>Возраст</i>							
До 34	25,2	16,7	22,3	20,1	25,1	27,1	22,3
35–59	38,7	55,0	53,5	50,9	49,5	49,0	48,6
Больше 60	36,1	28,3	24,2	29,0	25,4	23,8	29,1

*Глава 2. Поведение российских домохозяйств
в сфере частной сельскохозяйственной деятельности*

Таблица П2.9. Матрицы перехода между типами хозяйствования по годам,
% по строке RLMS, 1994–2006 гг.

Год	Тип хозяйства в данном году	Тип хозяйства в следующем году								
		Ферм.	К-Т	К-Н	С-Т	С-Н	М-Т	М-Н	Не вед.	
1994	Фермер	33,3	24,1	20,4	9,3	9,3	0,0	1,9	1,9	100,0
	Крупный мелкотоварный	7,2	37,1	24,0	11,4	19,8	0,0	0,6	0,0	100,0
	Крупный нетоварный	3,3	12,9	50,0	5,4	25,4	0,0	1,7	1,3	100,0
	Средний товарный	0,8	17,2	17,2	22,1	34,4	2,5	5,7	0,0	100,0
	Средний нетоварный	0,9	4,4	16,9	11,9	55,8	0,3	6,4	3,5	100,0
	Мелкий товарный	0,0	0,0	25,0	50,0	25,0	0,0	0,0	0,0	100,0
	Мелкий нетоварный	0,0	0,0	7,5	0,0	35,0	2,5	37,5	17,5	100,0
	Не ведет	0,0	1,4	1,4	0,0	16,7	0,0	6,9	73,6	100,0
	Всего	4,0	13,7	24,4	10,3	34,5	0,5	5,3	7,3	100,0
2000	Фермер	33,3	24,0	6,7	14,7	16,0	0,0	2,7	2,7	100,0
	Крупный мелкотоварный	16,3	46,3	19,5	6,8	7,9	0,0	0,0	3,2	100,0
	Крупный нетоварный	6,0	18,0	42,1	5,5	21,3	1,6	1,1	4,4	100,0
	Средний товарный	11,2	13,7	4,3	39,1	22,4	0,6	4,3	4,3	100,0
	Средний нетоварный	3,3	4,5	16,5	11,8	49,6	0,0	8,0	6,3	100,0
	Мелкий товарный	14,3	14,3	0,0	14,3	42,9	0,0	14,3	0,0	100,0
	Мелкий нетоварный	0,0	3,4	1,7	1,7	39,7	0,0	32,8	20,7	100,0
	Не ведет	0,0	1,1	2,2	2,7	11,5	0,0	4,4	78,0	100,0
	Всего	7,9	14,7	15,7	12,0	27,6	0,3	5,7	16,1	100,0
2005	Фермер	42,9	22,9	13,3	8,6	11,4	0,0	0,0	1,0	100,0
	Крупный мелкотоварный	20,8	42,6	13,9	8,9	10,9	0,0	1,0	2,0	100,0
	Крупный нетоварный	4,3	17,4	46,4	4,3	23,9	0,0	0,7	2,9	100,0
	Средний товарный	14,2	28,4	6,5	21,9	23,7	0,0	1,2	4,1	100,0
	Средний нетоварный	1,9	4,1	17,2	5,0	59,9	0,0	6,7	5,3	100,0
	Мелкий товарный	14,3	14,3	14,3	0,0	14,3	14,3	14,3	14,3	100,0
	Мелкий нетоварный	0,0	1,1	6,9	2,3	32,2	1,1	29,9	26,4	100,0
	Не ведет	3,0	0,8	1,9	0,8	5,6	0,0	2,6	85,3	100,0
	Всего	8,7	12,4	14,5	6,7	30,3	0,2	5,1	22,2	100,0

Таблица П2.10. Распределение домохозяйств по специализации сельскохозяйственного производства по типам хозяйствования, % по столбцу, RLMS, 2006 г.

		Фермер	Крупный мелко-товарный	Крупный нетоварный	Средний Товарный	Средний нетоварный	Мелкий товарный	Мелкий нетоварный	Всего
Города	Огородный	21,7	3,6	16,5	18,7	19,8	20,0	22,0	19,8
	Ягодный	17,4	67,9	60,4	46,7	49,0	10,0	28,2	43,5
	Птицеводческий	17,4	14,3	4,4	5,3	1,2	0,0	0,3	2,0
	Фруктовый	21,7	3,6	6,6	21,3	18,4	40,0	19,4	17,9
	Животноводческий	17,4	3,6	0,0	2,7	0,6	0,0	0,3	0,9
	Минимальный	4,3	7,1	12,1	5,3	11,1	30,0	29,9	15,9
	Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
	Средняя площадь земли, соток	110,5	13,4	12,6	8,5	8,3	8,7	6,7	
Село, пгт	Огородный	12,8	11,5	32,0	15,2	45,1	33,3	55,1	32,5
	Ягодный	8,3	2,7	14,0	11,6	13,8	0,0	9,2	11,1
	Птицеводческий	30,1	38,8	21,2	28,6	8,9	0,0	0,0	18,7
	Фруктовый	0,8	1,6	1,8	1,8	4,2	0,0	2,0	2,6
	Животноводческий	41,4	44,8	25,7	32,1	11,3	0,0	0,0	22,8
	Минимальный	6,8	0,5	5,4	10,7	16,8	66,7	33,7	12,3
	Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
	Средняя площадь земли, соток	27,3	25,7	79,4	15,9	12,4	11,3	7,3	

Таблица П2.11. Основные характеристики домохозяйств по типам хозяйствования, RLMS, 2006 г.

	Крупное	Среднее	Мелкое	Не ведут	Всего
Количество человек в семье	3,3	2,9	2,9	2,5	2,7
% расходов на питание	32,9	35,6	37,7	38,7	37,7
Душевой доход (руб.)	5473	5732	6947	7079	6719
<i>Тип поселения</i>					
Москва, Санкт-Петербург	4,2	5,8	26,6	19,9	17,0
Другие города	95,8	94,2	73,4	80,1	83,0
<i>Регион</i>					
Северный, Северо-Западный	4,2	5,8	2,4	6,5	5,8

*Глава 2. Поведение российских домохозяйств
в сфере частной сельскохозяйственной деятельности*

Продолжение табл. П2.11

	Крупное	Среднее	Мелкое	Не ведут	Всего
Центральный, Центрально-Черноземный	21,8	20,7	20,2	18,3	19,1
Волжский, Волго-Вятский	14,1	15,7	14,4	14,8	14,9
Северный Кавказ	4,2	5,0	17,6	8,2	8,3
Урал	19,0	25,4	8,8	15,2	16,9
Западная Сибирь	12,7	12,5	6,6	11,6	11,3
Восточная Сибирь и Дальний Восток	19,7	9,2	3,5	5,6	6,6
<i>Квintильные группы</i>					
1-я (самые бедные)	14,3	12,1	13,6	12,4	12,5
2-я	24,8	23,1	17,3	17,4	18,9
3-я	21,8	23,6	21,3	20,9	21,6
4-я	21,8	25,0	21,0	22,3	22,7
5-я (самые богатые)	17,3	16,2	26,7	27,0	24,3
<i>Количество детей 0–17</i>					
Нет	63,4	63,5	64,1	58,7	60,4
1 ребенок	21,8	25,1	26,6	31,7	29,5
2 ребенка	12,0	10,0	8,0	8,7	9,0
≥ 3 детей	2,8	1,4	1,3	0,9	1,1
<i>Тип семьи</i>					
Одиночки	6,3	12,1	14,4	24,5	20,3
Семейная пара без детей и других родственников	21,1	24,6	17,0	13,9	16,7
Семейная пара с 1–2 детьми или внуками	28,9	26,7	23,9	28,3	27,6
Один взрослый с 1–2 детьми	0,7	1,5	2,7	4,6	3,6
Сложные семьи	43,0	35,0	42,0	28,7	31,9
<i>Характеристики главы семьи (%)</i>					
Женщины	37,6	49,1	54,3	53,7	52,2
Состоят в браке	76,6	69,0	55,0	52,9	57,4
<i>Занятость и профессиональный статус</i>					
Экономически неактивные	19,4	26,5	23,8	24,4	24,6
Безработные		1,5	0,5	1,4	1,3
<i>Среди занятых</i>					
Законодатели, крупные чиновники, управляющие	7,5	7,8	4,1	6,5	6,6

2.5. Приложение к главе 2

	Крупное	Среднее	Мелкое	Не ведут	Всего
Профессионалы с высшим образованием	9,4	16,8	28,1	17,8	18,3
Промышленные рабочие	21,7	20,1	14,6	14,5	16,0
Разнорабочие	7,5	11,0	7,9	12,3	11,4
<i>Образование</i>					
Среднее профессиональное	49,3	49,3	41,6	43,5	44,7
Высшее	22,1	24,0	32,7	27,0	26,7
<i>Возраст</i>					
До 34	13,0	4,1	8,0	10,4	8,9
35–59	64,9	63,4	60,2	65,5	64,5
Больше 60	22,1	32,5	31,8	24,1	26,5

Таблица П2.12. Основные характеристики сельских домохозяйств по типам хозяйствования, RLMS, 2006 г.

	Фермер	К-Т	К-Н	С-Т	С-Н	Мелк.	Не ведут	Всего
Количество человек в семье	3,65	3,58	3,12	3,20	2,79	2,29	2,48	2,92
% расходов на питание	25,6	32,3	33,5	31,7	39,0	38,1	36,0	35,1
Душевой доход	10791	3142	3694	3631	3569	4400	6126	4780
<i>Регион</i>								
Северный, Северо-Западный	3,8	2,2	8,8	5,3	10,8	14,9	18,5	10,6
Центральный, Центрально-Черноземный	8,3	9,8	18,9	8,8	15,5	34,7	25,9	17,8
Волжский, Волго-Вятский	24,8	20,7	18,9	28,1	27,8	10,9	17,2	22,1
Северный Кавказ	26,3	17,4	11,5	30,7	18,0	28,7	20,4	19,8
Урал	10,5	6,5	6,6	8,8	10,6	7,9	8,7	8,9
Западная Сибирь	22,6	39,1	29,5	16,7	16,4	2,0	8,5	18,6
Восточная Сибирь и Дальний Восток	3,8	4,3	5,7	1,8	1,0	1,0	,8	2,2
<i>Квинтильные группы</i>								
1-я (самые бедные)	34,6	48,3	39,7	43,2	38,4	29,9	26,9	36,6
2-я	16,5	20,6	23,3	26,1	25,8	24,7	20,3	22,8
3-я	15,8	15,6	16,4	10,8	16,2	18,6	17,9	16,3
4-я	12,0	11,7	16,0	13,5	13,3	12,4	15,4	13,8
5-я (самые богатые)	21,1	3,9	4,6	6,3	6,3	14,4	19,5	10,5

*Глава 2. Поведение российских домохозяйств
в сфере частной сельскохозяйственной деятельности*

Окончание табл. П2.12

	Фермер	К-Т	К-Н	С-Т	С-Н	Мелк.	Не ведут	Всего
<i>Количество детей 0–17</i>								
Нет	49,6	49,5	57,3	54,4	60,9	64,4	56,1	56,9
1 ребенок	29,3	27,2	24,7	26,3	26,0	24,8	31,7	27,5
2 детей	13,5	15,2	13,2	15,8	10,2	9,9	11,1	12,0
≥ 3 детей	7,5	8,2	4,8	3,5	2,9	1,0	1,1	3,6
<i>Тип семьи</i>								
Одиночки	5,3	2,2	13,2	12,3	20,0	35,6	27,0	17,9
Семейная пара без детей и других родственников	15,8	23,9	22,5	18,4	19,8	13,9	15,9	18,9
Семейная пара с 1–2 детьми или внуками	32,3	27,2	27,3	31,6	22,3	24,8	27,2	26,3
Один взрослый с 1–2 детьми		0,5	0,9	2,6	2,3	7,9	7,9	3,4
Сложные семьи	46,6	46,2	36,1	35,1	35,6	17,8	22,0	33,5
<i>Характеристики главы семьи (%)</i>								
Женщины	45,1	47,8	49,3	48,2	51,3	59,4	56,8	51,7
Состоят в браке	74,4	79,3	63,1	66,7	57,1	41,6	52,0	60,4
<i>Занятость и профессиональный статус главы семьи</i>								
Экономически неактивные	25,2	32,4	40,4	30,0	40,5	38,6	26,7	34,4
Безработные	3,1	1,6	0,9	0,9	0,8		1,6	1,2
<i>Среди занятых</i>								
Законодатели, крупные чиновники, управляющие	11,3	5,0	8,8	8,2	4,2	5,4	4,3	5,8
Профессионалы с высшим образованием	14,1	17,8	11,4	13,1	11,2	12,5	14,3	13,2
С/х рабочие	4,2		1,8	1,6	0,8		0,9	1,1
Промышленные рабочие	22,5	21,8	30,7	24,6	30,0	17,9	22,6	25,5
Разнорабочие	12,7	11,9	11,4	6,6	11,2	17,9	13,0	12,0
<i>Образование</i>								
Среднее профессиональное	35,6	44,0	44,4	36,8	40,7	41,4	39,6	40,7
Высшее	14,4	11,4	11,6	15,8	11,4	14,1	19,0	13,9
<i>Возраст</i>								
До 34	6,3	9,0	7,4	5,5	5,7	4,1	11,1	7,5
35–59	75,0	71,8	59,4	73,4	59,1	50,5	63,3	63,3
Больше 60	18,8	19,2	33,2	21,1	35,2	45,4	25,5	29,2

Глава 3

ПОВЕДЕНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ В СФЕРЕ ДОМАШНЕГО ТРУДА

Сферу труда, в которой заняты члены домохозяйства, можно разделить на рыночную (включающую труд по найму, самозанятость и предпринимательскую деятельность, т.е. предполагающую получение денежного дохода) и домашнюю (включающую неоплачиваемый труд по созданию потребительских благ, используемых внутри домохозяйства). И если социологический подход рассматривает сферу домашнего труда как противостоящую рынку, в которой действуют правила неформальной, моральной экономики, то экономическая теория изучает принятие домохозяйством решения по разделению всего фонда времени на домашний труд, работу на рынке труда и досуг, основными факторами которого являются ставки заработной платы членов семьи и их нетрудовой доход. Фактически вопрос стоит о том, складывается ли разделение труда, во-первых, между членами семьи и, во-вторых, между домашним трудом и рыночным, в первую очередь под влиянием социальных ролей и гендерных стереотипов или преимущественно на основании таких экономических факторов, как человеческий капитал и особенности рынка труда. Так или иначе, говоря о сфере труда внутри домохозяйства, необходимо исследовать его гендерный аспект. С одной стороны, многие исследования прежних лет показывают четкое разделение сфер домашнего труда на «женскую» и «мужскую». С другой стороны, за рамками такого анализа пока осталось рассмотрение труда супругов, скорее, как «взаимодополняющего», чем «взаимозаменяющего», в том, что касается различий их и в заработках, и в составе занятий в домашнем хозяйстве. Кроме того, на российских данных пока не были получены очевидные доказательства того, что именно более низкая ставка заработной платы женщины является значимым фактором ее более высокой домашней занятости.

В процессе социально-экономических трансформаций в России существенно изменились характеристики рынка труда, как и возможности людей различного возраста, пола и образования. Асимметричное распределение мужчин и женщин на рынке труда приводит к тому, что «жен-

ские» профессии и должности в значительной степени сконцентрированы в сфере услуг и являются низкодоходными по сравнению с «мужскими» [Рошин, 2003]. Таким образом, сегрегация профессий и различия в заработках с экономической точки зрения являются существенным фактором сохранения за женщиной ее превалирующей роли в домашнем труде.

Сфера домашнего хозяйства с советских времен также должна была претерпеть существенные изменения, хотя бы под влиянием распространения бытовой техники, в связи с исчезновением дефицита, появлением продаж через интернет (что повлекло уменьшение времени на покупки), изменением структуры бытовых услуг. В то же время, как показывают исследования, социальные роли мужчины и женщины в семье во многом сохранились с советских времен. Так, И. Тартаковская [Тартаковская, 1997] отмечает следующие особенности гендерных взаимоотношений в постсоветский период:

- различие экономических возможностей мужчин и женщин в силу гендерной сегрегации на рынке труда, а также рост остроты ее последствий из-за пассивной социальной политики;
- значительная устойчивость паттернов, сложившихся в период существования советского гендерного порядка, а именно доминирование мужчин в публичной сфере и асимметричное распределение обязанностей в семье;
- рост напряженности в отношениях между полами из-за устранения государства от роли проводника гендерной политики;
- появление проблем установления гендерной идентичности для мужчин в силу проблематичности реализации традиционных ролей профессионала на рабочем месте и кормильца в семье в условиях экономической нестабильности, для женщин — из-за отсутствия институциональной поддержки выполнения привычной роли работающей матери.

Т. Лыткина также указывает на то, что «социальные перемены не привели к распаду традиционных представлений о мужских и женских ролях, к созданию партнерских отношений. Выделенные типы практик семейного взаимодействия — своего рода идеальные типы, которые еще раз подчеркивают существующую социальную практику полового разделения труда: отождествление женщины с семьей и ролью домохозяйки, а мужчины — со сферой труда и ролью кормильца. Тем самым наследуется советская модель двойного кормильца, в которой мужчины выступали ответственными за обеспечение, а женщины дополняли усилия партнера

по содержанию семьи» [Лыткина, 2001]. В то же время автор отмечает такие новые явления, как использование мужчин (прежде всего их доходов) женщинами в качестве инструмента своих жизненных стратегий и выталкивание их из сферы домашнего труда, а также потеря мужчинами лидерства и авторитета в силу их ограниченных возможностей по выполнению роли кормильца, что также приводит к их отчуждению от семейных забот.

Хотя такое возрастание домохозяйственной активности женщин и происходит на фоне некоторого сокращения их занятости на рынке труда, однако совмещение женщинами ролей домохозяйки и работницы остается наиболее распространенной моделью. Однако и та, и другая обязанности требуют значительного количества времени и сил, что нередко приводит к межролевому конфликту. Такой конфликт характерен и для современных мужчин, о чем уже говорилось выше. Напряженная ситуация в семье не способствует ее стабильности, так как в результате уменьшается объем семейного социального капитала и возрастает риск разводов, что представляет собой серьезную социальную проблему. Кроме того, стремление женщины совмещать противоречащие друг другу роли может повлиять на уровень заботы о детях и их воспитание. Таким образом, проблемы разделения домашнего труда напрямую связаны со стабильностью современной семьи и с выполнением ее фертильной функции, что требует включения этой сферы в сферу семейной социальной политики.

По данным RLMS, около 45% российских домохозяйств представляли собой семейную пару или пару с детьми (нуклеарная семья): в этих семьях разделение домашнего труда связано прежде всего с гендерными ролями. В то же время 1/5 домохозяйств представляют собой одиночки (их доля с 1994 по 2006 г. выросла на 3 процентных пункта) и еще 3,5% — одиночки с детьми, для которых проблема разделения труда не стоит. Наконец, 32% — это многопоколенные семьи или домохозяйства с еще более сложной демографической структурой. С одной стороны, наличие в доме «бабушек» по российской традиции во многом может смягчать проблемы одновременной занятости женщин среднего возраста на работе и в домашнем хозяйстве; с другой стороны, как правило, для таких семей нередко характерны непростые личные взаимоотношения. Наконец, весьма трудно оказывается анализировать разделение домашнего труда внутри таких семей в силу множественности их демографических типов. Насколько нам известно, до сих пор чрезвычайно малое количество исследований было посвящено анализу типологий домашнего труда с домохозяйственной точки зрения.

3.1. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель и задачи

Целью данного исследования является типологический анализ социально-экономического поведения домохозяйств и их членов в сфере домашнего труда.

Для реализации указанной цели необходимо решить следующий круг задач.

1. Провести дескриптивный анализ основных характеристик поведения населения и домохозяйств в сфере домашнего труда:
 - а) участие/неучастие отдельных групп населения в различных видах домашнего труда;
 - б) среднее время, затраченное на разные виды домашнего труда отдельными группами населения и типами домохозяйств, и т.д.
2. На основе исходных переменных о видах домашнего труда выявить основные направления деятельности в сфере домашнего труда.
3. Выделить основные типы индивидов и семейных пар по вышеуказанным характеристикам поведения в сфере домашнего труда.

В соответствии с поставленной целью *объектом* исследования являются российские домохозяйства в 2006 г. и их представители старше 13 лет.

Предмет исследования — способы поведения домохозяйств в сфере домашнего труда.

Методика анализа

Для дальнейшего анализа затраты времени на каждый вид домашнего труда были переведены в формат затрат времени (в часах) в неделю. В случае если сумма указанных респондентами затрат времени в день превышала «разумные» границы (для почти 95% респондентов суммарные затраты времени в рабочий день не превышали 10 ч, в нерабочий день — 16 ч), затраты на каждый вид занятий были перевзвешены, чтобы сумма не была больше этих границ. Затем количество часов в рабочий/учебный день было умножено на количество указанных респондентом рабочих/учебных дней за последние 30 дней, а количество часов в нерабочий день — на соответствующее количество нерабочих дней. Суммарные затраты времени были приведены к затратам времени в часах в неделю.

Группировка взаимосвязанных видов домашнего труда была проведена при помощи метода факторного анализа с использованием переменных о затратах времени на 15 видов домашнего труда, в результате были получены «скрытые от непосредственного измерения характеристики — латентные переменные» [Крыштановский, 2007, с. 191] (т.е. виды домашнего труда, затраты на которые коррелируют между собой). Типы населения по участию в сфере домашнего труда были построены с помощью кластерного анализа методом К-средних. В модели типологии домохозяйств по преобладающим типам домашней занятости использовался двухшаговый кластерный анализ. Факторы выбора типа домашнего труда были выявлены на основе регрессионного мультиномиального анализа, где зависимой переменной выступал тип домашнего труда, полученный на основе кластерного анализа.

Эмпирическая операционализация домашнего труда

Понятие домашнего труда, на первый взгляд достаточно простое, может создавать определенные методологические трудности при проведении эмпирических исследований. Под домашним трудом будем понимать деятельность членов домохозяйства в рамках домашней экономики, нацеленную на производство товаров и услуг исключительно для потребления внутри домохозяйства [Барсукова, 2004, с. 382]. Такое определение позволяет провести водораздел между домашним трудом и рыночной деятельностью, включая самозанятость и неформальное предпринимательство, которые достаточно близки к домашнему труду, но тем не менее им не являются.

Домашний труд также необходимо отличать от досуговой деятельности — и это еще одна методологическая проблема, с которой столкнулись исследователи домашней экономики. Дело в том, что один и тот же вид деятельности может восприниматься кем-то как труд, а кем-то — как досуг. Наиболее показательный пример в данном случае — уход за детьми и их воспитание. Разрешение данной проблемы было найдено в применении следующего правила: «домашний труд определяется как форма деятельности, которая может быть замещена рыночной занятостью. Иными словами, вы можете воспользоваться платными услугами няни, чтобы она ухаживала за вашим ребенком, или отдать ребенка в платный детский сад. Но никому не придет в голову нанимать человека, чтобы он смотрел за вас телевизор» [Радаев, 1998, с. 211–212; Gronau, 1977, p. 1099–1123].

Вслед за определением понятия домашнего труда встает вопрос о его эмпирическом измерении. Чтобы понять, какие способы измерения существуют, необходимо указать основные характеристики домашнего труда, которые в зависимости от цели и задач исследования должны быть измерены. Среди таких характеристик можно выделить следующие:

- 1) виды домашнего труда;
- 2) количество часов, затраченных на различные виды домашнего труда;
- 3) число членов домохозяйства, занимающихся различными видами домашнего труда;
- 4) виды и размер услуг и товаров, произведенных в процессе домашнего труда, и т.д.

С учетом этих характеристик можно выделить следующие подходы к измерению домашнего труда [Барсукова, Радаев, 2000, с. 36–37]:

- 1) стоимостные оценки, в том числе:
 - метод вмененных издержек;
 - метод альтернативных издержек;
 - метод оценки, исходя из минимальной ставки почасовой оплаты труда в секторе оплачиваемой занятости;
- 2) временные оценки.

По методу рыночного эквивалента домашняя работа определяется как сумма, которую домохозяйство выплатило бы наемному работнику за выполнение рассматриваемой работы. То есть цена домашней работы рассчитывается в зависимости от рыночной стоимости услуг по выполнению данной работы. Метод альтернативных издержек рассматривает стоимость домашней работы как альтернативу работе на рынке труда, за которую член домохозяйства мог бы получить деньги. Таким образом, стоимость домашнего труда приравнивается к упущенной выгоде от работы индивида на рынке труда в соответствии с его уровнем квалификации. Также распространен способ оценки домашней занятости через временные издержки. Данный метод определенным образом стандартизирует домашнюю занятость всех домохозяйств независимо от доходов членов домохозяйств, уровня образования и квалификации, так как домашняя деятельность всех домохозяйств протекает во времени и не может превышать 24 ч.

В индивидуальной анкете RLMS начиная с 2006 г. содержится блок вопросов, относящихся к сфере домашнего труда. Каждого члена домо-

хозяйства старше 13 лет спрашивали о временных затратах на различные виды труда¹:

«В последние 30 дней Вы ...» (да/нет):

- 1) покупали продукты питания;
- 2) готовили еду;
- 3) мыли посуду;
- 4) стирали, гладили;
- 5) убирали квартиру;
- 6) делали мелкий ремонт по дому, даче, ремонт автомобиля;
- 7) вели ремонтно-строительные работы по дому, даче, ремонтировали автомобиль;
- 8) работали на своем садово-огородном участке;
- 9) водили автомобиль с «семейными» целями — для поездок в магазин, на дачу;
- 10) ухаживали за детьми, внуками, с которыми респондент живет вместе, — купали их, кормили, водили на занятия;
- 11) ухаживали за другими членами семьи, кроме детей, с которыми вы живете вместе;
- 12) помогали в ведении хозяйства родителям вашим или супруга(и), живущим отдельно, в том числе ухаживали за кем-либо из них;
- 13) помогали в ведении хозяйства детям вашим или супруга(и), живущим отдельно, в том числе ухаживали за кем-либо из них;
- 14) помогали в ведении хозяйства бабушкам и дедушкам вашим или супруга(и), живущим отдельно, в том числе ухаживали за кем-либо из них;
- 15) помогали в ведении хозяйства внукам вашим или супруга(и), живущим отдельно, в том числе ухаживали за кем-либо из них.

«Сколько всего минут в обычный (рабочий/учебный) день это занимало?»

«Сколько всего минут в обычный (нерабочий/неучебный) день это занимало?»²

В анализируемом массиве 12 491 респондент старше 13 лет ответил на вопросы «взрослой» анкеты.

¹ Для анкеты 2006 г. была разработана новая методика вопросов о затратах времени на домашний труд. До этого вопросы о домашнем труде задавались в 1994–1998 гг.

² Респондентам, которые на момент опроса не учились и не работали, задавался второй вид вопросов.

3.2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДОМАШНЕГО ТРУДА

Основные теоретические подходы к изучению проблемы домашнего труда

Труд занимает весомую часть жизни человека, особенно с учетом его затрат на домашнюю работу. Очевидно, что в области труда существует заметное неравенство между мужчиной и женщиной. Несмотря на то что женщины сегодня весьма активно заняты на рынке труда, на их плечах лежит весомая часть домашнего хозяйства. Даже если женщина имеет высокооплачиваемую работу, по традиции домашние занятия по-прежнему остаются за ней. Объяснению этого факта, а также в целом выявлению причин и факторов разделения труда между членами семьи, в первую очередь между супругами, посвящено значительное количество экономических и социологических теорий.

Среди социологических концепций объяснения разделения домашнего труда принято выделять такие направления, как функционализм, идеологическая укорененность разделения труда, концепция домохозяйственных стратегий, статусные и сексуально-ролевые теории, теория гендерного дисплея, теории легитимизации [Барсукова, Радаев, 2000]. Марксизм и социологический феминизм также внесли свою лепту в теоретические схемы распределения времени в домохозяйстве.

Экономическая теория тоже исследует вопрос о разделении домашнего труда. Так, в рамках неоклассики домохозяйство рассматривается прежде всего как единица, производящая так называемые потребительские блага на основе затрат времени членов семьи и благ, купленных на рынке на основе трудовых доходов, т.е. максимизирующая полезность при ограниченных ресурсах времени. При этом основным вопросом является оптимальное распределение времени членов домохозяйства между работой на рынке труда, занятостью в домашнем производстве и досугом (в других вариантах моделей досуг является одним из видов потребительских благ, производимых семьей) [Becker, 1965, p. 493–517]. Неинституциональная экономическая теория рассматривает семью как институт, способствующий снижению транзакционных издержек (в частности, за счет эффекта кооперации между членами семьи) [Поллак, 1994].

В целом экономический взгляд сконцентрирован на максимизации эффективности и полезности путем оптимизации расходов времени, а

также производительности при распределении домашних обязанностей. При этом большую долю домашнего труда берет на себя тот член семьи, кто менее эффективен на рынке труда, и, напротив, более производителен в домашнем хозяйстве тот, кто обладает нужными навыками и временем. Детерминанты внутрисемейного распределения времени были проанализированы в работах Р. Гронау [Gronau, 1973; 1973a; 1986]. Как правило, мужчина занимает более высокие позиции на рынке труда, т.е. получает больший доход и меньше времени бывает дома, что приводит к тому, что домашняя сфера полноправно принадлежит жене. Согласно экономическому подходу оказывается, что гендерное разделение домашнего труда неоднозначно и может изменяться. Если в семье основным добытчиком становится женщина, то логично предположить, что труд в семье будет перераспределяться в сторону снижения участия жены. При этом есть три модели специализации: 1) муж распределяет свое время между работой на рынке труда и досугом, а жена работает и на рынке труда, и дома, тратя оставшееся у нее время на досуг; 2) жена экономически неактивна; 3) муж участвует в процессе домашнего производства. В этих случаях различается ценность времени женщины. Если жена занята на рынке труда, ценность ее времени определяется предельным уровнем ее заработной платы. Для незанятых женщин цена их времени детерминируется доходом семьи или уровнем заработной платы мужа. Решение о выходе жены на рынок труда принимается на основе сравнения потенциального уровня ее заработной платы и ценности ее домашнего времени.

В работе А. Джино [Cigno, 1993] было также показано, что трудовой потенциал женщины будет пропорционально увеличиваться в ответ на увеличение оплаты труда женщин, в то время как трудовой потенциал ее мужа будет расти с увеличением оплаты труда мужчин. Более того, трудовой потенциал в целом сильнее реагирует на изменения в оплате труда для женской части населения, нежели мужской. Разница в эластичности предложения труда и пороговый эффект помогают объяснить быстро нарастающее распространение товаров, помогающих благодаря им экономить время, а также быстрый спад деятельности, требующей больших временных затрат (рождение и воспитание ребенка).

Социологические теории, напротив, говорят о гендерной укорененности разделения домашнего труда. Подобное положение женщин обусловлено существующими традициями гендерного разделения труда, традиционными функциональными ролями в обществе, культурными и статусными предписаниями. Социологические теории утверждают раз-

личия значимости труда мужчины и женщины. Мужской труд функционально более ценен на рынке труда, из-за более высокого заработка ему прикрепляется роль кормильца семьи, что дает ему право исключать себя из сферы домашнего труда. Если же кормильцем становится женщина, то согласно модели гендерного дисплея супруги будут по-прежнему обращаться к традиционному разделению труда как средству удержания или восстановления статуса мужчины в собственных глазах, в глазах партнера и окружающих. Таким образом, главной идеей становится то, что разделение домашних обязанностей не зависит от эффективности супругов на рынке труда, а обусловлено традиционной гендерной спецификацией.

В работах Б. Фридан и Э. Оукли [Фридан, 1994; Oakley, 1974] 1960–1970-х годов рассматривается закрепление за женщиной социальной роли домохозяйки как следствие, с одной стороны, стереотипа феминности, навязываемого ценностями патриархального общества, рекламой и бизнесом, а с другой — требованиями экономики. Но эта роль приводит к кризису идентичности и личностного роста. Однако более поздние работы Б. Фридан [Фридан, 1994] показали, что в 1980-х годах у женщин, успешно делающих карьеру, возникло разочарование. Из рабыни мужчины женщина превратилась в рабыню работы, а зависимость переместилась из частной сферы в публичную. Х. Хартман [Hartmann, 1981] полагала, что контроль мужчин над женщинами утверждается через моногамный гетеросексуальный брак, женскую ответственность за вынашивание, выхаживание детей и домашний труд, их экономическую зависимость от мужчин. Б. Бергман [Bergman, 1981] также выявила существенные экономические риски роли домохозяйки, связанные с выполнением «домашней черновой работы», а также сексуальных обязанностей. С. Балабанова рассматривает домашний труд как сферу борьбы мужчины и женщины за власть [Балабанова, 2005].

Обзор эмпирических исследований факторов, влияющих на разделение домашнего труда

В работе «Разделение домашнего труда» Б. Шелтон и Д. Джон подробно анализируют факторы, которые могут оказывать влияние на разделение труда между супругами [Shelton, John, 1996]. Во-первых, это так называемые относительные ресурсы, при этом индивиды, обладающие большим набором ресурсов (образование, накопления, профессиональный статус), используют их для отказа от домашней работы. Данный подход предпо-

лагают, что домашняя работа рассматривается членами домохозяйств как негативная.

Во-вторых, это денежные накопления. Анализ влияния накоплений демонстрирует, что чем меньше разница в накоплениях мужчины и женщины, тем более равное распределение труда происходит в данной семье. Однако наличие накоплений у мужчины и женщины имеет разный эффект. Накопления оказывают большее влияние на время работы женщины, чем мужчины, так как здесь одновременно начинает работать модель гендерного дисплея.

Следующая группа переменных — уровень образования супругов. Образовательный уровень также используется при измерении власти и ресурсов. Большинство специалистов согласны, что образовательный уровень мужчины положительно влияет на участие в домашнем труде. Более высокий образовательный уровень женщины, напротив, оказывает отрицательное воздействие при выполнении домашнего труда. Менее образованная женщина поддерживает более уравнивающие сексуальные ролевые обязанности и, таким образом, выполняет меньше домашней работы, в то время как более образованный мужчина делает больше.

Профессиональный статус является еще одним фактором, оказывающим влияние на распределение домашнего труда. Исследования показывают, что мужчины, чьи жены занимают высокие позиции на работе, больше берут на себя обязанностей по дому, нежели мужчины, чьи жены менее авторитетны. Х. Прессер [Presser, 1994] показал, что супружеские пары, занимающие высокие позиции, тратят меньше времени на труд дома, чем любые другие виды супружеских пар.

Наличие времени также выступает очень важным ресурсом. Мужчины и женщины участвуют в домашнем труде и уходе за детьми в той мере, в какой они имеют потребность в этом, а также если располагают свободным временем. В большинстве случаев используются такие индикаторы ограничения времени, как занятость и/или время, затраченное на работу, наличие или количество детей в семье, расписание работы.

С одной стороны, исследования подтверждают, что оплачиваемая занятость женщины отрицательно влияет на ее временные затраты по выполнению домашних дел, однако, с другой стороны, несмотря на ее занятость на рынке труда, домашние дела остаются в основном только в ее ведении. Так, в результате лонгитюдного исследования [Nickols, Metzen, 1994] было выявлено, что мужчина увеличивает собственные затраты на домашний труд в том случае, если его жена тратит больше времени на ра-

боту. Другая группа исследований [Coverman, 1985; Hardesty, Bokemeier, 1989; Kamo, 1988; 1991; McAllister, 1990; South, Spitze, 1994] обнаруживает обратную связь между занятостью мужчины, профессиональным статусом и его участием в домашнем хозяйстве.

Суммируя все вышесказанное, Б. Шелтон и Д. Джон приходят к выводу, что наличие у женщины работы сокращает ее время на домашнее хозяйство, что приводит к более равному распределению домашних обязанностей. Менее понятно, почему время мужчины на домашний труд зависит от наличия работы и профессионального статуса женщины, но если и существует увеличение затрат на домашние обязанности у мужчин, то оно намного меньше сокращения времени женщины на те же виды деятельности.

Наличие детей в семье оказывает большее влияние на выполнение домашних обязанностей женщины, нежели мужчины. Чем больше детей в семье, особенно дошкольного возраста, тем больше времени женщина тратит на домашний труд. Был также обнаружен нелинейный характер влияния количества детей на объем домашнего труда [Kamo, 1991].

Еще одним фактором, оказывающим влияние при распределении домашнего труда, является официальность брачного статуса. Замужние женщины тратят значительно больше времени, чем женщины, живущие в незарегистрированном браке. Многие исследователи предполагали, что неженатые мужчины тратят больше времени на работу по дому, чем женатые, однако эмпирические данные подтвердили, что такой зависимости нет. Интересные данные обнаружили М. Ишии-Кунц и С. Колтран [Ishii-Kuntz, Coltrane, 1992]: повторно женатые мужчины тратят больше времени на домашнюю работу, чем в период первого брака. Д. Демо и А. Акок [Demo, Acock, 1993] отмечают, что разведенные и состоящие в первом браке женщины тратят больше времени в неделю на обязанности по уходу за домом и детьми, чем повторно замужние или свободные женщины.

Расовые и этнические факторы, как правило, выступают как независимые переменные при исследовании домашнего труда, хотя существует небольшая доля исследований, посвященных влиянию данных факторов при распределении труда. Однако исследования дают слишком разные результаты.

Согласно объяснению, предложенному с точки зрения идеологии, мужчины и женщины с более эгалитаристскими установками будут иметь более равное разделение труда, чем те, установки которых более традиционны. В частности, мужчины, имеющие более традиционные ролевые установ-

ки, скорее всего, будут тратить меньше времени на домашний труд, чем те, установки которых менее традиционны. Хотя гендерные ролевые установки могут быть измерены различными способами, большая часть исследований показала, что установки мужчин имеют более сильную связь с разделением труда в домохозяйстве, чем женские, но эти установки объясняют весьма незначительную долю дисперсии зависимой переменной.

Помощь других членов семьи, помимо супругов, является немаловажной составляющей разделения домашнего труда. Существует огромное число исследований, изучающих, сколько времени домашние хозяйства тратят на уход за детьми, а также какова помощь детей при выполнении домашних обязанностей. Большинство исследований утверждают, что многие дети помогают по дому, но их вклад в домашний труд слишком маленький и достаточно непостоянный. В то же время некоторые социологи утверждают, что труд детей в домашнем хозяйстве достаточно значителен. Ясно, однако, что труд детей варьируется в зависимости от типа семьи, от идеологии сексуальных ролей родителей, от профессионального статуса матери, а также от возраста и пола ребенка.

Результаты исследования Дж. Брайнс «Экономическая зависимость, гендер и домашнее разделение труда» показали положительную связь между объемом домашнего труда жены и участием в домашней работе со стороны других членов семьи [Брайнс, 2002]. Это позволяет предполагать, что домашняя работа жены не замещается домашним трудом других членов семьи, если учтены иные способы замещения (в частности, питание вне дома). Выявлено также заметное влияние на занятость в домашнем хозяйстве статуса женщины на рынке труда. Наибольший объем времени посвящают домашним делам домохозяйки, далее по убыванию следуют женщины — длительно безработные и женщины, занятые неполное рабочее время; меньше всего времени посвящают домашней работе женщины, занятые в режиме полного рабочего времени.

Результаты исследования также показали, что на каждые 10% денежного трансферта в пользу жены со стороны мужа соответственно на 2,3% возрастают затраты времени жены на домашние дела. Что касается мужей, то для них данная зависимость меняет знак: участие мужей в домашней работе снижается на 2,3% при 10%-ном приросте денежного трансферта со стороны жены. Наличие в семье детей до 3 лет увеличивает участие мужа в домашних делах; вместе с тем наличие маленького ребенка положительно связано со степенью материального обеспечения жены со стороны мужа, что, в свою очередь, снижает объем времени, который мужья могут уде-

лять домашним делам, и частично гасит положительный эффект, связанный с наличием в семье маленьких детей.

Было выявлено, что, если мужчина является безработным в течение непродолжительного времени, он выполняет домашнюю работу в большем объеме, чем те мужчины, которые заняты полное рабочее время. Однако, если он потерял работу длительное время назад, то его участие в домашнем труде даже ниже, чем у мужчин, занятых полное рабочее время. Эти результаты не соответствуют модели перераспределения времени. Напротив, они свидетельствуют об определенном сопротивлении мужчин — длительно безработных в отношении выполнения «женских обязанностей». Сопоставление этих результатов и величины денежного трансферта со стороны жены показывает, что эффект дохода (т.е. экономическая зависимость мужа) вносит существенно больший вклад в снижение участия в домашних делах, чем безработица как таковая. Аналогичным образом мужья, имеющие более низкие заработки, чем их жены, также демонстрируют более низкую степень участия в домашнем труде, что отражает эффект их экономической зависимости и стремление утвердить гендерную идентичность через уклонение от «немужских» домашних дел.

В России исследованиям разделения труда в домашней сфере посвящено немало работ, однако в основном они носят описательный, а не модельный характер. Проект Т. Лыткиной [Лыткина, 2001] был направлен на изучение гендерных различий на рынке труда, что позволило углубить изучение проблемы значимости участия обоих супругов в выработке семейной стратегии и решении злободневных проблем. Исследование О. Здравомысловой и М. Арутюняна [Здравомыслова, Арутюнян, 1998] было посвящено межкультурному сравнению стран Восточной Европы и Западной Германии, которые принадлежали до недавнего времени к противоположным политическим системам. В эмпирической части работы С. Барсуковой и В. Радаева [Барсукова, Радаев, 2000] показано, что труд в российской семье в 1990-х годах распределялся между супругами неравномерно. Бремя женщины более велико, но главные различия касаются не столько совокупной трудовой нагрузки, сколько неравного распределения отдельных видов труда. Тяготы рыночной занятости больше выпадают на долю мужчины, а домашние хлопоты в большей степени ложатся на женщину. Что касается труда на садово-огородных участках и в личных подсобных хозяйствах, то он распределен между супругами практически равномерно. Исследования Е. Мезенцевой [Мезенцева, 2003; 2009] также показали, что затраты женщин в сфере домашнего труда более чем в 2 раза превышают затраты

мужчин. На данных RLMS за 1998 г. автором было показано, что по некоторым видам домашнего труда вклад женщин более чем в 2,5 раза превышает вклад мужчин. Основными факторами, которые влияют на объем трудовой нагрузки в домашнем хозяйстве, помимо гендера, были названы возраст, семейный статус, занятость и материальное благосостояние.

3.3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СФЕРЫ ДОМАШНЕГО ТРУДА В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ 2000-х ГОДОВ

Основные характеристики участия населения в сфере домашнего труда

Согласно данным Мониторинга экономического положения и здоровья населения России (RLMS) за 2006 г., только менее 5% населения старше 13 лет совсем не участвует в домашнем труде (в выделенных в анкете 15 видах домашнего труда), в том числе 1,7% женщин и 8,1% мужчин. Около половины респондентов выполняют 5–6 видов домашнего труда (рис. 9), выполнение 10 и более видов обязанностей практически не характерно для россиян. В то же время очевидно, что в целом по выборке мужчины заняты хозяйством в меньшей степени, чем женщины: четверть из них выполняют только 1–2 вида работ, и еще почти треть — 3–4 вида работ. Лишь около

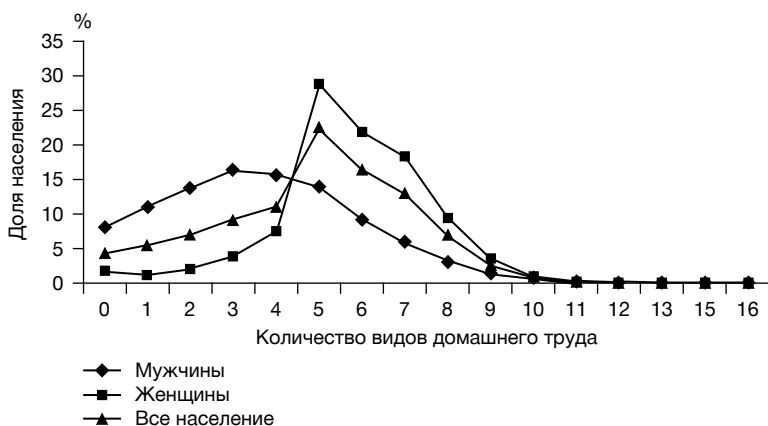

Рис. 9. Количество видов домашнего труда, в которых участвуют члены домашних хозяйств, %, RLMS, 2006 г.

15% женщин заняты только 4 видами деятельности в домашнем хозяйстве. В целом «средний» мужчина выполняет 3,7 вида домашнего труда, а «средняя» женщина — 5,7.

Члены домохозяйства по-разному вовлечены в те или иные виды домашнего труда. Три четверти респондентов покупают продукты питания, столько же моют посуду, готовят еду и убирают квартиру примерно по 66%, стирают и гладят — 57% респондентов (табл. 12). Уровень участия

Таблица 12. Участие населения в выполнении разных видов домашнего труда, RLMS, 2006 г.

	Участие населения, %	Средние затраты времени, ч/нед.	
		тех, кто участвует	всех
Покупка продуктов питания	75,0	4,8	3,6
Приготовление еды	66,1	9,1	6,0
Мытье посуды	74,2	2,8	2,1
Стирка, глажение	57,0	7,6	4,3
Уборка квартиры	66,1	5,9	3,9
Мелкий ремонт по дому, даче, ремонт автомобиля	21,7	9,6	2,0
Ремонтно-строительные работы по дому, на даче	9,0	14,2	1,2
Работа на своем садово-огородном участке	24,5	13,5	3,2
Вожделение автомобиля с семейными целями	10,9	7,8	0,8
Уход за детьми, внуками, живущими вместе	21,3	10,1	2,0
Уход за другими членами д/х, живущими вместе	10,1	8,1	0,7
Помощь в ведении хозяйства родителям респондента или супруга(и), живущим отдельно	7,7	9,2	0,6
Помощь в ведении хозяйства детям респондента или супруга(и), живущим отдельно	3,5	14,2	0,5
Помощь в ведении хозяйства бабушкам и дедушкам респондента или супруга(и), живущим отдельно	2,3	7,7	0,2
Помощь в ведении хозяйства внукам респондента или супруга(и), живущим отдельно	1,8	16,7	0,3
Все виды домашнего труда	95,1	33,2	31,4

населения в остальных видах домашнего труда значительно ниже. Так, следующей по распространенности является работа на садово-огородном участке, которую выполняют приблизительно 25% населения. Наиболее редко члены домохозяйства помогают в работе по дому или в других делах родственникам, живущим вне домохозяйства.

Неравномерны также затраты времени в неделю на различные виды домашнего труда. Максимальное количество времени отнимают крупные ремонтно-строительные работы, на которые в среднем тратится около 15 ч в неделю. Но они носят эпизодический характер, и доля занимающихся ими невелика, поэтому в среднем (без учета того, занимался респондент этой работой или нет) на одного члена домохозяйства приходится всего 1,2 ч такого труда. Довольно много времени занимает и работа на садово-огородном участке (даже с учетом того, что опрос проводился осенью) — более 14 ч в неделю. Из ежедневных бытовых обязанностей наибольшее время занимают приготовление еды, уход за детьми и другими членами домохозяйства, а также вождение автомобиля с семейными целями. На каждую из обязанностей в среднем за неделю тратится от 8 до 10 ч. В то же время хотя лишь небольшая доля населения помогает в ведении хозяйства родственникам, проживающим отдельно, но тратятся на это довольно значительные временные ресурсы, сравнимые с собственными домашними заботами (9–17 ч в неделю).

Участие в сфере домашнего труда в зависимости от социально-демографических характеристик

Как говорилось выше, можно выделить три группы потенциальных факторов, влияющих на участие индивидов в сфере домашнего труда: 1) социально-демографические характеристики (пол, возраст, тип населенного пункта, семейное положение, наличие детей); 2) характеристики человеческого капитала (образование, профессиональный статус); 3) заработная плата и другие доходы.

Влияние гендера. Вопрос о равенстве участия мужчин и женщин в сфере домашнего труда поднимался во многих работах с тех пор, как домашняя экономика вошла в круг исследовательских интересов социологов и экономистов. Многократно подтверждался вывод о том, что женщины несут более высокую нагрузку в сфере домашних обязанностей. Как показывают данные RLMS, в 2006 г. ситуация не изменилась. Более 98% женщин выполняют хотя бы один вид домашнего труда и в среднем отвечают за 5,7 вида домашних обязанностей, в то время как аналогичный

*Глава 3. Поведение домохозяйств
в сфере домашнего труда*

показатель для мужчин — 91%, и они отвечают лишь за 3,7 вида обязанностей (табл. 13). Часовая трудовая нагрузка у женщин также существенно выше. Так, если мужчина, выполняющий хоть какую-то домашнюю работу, в среднем тратит на нее 24 ч в неделю, то женщина — в 1,7 раза больше.

Таблица 13. Участие населения в сфере домашнего труда в зависимости от пола, RLMS, 2006 г.

	Участие, вертикальный %			Средние затраты тех, кто участвует, ч в неделю		
	М	Ж	Все	М	Ж	Все
Покупка продуктов питания	57,7	88,0	75,0	3,8	5,2	4,8
Приготовление еды	34,1	90,0	66,1	5,6	10,1	9,1
Мытье посуды	47,1	94,5	74,2	1,9	3,1	2,8
Стирка, глажение	16,5	87,3	57,0	4,6	8,0	7,6
Уборка квартиры	35,0	89,4	66,1	3,7	6,6	5,9
Мелкий ремонт по дому, на даче, ремонт автомобиля	41,7	6,8	21,7	9,2	11,2	9,6
Ремонтно-строительные работы по дому, на даче	17,1	2,9	9,0	14,0	14,9	14,2
Работа на садово-огородном участке	27,7	22,0	24,5	13,3	13,7	13,5
Вождение автомобиля с семейными целями	23,1	1,8	10,9	7,8	8,0	7,8
Уход за детьми, внуками, живущими вместе	14,4	26,4	21,3	6,6	11,6	10,1
Уход за другими членами д/х, живущими вместе	5,8	13,4	10,1	7,0	8,5	8,1
Помощь в ведении хозяйства родителям респондента или супруга(и), живущим отдельно	8,8	6,9	7,7	9,1	9,3	9,2
Помощь в ведении хозяйства детям респондента или супруга(и), живущим отдельно	2,8	4,1	3,5	12,0	15,3	14,2
Помощь в ведении хозяйства бабушкам и дедушкам респондента или супруга(и), живущим отдельно	2,8	1,9	2,3	8,3	7,1	7,7
Помощь в ведении хозяйства внукам респондента или супруга(и), живущим отдельно	1,1	2,3	1,8	9,1	19,5	16,7
Все виды домашнего труда	91,1	98,2	95,1	23,1	40,2	33,2

Однако нельзя сказать, что такая ситуация характерна для всех видов домашней работы. Можно говорить о существовании трех групп обязанностей. В первую группу входят те виды домашнего труда, за выполнение которых преимущественно отвечают женщины, тратящие на них существенно больше времени, чем мужчины. Сюда относятся покупка продуктов питания, приготовление еды, мытье посуды, стирка, глажение, уборка квартиры, уход за членами домохозяйства. Так, только 34% представителей сильного пола участвуют в приготовлении еды и тратят на это в среднем 6 ч в неделю по сравнению с 90% представительниц слабого пола, тратящих на приготовление еды в среднем на 4 ч в неделю больше, т.е. практически целый рабочий день.

Вторая группа обязанностей носит мужской характер и включает мелкие и крупные ремонтные работы, вождение автомобиля с семейными целями, а также работу на садово-огородном участке. Здесь уровень вовлеченности мужчин выше, чем женщин. Для сельскохозяйственной деятельности эти различия минимальны по сравнению с остальными видами работ, входящих в данную группу. Несмотря на то что мужчины чаще вовлечены в выполнение указанных работ, в среднем они тратят на них не больше времени, чем женщины, а для ремонтных работ временные затраты женщин даже выше.

И наконец, третья группа обязанностей — трудовые трансферты родственникам, живущим отдельно — не фиксирует существенных различий между представителями разных полов.

Но в целом можно сделать вывод о том, что гендерные различия продолжают играть существенную роль при распределении домашних обязанностей в семье, что является воспроизведением характеристик традиционализма и служит некоторым подтверждением сексуально-ролевых теорий.

Тип населенного пункта как фактор участия в домашнем труде. В городах, особенно в крупных, по сравнению с сельской местностью выше уровень участия населения в выполнении бытовых домашних обязанностей (приготовление еды, стирка, уборка и т.д.) (табл. 14). Однако среднее время, затраченное на выполнение этих же обязанностей, в городе ниже, чем в селе (табл. ПЗ.1 Приложения к главе 3). Единственное исключение в данном случае составляет покупка продуктов питания: время, затраченное на нее, выше в городской местности, нежели в сельской, что связано с большим количеством магазинов, их размером и затратами времени на поездку к ним в городе.

Таблица 14. Участие населения в сфере домашнего труда в зависимости от типа населенного пункта, RLMS, 2006 г. (вертикальный %)

	Москва, Санкт- Петербург	Областные центры	Города	ПГТ	Село	Все
Покупка продуктов питания	83,5	82,7	77,1	66,8	62,4	75,0
Приготовление еды	70,0	71,0	67,3	58,6	59,3	66,1
Мытье посуды	81,9	80,0	77,4	63,3	63,7	74,2
Стирка, глажение	59,2	60,1	58,0	53,0	52,6	57,0
Уборка квартиры	71,2	71,5	67,5	59,8	57,9	66,1
Мелкий ремонт по дому, на даче, ремонт автомобиля	18,9	21,1	22,2	23,0	22,9	21,7
Ремонтно-строительные работы по дому, на даче	6,3	8,4	8,7	9,3	11,0	9,0
Работа на своем садово-огородном участке	6,8	16,0	18,8	34,7	45,3	24,5
Вождение автомобиля с семейными целями	10,2	11,4	11,0	13,2	10,1	10,9
Уход за детьми, внуками, живущими вместе	22,1	21,0	22,2	20,8	20,3	21,3
Уход за другими членами д/х, живущими вместе	12,0	11,5	7,3	12,8	9,9	10,1
Помощь в ведении хозяйства родителям респондента или супруга(и), живущим отдельно	4,6	7,5	7,4	8,3	9,4	7,7
Помощь в ведении хозяйства детям респондента или супруга(и), живущим отдельно	2,9	3,9	4,3	2,4	3,0	3,5
Помощь в ведении хозяйства бабушкам и дедушкам респондента или супруга(и), живущим отдельно	1,1	2,6	2,5	1,6	2,4	2,3
Помощь в ведении хозяйства внукам респондента или супруга(и), живущим отдельно	1,7	2,1	2,6	0,3	0,9	1,8
Все виды домашнего труда	95,9	96,4	95,1	91,9	94,2	95,1

Эти обязанности, как было отмечено ранее, преимущественно являются зоной ответственности женщин. Городской образ жизни способствует более равному распределению этих видов домашнего труда между представителями разных полов, так как здесь соотношение между временными затратами мужчин и женщин ближе, чем в селе. Таким образом, можно предположить, что городские семьи склонны к более эгалитарному рас-

пределению данных обязанностей, в то время как сельские — к более традиционному.

Для обязанностей, традиционно считающихся мужскими и носящих периодический характер, нельзя выделить такой однозначной тенденции. Наибольшие различия мы можем наблюдать по работе на садово-огородном участке: среди селян в ней принимают участие 45%, тогда как среди жителей городов — 18%, областных центров — 16%, Москвы и Санкт-Петербурга — только 6,8%. Конечно, это объясняется тем, что для жителей села работа в своем подворье часто является основной формой занятости.

Влияние возраста. Участие населения в сфере домашнего труда, а также время, затраченное на него, сильно зависят от этапа жизненного цикла человека (рис. 10 и табл. П3.2 Приложения к главе 3). Пик активности приходится на средний возраст, когда население оказывается в зоне двойной ответственности — как за рыночный, так и за домашний труд. Как показывают данные, в том возрасте, когда нагрузка домашним трудом максимальна, иждивенческая нагрузка также самая высокая. В то же время в пенсионном возрасте несколько сокращается доля участвующих в домашней нагрузке — скорее всего, за счет ухудшения состояния здоровья; однако время, затрачиваемое на труд в домохозяйстве, возрастает

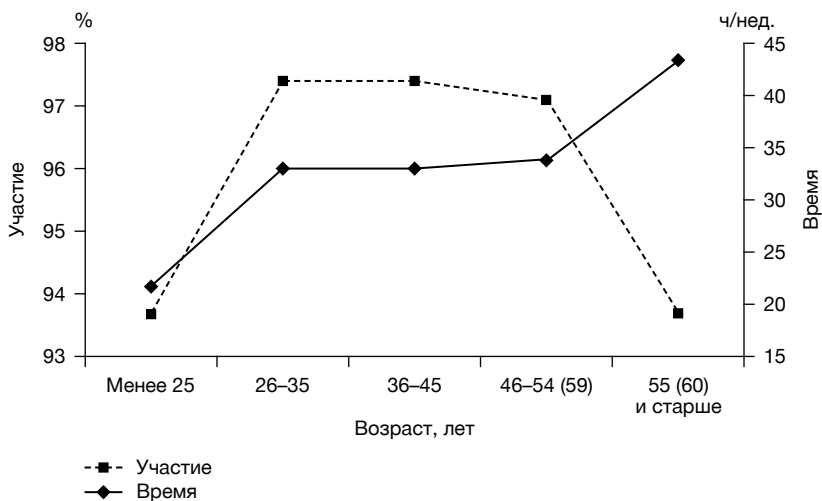

Рис. 10. Участие населения в домашнем труде и среднее время, затраченное на него, на протяжении жизненного цикла, %, RLMS, 2006 г.

и достигает в среднем почти 45 ч в неделю (т.е. это время полноценной занятости на рынке труда).

Зависимость от семейного положения. Наличие супруга или партнера, постоянно проживающего в домохозяйстве респондента, увеличивает среднюю временную нагрузку практически по всем видам домашнего труда. Семейные респонденты тратят на домашнее хозяйство около 38 ч в неделю, а холостые/незамужние — на 5 ч меньше (рис. 11 и табл. ПЗ.3 Приложения к главе 3).

Замужние женщины в большей степени, чем женатые мужчины, увеличивают временные затраты на бытовые домашние обязанности по сравнению с одинокими. Например, женщина, состоящая в браке (в том числе в незарегистрированном), в среднем на 20–40% больше тратит времени на приготовление еды, стирку, глажение и другие подобные обязанности, чем не имеющая партнера. Что касается мужчин, то их активность в данной сфере при вступлении в брак повышается максимум на 17%. Другое дело — такие обязанности, как ремонтные работы, работы на садово-огородном участке, а также уход за членами домохозяйства и трудовые трансферты. Здесь затраты времени мужчин при наличии супруги выше

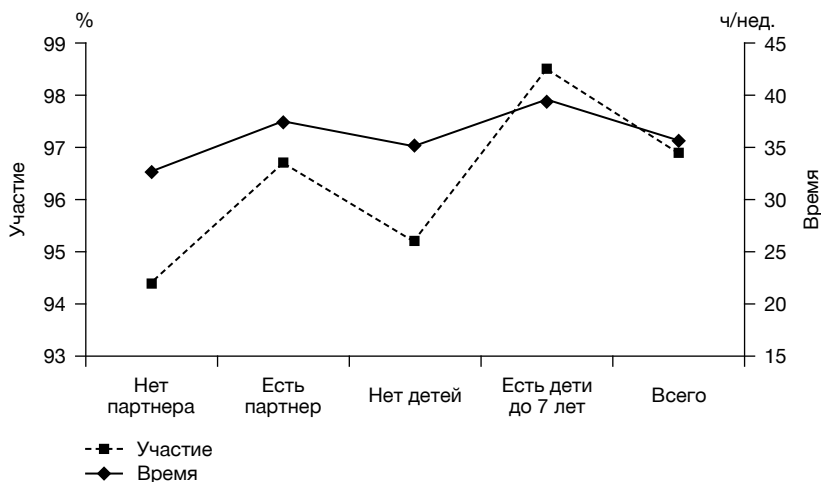

Рис. 11. Участие населения в домашнем труде и среднее время, затраченное на него, в зависимости от семейного положения и наличия детей дошкольного возраста в семье, %, 2006 г.

на 20–50%, чем при ее отсутствии. Женщины, наоборот, после вступления в брак снижают активность в этих видах домашней работы, делегируя часть обязанностей мужьям или партнерам.

Наличие детей и домашний труд. Наличие детей дошкольного возраста обуславливает высокий уровень временных затрат на уход за детьми, внуками, живущими в домохозяйстве (табл. ПЗ.4 Приложения к главе 3). Если при наличии в семье детей до 17 лет в среднем на уход за ними одним респондентом тратится около 6 ч в неделю, то при наличии детей дошкольного возраста — в среднем 12 ч. При этом чем больше количество таких детей, тем меньше временные затраты на остальные виды домашнего труда. Обязанности по их выполнению либо более равномерно распределяются между членами домохозяйства, либо просто на них остается меньше времени и они выполняются быстрее или в меньшем объеме. В целом суммарная временная нагрузка на выполнение всех видов домашнего труда остается высокой, по крайней мере, в среднем выше, чем при отсутствии детей младше 7 лет (рис. 11).

Образование и занятость в домашнем хозяйстве. На основе выводов экономической теории и экономической социологии можно было предполагать, что чем выше образование человека, тем ниже его вовлеченность в домашнее хозяйство. Правда, надо учитывать, что в России уровень образования выше у женщин. Данные показали, что с ростом уровня образования растет уровень участия населения в сфере домашнего труда, причем это характерно для респондентов как женского, так и мужского пола. Так, 93% лиц с общим средним образованием и ниже участвуют в сфере домашнего труда по сравнению с 98% лиц с высшим образованием и выше. Первые в среднем тратят на ведение домашнего хозяйства 31 ч в неделю, вторые — более 36 ч (табл. 15).

Однако такая ситуация может быть связана с тем, что часть респондентов с общим средним образованием и ниже — учащиеся школ и училищ, поэтому их занятость в домашнем труде ниже, чем взрослых. Можно заметить, что люди с высшим образованием меньше времени тратят на трудовые трансферты родственникам, живущим отдельно.

Существуют и отличия по отдельным видам домашнего труда. Так, если среди лиц с общим средним образованием только 59% занимаются приготовлением еды, то среди лиц с высшим образованием — 74%. Однако различия по средним затратам времени в неделю незначимы (более 9 ч в неделю). Исключение составляют работы на садово-огородном участке, уровень участия в которых с ростом образования снижается; однако

Таблица 15. Участие населения в домашнем труде
в зависимости от уровня образования, RLMS, 2006 г.

	Средние затраты тех, кто участвует в домашнем труде, ч/нед.			
	имеющие общее среднее образование	имеющие среднее про- фессиональное образование	имеющие высшее образование	все
Покупка продуктов питания	4,6	4,8	5,0	4,8
Приготовление еды	8,8	9,4	9,0	9,1
Мытье посуды	2,8	2,8	2,8	2,8
Стирка, глажение	7,9	7,8	6,7	7,6
Уборка квартиры	5,8	6,1	5,9	5,9
Мелкий ремонт по дому, на даче, ремонт автомобиля	9,9	9,6	9,0	9,6
Ремонтно-строительные работы по дому, на даче	14,2	13,8	14,9	14,2
Работа на своем садово- огородном участке	13,5	13,2	14,5	13,5
Вождение автомобиля с семейными целями	8,1	7,6	8,1	7,9
Уход за детьми, внуками, живущими вместе	10,0	10,1	10,4	10,1
Уход за другими членами д/х, живущими вместе	8,2	8,4	7,5	8,1
Помощь в ведении хозяйства родителям респондента или супруга(и), живущим отдельно	8,6	9,9	8,5	9,2
Помощь в ведении хозяйства детям респондента или супруга(и), живущим отдельно	13,9	14,2	14,4	14,1
Помощь в ведении хозяйства бабушкам и дедушкам респондента или супруга(и), живущим отдельно	7,3	8,0	8,5	7,7
Помощь в ведении хозяйства внукам респондента или супруга(и), живущим отдельно	18,4	17,2	14,2	16,7
Все виды домашнего труда	29,7	35,2	36,1	33,2

средние затраты времени участвовавших в этих работах также примерно одинаковы. Таким же образом влияет на вовлеченность в хозяйственные практики уровень образования партнера или супруга(и) респондента: чем выше его/ее образование, тем больше вовлеченность респондента в сферу домашней работы.

С ростом уровня образования увеличивается и соотношение средних затрат времени мужчин и женщин. Таким образом, члены домохозяйства, имеющие больший образовательный багаж, более склонны к эгалитарному распределению внутрисемейных обязанностей.

Влияние профессионального статуса респондента на его участие в домашнем хозяйстве неоднозначно. С одной стороны, индивиды, занимающие руководящие должности, в среднем тратят меньше времени на домашний труд, чем, например, профессионалы или служащие (рис. 12). Если один из партнеров занимает руководящую должность, другой более активно вовлечен в домашнее хозяйство. С другой стороны, наименьшие временные затраты в сфере домашней работы характерны для военнослужащих и рабочих. Вполне вероятно, что это связано с профессиональной сегрегацией на рынке труда, так как среди военных и руководителей, а также среди рабочих отдельных отраслей выше доля мужчин, чем в других должностях.

Здоровье выступает как параметр, ограничивающий возможности респондента участвовать в выполнении домашних обязанностей. В связи с

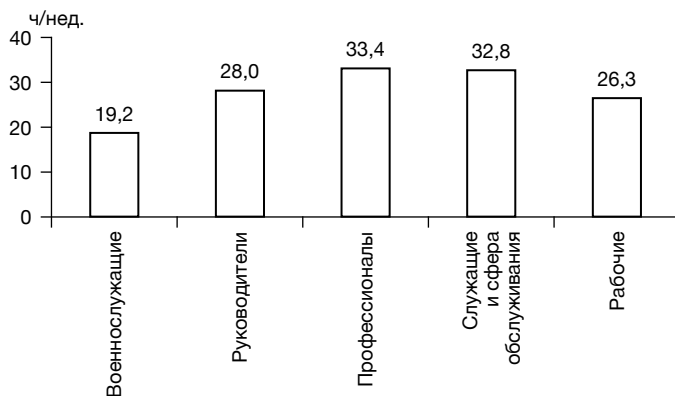

Рис. 12. Среднее время на домашний труд в зависимости от профессионального статуса, ч/нед., RLMS, 2006 г.

этим люди с плохой оценкой здоровья гораздо реже участвуют в сфере домашнего хозяйства, а также в среднем тратят на это гораздо меньше времени, чем те, у кого хорошее здоровье (табл. П3.6 Приложения к главе 3). Так, респонденты с «очень хорошим» здоровьем в среднем тратят на все домашние обязанности на 15 ч в неделю больше, чем те, у кого «очень плохое» состояние здоровья.

Влияние статуса экономической активности респондента аналогично влиянию уровня образования: выше всего вовлеченность в большинство сфер домашнего труда тех, у кого есть работа. Менее активными являются безработные респонденты (т.е. не занятые, но ищущие работу). И наконец, наименее вовлеченными в домашнее хозяйство оказываются экономически неактивные. Это характерно как для каждого вида домашнего труда в отдельности, так и для всей домашней работы в целом; как для мужчин, так и для женщин. Однако если рассматривать затраты времени в неделю, то здесь различия оказываются прямо противоположными. Респонденты, входящие в категорию неактивных, тратят в среднем на домашний труд 39 ч в неделю (т.е. фактически полную рабочую неделю), безработные — 43 ч в неделю и, наконец, занятые — около 31 ч (табл. 16). Для населения в возрасте от 18 до 59 лет аналогичные затраты будут составлять 42, 45 и 31 ч в неделю.

Занятость партнера или супруга(и) респондента оказывает обратное влияние. Неактивность партнера на рынке труда позволяет респонденту сократить уровень вовлеченности в сферу домашнего труда. И наоборот, при занятости партнера респондент вынужден брать на себя более широкий круг домашних задач.

Время, затраченное на рыночный труд, как фактор домашних обязанностей. Количество часов, затраченных респондентом на рыночный труд, имеет обратную связь со степенью участия в домашнем труде. Чем больше времени у него уходит на рыночный труд, тем менее активным он становится во многих видах домашнего труда и тем меньше времени он на них тратит. Респонденты, работающие стандартные 40 ч в неделю и меньше, в среднем посвящают домашнему хозяйству 31,2 ч, работающие на рынке труда от 41 до 50 ч в неделю тратят на домашний труд около 30 ч, и, наконец, работающие более 50 ч домашнему хозяйству отводят в среднем 24,7 ч (табл. 17).

Несмотря на то что рост затрат времени на рынке труда компенсируется некоторым снижением временных затрат в домашнем хозяйстве, компенсация далека от пропорциональной схемы. Как результат, суммарная

3.3. Результаты эмпирического анализа сферы домашнего труда в России в середине 2000-х годов

Таблица 16. Участие населения в домашнем труде в зависимости от статуса занятости, RLMS, 2006 г.

	Участие, вертикальный %				Средние затраты тех, кто участвует в домашнем труде, ч/нед.			
	Экономически неактивные	Безработные	Занятые	Все	Экономически неактивные	Безработные	Занятые	Все
Покупка продуктов питания	68,6	72,2	79,6	75,3	5,9	5,6	4,2	4,8
Приготовление еды	67,1	72,4	65,5	66,3	10,6	10,1	8,1	9,1
Мытье посуды	77,2	77,6	72,5	74,4	3,2	3,2	2,4	2,8
Стирка, глажение	58,0	59,8	56,4	57,1	9,6	8,8	6,2	7,6
Уборка квартиры	68,7	71,1	64,4	66,2	6,9	7,7	5,2	5,9
Мелкий ремонт по дому, на даче, ремонт автомобиля	13,5	23,2	26,7	21,7	12,5	14,3	8,5	9,5
Ремонтно-строительные работы по дому, на даче	5,7	10,1	10,9	9,0	17,2	21,7	12,8	14,1
Работа на своем садово-огородном участке	26,9	26,0	22,9	24,5	17,2	20,4	10,5	13,5
Вождение автомобиля с семейными целями	3,5	8,2	15,8	11,0	11,1	11,6	7,3	7,8
Уход за детьми, внуками, живущими вместе	13,7	22,2	26,0	21,4	13,1	12,8	9,1	10,2
Уход за другими членами д/х, живущими вместе	9,6	11,9	10,2	10,1	10,6	8,4	6,7	8,1
Помощь в ведении хозяйства родителям респондента или супруга(и), живущим отдельно	3,5	10,8	10,0	7,6	11,9	14,4	8,3	9,1
Помощь в ведении хозяйства детям респондента или супруга(и), живущим отдельно	4,0	3,4	3,2	3,5	20,2	16,5	9,9	14,3
Помощь в ведении хозяйства бабушкам и дедушкам респондента или супруга(и), живущим отдельно	2,4	5,7	2,0	2,3	7,5	10,3	7,6	7,8
Помощь в ведении хозяйства внукам респондента или супруга(и), живущим отдельно	2,3	1,0	1,5	1,8	21,7	22,8	11,4	16,6
Все виды домашнего труда	92,5	96,9	96,8	95,2	38,6	43,8	29,5	33,2

Таблица 17. Участие населения в домашнем труде в зависимости от времени, затраченного на рыночный труд.
RLMS, 2006 г.

	Участие, вертикальный %				Средние затраты тех, кто участвует в домашнем труде, ч/нед.			
	40 ч и менее	41–50 ч	51 ч и более	Все	40 ч и менее	41–50 ч	51 ч и более	Все
Время, затраченное в неделю на рыночный труд								
Покупка продуктов питания	82,4	80,8	77,5	80,6	4,3	4,3	3,9	4,2
Приготовление еды	71,8	66,3	56,7	66,0	8,6	8,0	7,1	8,2
Мытье посуды	76,9	74,9	64,6	73,3	2,6	2,4	2,2	2,5
Стирка, глажение	63,5	56,8	46,2	56,7	6,3	6,2	6,0	6,3
Уборка квартиры	71,3	65,9	53,2	64,9	5,3	5,2	4,7	5,2
Мелкий ремонт по дому, на даче, ремонт автомобиля	23,7	27,3	31,4	27,0	8,4	8,1	8,7	8,4
Ремонтно-строительные работы по дому, на даче	9,7	11,1	11,9	10,8	12,6	13,0	12,2	12,6
Работа на своем садово-огородном участке	27,6	21,2	21,5	23,4	9,9	10,6	8,8	9,9
Вождение автомобиля с семейными целями	11,7	16,3	21,1	15,8	7,0	7,1	7,7	7,2
Уход за детьми, внуками, живущими вместе	24,9	24,9	23,6	24,6	9,7	8,7	7,6	9,1
Уход за другими членами д/х, живущими вместе	10,3	9,3	10,4	9,9	6,5	7,2	6,6	6,7
Помощь в ведении хозяйства родителям респондента или супруга(и), живущим отдельно	10,5	9,4	10,0	9,9	8,2	8,7	7,8	8,3
Помощь в ведении хозяйства детям респондента или супруга(и), живущим отдельно	3,6	3,3	2,5	3,2	9,4	11,8	7,1	9,8
Помощь в ведении хозяйства бабушкам и дедушкам респондента или супруга(и), живущим отдельно	2,2	1,9	1,7	2,0	6,7	8,6	7,4	7,3
Помощь в ведении хозяйства внукам респондента или супруга(и), живущим отдельно	1,6	1,6	1,3	1,5	12,8	9,6	7,3	11,4
Все виды домашнего труда	97,3	97,3	96,6	97,2	31,2	29,8	24,7	29,8
Рабочее время + время на домашний труд					66,7	73,4	80,2	70,8

нагрузка рыночным и домашним трудом для работающих на рынке труда более 50 ч в неделю составляет в среднем 80 ч в неделю, а для тех, кто работает на рынке труда 40 ч и менее, — 67 ч. Тенденция характерна как для мужчин, так и для женщин, но для женщин в гораздо более высокой степени.

Таким образом, несмотря на то что теория компенсирующих факторов вовлеченности в сферу домашнего труда имеет некоторое эмпирическое подтверждение, компенсация имеет слабый характер и зачастую приводит к феномену «двойной занятости». Однако вряд ли стоит здесь говорить о женской эксплуатации, потому что такая тенденция характерна также для представителей сильного пола, хотя и в меньшей степени. Количество часов, затраченных на рыночный труд партнером или супругом (супругой) респондента, оказывает положительное влияние на степень вовлеченности респондента в домашнее хозяйство.

Влияние индивидуальных доходов и заработной платы. Абсолютное распределение индивидуальных доходов не выявило однозначной тенденции влияния на уровень участия в домашнем труде. Более показательной в данном случае оказалась доля индивидуальных доходов респондента в совокупном доходе домохозяйства: с ее ростом член семьи уменьшает свое участие в домашнем хозяйстве. Соответственно, доля партнера (супруга) в доходах семьи оказывает противоположное воздействие. Например, в случае если партнер респондента приносит в дом более 75% совокупного дохода семьи, респондент тратит на домашний труд до 9 ч в неделю больше, чем в случае, если эта доля составляет 50% и ниже.

Анализ корреляции между совокупными временными затратами на домашний труд респондента и его суммарной заработной платой от всех видов деятельности на рынке труда выявил значимую обратную связь: чем выше оплачивается труд респондента, тем меньше времени он тратит на домашнее хозяйство (табл. П3.5 Приложения к главе 3). Связь между временными затратами на домашний труд респондента и заработной платой его партнера или супруга также оказалась значима, но уже с положительным знаком: высокая оплата труда партнера увеличивает нагрузку домашними обязанностями у респондента.

Типология видов домашнего труда

Как говорилось выше, одни виды домашнего труда на первый взгляд выглядят как «женские», другие — как «мужские», наконец, часть работ по дому не имеет выраженной гендерной окраски. Хотя другие со-

циально-демографические факторы имеют менее выраженное влияние на разделение домашних обязанностей, можно предположить, что все виды домохозяйственных работ могут быть объединены в несколько групп, затраты времени внутри каждой из которых коррелируют между собой. Для выявления таких латентных групп (типов) домашнего труда был использован метод факторного анализа (главные компоненты с вращением варимакс) для переменных, характеризующих затраты времени в неделю на каждый вид. На основе критерия превышения значений собственных факторов единицы было выбрано оптимальное количество факторов, которое оказалось равным пяти (табл. 18). Эти пять факторов объясняют 52% дисперсии.

Первый фактор включает покупку продуктов питания, приготовление еды, мытье посуды, стирку, глажение и уборку квартиры. Это практически ежедневные бытовые работы по дому, как правило, традиционно закрепленные за женщинами, или фактор «*повседневных бытовых работ по дому*». В самом деле, среднее значение этого фактора для женщин значительно больше, чем для мужчин. Таким образом, затраты времени на эту группу видов домашнего труда у женщин существенно выше (29,5 ч в неделю против 7,1 ч¹ в неделю). Эти виды труда также более характерны для людей пенсионного возраста (27,3 ч в неделю, тогда как у лиц моложе 60 лет — около 19 ч). Экономически неактивное население и безработные затрачивают на эти работы около 24 ч в неделю, тогда как занятые — менее 17,5 ч.

Второй фактор включает, напротив, преимущественно мужские обязанности, имеющие периодический, временный характер. Здесь крупные и мелкие ремонтные работы, работа на садово-огородном участке, а также вождение автомобиля с семейными целями. Таким образом, второй фактор — это «*периодические хозяйственные обязанности*». Мужчины на эти виды труда расходуют около 11,4 ч в неделю, тогда как женщины — 4,3 ч. У людей в возрасте 46–60 лет эти обязанности отнимают больше времени, чем у других возрастных групп (около 10 ч в неделю). Люди, состоящие в браке, занимаются такими работами в 2 раза дольше, чем холостые (9,3 ч против 4,5 ч), а безработные — в 1,5 раза дольше, чем занятые или неактивные.

Четвертый фактор представляет собой виды труда, связанные с «*уходом за членами домохозяйства*», в том числе за детьми и за другими членами семьи. Они наиболее характерны для людей 26–35 лет и занимают в

¹ Средние затраты времени на все виды труда здесь и ниже приводятся как на тех, кто занимается, так и на тех, кто не занимается ими.

Таблица 18. Повернутая матрица компонентов факторного анализа
еженедельных затрат времени на домашний труд, RLMS, 2006 г.

	Факторы				
	1	2	3	4	5
Приготовление еды	0,826	-0,066	0,022	0,121	-0,019
Стирка, глажение	0,783	-0,065	0,019	-0,001	0,005
Уборка квартиры	0,759	-0,076	0,047	0,001	0,029
Мытье посуды	0,744	-0,076	-0,011	0,098	-0,019
Покупка продуктов питания	0,625	0,036	0,074	0,103	-0,030
Мелкий ремонт по дому, на даче, ремонт автомобиля	-0,108	0,725	-0,001	0,033	0,002
Ремонтно-строительные работы по дому, на даче	-0,046	0,673	-0,047	-0,046	-0,029
Вождение автомобиля с семейными целями	-0,204	0,513	0,088	0,231	0,025
Работа на своем садово-огородном участке	0,213	0,513	-0,002	-0,296	0,089
Помощь в ведении хозяйства детям респондента или супруга(и), живущим отдельно	0,048	0,024	0,743	0,009	0,068
Помощь в ведении хозяйства внукам респондента или супруга(и), живущим отдельно	0,056	-0,018	0,715	-0,035	-0,071
Уход за детьми, внуками, живущими вместе	0,150	-0,041	-0,167	0,693	0,018
Уход за другими членами д/х, живущими вместе	0,124	0,041	0,110	0,670	0,019
Помощь в ведении хозяйства бабушкам и дедушкам респондента или супруга(и), живущим отдельно	-0,029	-0,034	-0,036	-0,054	0,739
Помощь в ведении хозяйства родителям респондента или супруга(и), живущим отдельно	0,004	0,067	0,031	0,080	0,718

Метод отбора: метод главных компонент.

Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

среднем более 5 ч в неделю, тогда как у людей моложе 26, а также от 36 до 45 лет — не более 2,5 ч. Максимальная нагрузка падает на людей с маленькими детьми (до года — около 14 ч в неделю, с года до трех лет — около 14 ч в неделю). Брачный статус также оказывает положительное влияние. Затраты труда безработных значимо выше, чем неактивных и занятых. Среди работающих наименьшее количество времени тратят, с одной стороны, руководители, а с другой — рабочие.

Оставшиеся два фактора (третий и пятый) разделили трудовую помощь родственникам, живущим вне домохозяйства, на две группы, различающиеся направлением трансфертов. Третий фактор — *«нисходящие трудовые трансферты»*, т.е. помощь в ведении хозяйства родственникам младшего поколения (детям, внукам), а пятый — *«восходящие трудовые трансферты»*, т.е. помощь в ведении хозяйства родственникам старшего поколения (родителям, бабушкам и дедушкам). Соответственно, детям и внукам больше всего помогают люди старше 45 лет (около 1,3 ч в неделю до пенсионного возраста, более 1,7 ч в неделю — старше пенсионного возраста). Напротив, затраты времени на помощь родителям, бабушкам и дедушкам максимальны у лиц от 26 до 45 лет (около 1,2 ч в неделю). Расходы времени на помощь детям и внукам выше у женщин и у неактивных на рынке труда, а расходы времени на восходящие трансферты, наоборот, больше у мужчин и безработных.

Индивидуальные типы участия в сфере домашнего труда

Факторный анализ показал, что существуют 5 различающихся направлений домашнего труда. Исходя из этого, мы предположили, что можно выделить 6 групп населения, 5 из которых будут ориентированы на то или иное направление хозяйственных обязанностей (соответствующих выделенным выше факторам), а 6-я — характеризоваться низкими затратами времени на все виды работ. Для построения такой группировки респондентов был использован метод кластерного анализа для переменных, характеризующих затраты времени человека в неделю на каждый вид домашнего труда. Однако при разбиении респондентов на 6 кластеров один из них оказывался неизменно слишком маленьким для дальнейшего анализа (группа, ориентированная одновременно на домашние дела и на помощь детям). Поэтому в принятой модели было оставлено только 5 групп (табл. 19).

Полученные 5 кластеров отражают разные ориентации населения в сфере домашнего хозяйства, однако их специализация не вполне совпала с латентными факторами, которые были выделены при помощи

факторного анализа. В частности, самая большая из выделенных групп действительно характеризуется очень низкими затратами времени на все виды труда. Кроме того, так как затраты времени на трудовые трансферты в среднем по выборке очень малы, соответствующие группы не были выделены. Напротив, оказалось, что периодические хозяйственные обязанности (как правило, характерные для мужчин) и работа в подсобном хозяйстве дифференцируются на два типа.

В 5-м кластере затраты времени на покупки, приготовление еды, стирку, глажение, уборку, мытье посуды в сумме составляют около 39 ч в неделю. Правда, расходы на другие виды хозяйственных обязанностей весьма невелики, и суммарное время на домашний труд в среднем равно около 46 ч в неделю, т.е. меньше, чем у всех других групп, кроме 1-й. Таким образом, это кластер узкой специализации, он включает 27,7% выборки. Самой характерной его чертой является, пожалуй, то, что 93,5% его представителей — женщины (в среднем по выборке — 57%). Хотя доля неактивных на рынке труда среди этой группы не так уж сильно превышает среднее по выборке значение (44,5% по сравнению с 38,7%), однако в силу характерного набора занятий представители этого кластера могут быть полноправно названы «домохозяйками».

Респонденты, включенные во 2-й кластер (их всего 7,3%), также имеют узкую специализацию: их затраты времени в неделю на домашний труд довольно высоки (почти 50 ч), однако 3/4 его уходит на «периодические хозяйственные обязанности» (мелкий и крупный ремонт, в меньшей степени — вождение автомобиля и работа на дачном участке). Таким образом, это кластер «мастеров». Неудивительно, что 84,5% этой группы — мужчины, преимущественно среднего возраста (36–55 лет), чаще состоящие в

Таблица 19. Типология населения по участию в разных видах домашнего труда (средние затраты времени, ч/нед.), RLMS, 2006 г.

	Кластеры*					Всего
	1	2	3	4	5	
Переменные, включенные в кластерный анализ (ч/нед.)						
Покупка продуктов питания	2,2	2,7	5,3	4,5	5,8	2,2
Приготовление еды	2,4	2,9	10,3	8,5	12,3	2,4
Мытье посуды	1,2	1,1	3,3	2,7	3,6	1,2
Стирка, глажение	1,3	1,6	7,6	6,8	9,5	1,3

*Глава 3. Поведение домохозяйств
в сфере домашнего труда*

Окончание табл. 19

	Кластеры*					Всего
	1	2	3	4	5	
Уборка квартиры	1,9	1,9	6,1	5,6	7,5	1,9
Мелкий ремонт по дому, на даче, ремонт автомобиля	1,0	15,4	0,8	3,1	0,5	1,0
Ремонтно-строительные работы по дому, на даче	0,3	11,7	0,3	1,7	0,2	0,3
Работа на своем садово-огородном участке	1,1	5,3	1,2	26,4	1,8	1,1
Вождение автомобиля с семейными целями	0,8	3,5	0,5	1,1	0,1	0,8
Уход за детьми, внуками, живущими вместе	0,7	1,3	21,1	1,0	1,2	0,7
Уход за другими членами д/х, живущими вместе	0,3	0,5	2,4	1,1	1,3	0,3
Помощь в ведении хозяйства живущим отдельно:						
родителям респондента или супруга(и)	0,5	0,9	0,9	1,1	0,6	0,5
детям респондента или супруга(и)	0,2	0,5	0,1	1,0	0,9	0,2
бабушкам и дедушкам респондента или супруга(и)	0,2	0,3	0,2	0,2	0,1	0,2
внукам респондента или супруга(и)	0,1	0,3	0,1	0,5	0,6	0,1
Суммарные затраты времени в неделю по типам труда						
Повседневные бытовые работы по дому	9,0	10,1	32,6	28,1	38,8	19,8
Периодические хозяйственные обязанности	3,3	35,9	2,8	32,4	2,7	7,3
Нисходящие трудовые трансферты	0,3	0,8	0,1	1,5	1,4	0,7
Восходящие трудовые трансферты	0,7	1,2	1,1	1,3	0,7	0,8
Уход за членами семьи	1,0	1,8	23,4	2,1	2,5	2,8
Все виды домашнего труда	14,3	49,8	60,1	65,4	46,1	31,4
Продолжительность рабочей недели (для занятых)	45,3	46,6	41,5	42,2	41,0	44,0
Затраты времени в неделю на учебу	6,1	3,0	5,0	4,5	5,9	5,7
Затраты времени в неделю на поездки до места работы/учебы	3,1	2,3	1,6	0,9	1,8	2,4
Рабочее время + время на домашний труд	58,7	86,1	87,4	89,6	79,9	69,2
Распределение населения по кластерам						
Число респондентов в кластере	6154	849	652	708	3199	11562
Распределение респондентов (%)	53,2	7,3	5,6	6,1	27,7	100

* Кластеры: 1 — «минималисты», 2 — «мастера», 3 — «воспитатели», 4 — «огородники», 5 — «домохозяйки».

зарегистрированном или незарегистрированном браке (78%), чем по всей выборке.

3-й и 4-й кластеры являются бипрофильными, т.е. ориентированными одновременно на два направления деятельности.

3-й кластер, включающий 5,6% населения старше 13 лет, представляет собой «воспитателей», так как от 5-го кластера его отличают существенные затраты времени на уход за детьми. (Необходимо напомнить, что в данном случае в эту категорию не входит проведение свободного времени вместе с детьми — игры, чтение, прогулки и т.д., а входит только трудовая деятельность, связанная с несовершеннолетними членами семьи.) Представители этой группы, помимо 33 ч в неделю на повседневные домашние дела, тратят более 21 ч на заботу о малышах — как о своих детях, так и о внуках. В среднем 2,4 ч уходит также на уход за другими членами семьи. Разумеется, в домохозяйствах почти всех этих респондентов есть дети — в основном дошкольного возраста (76%). Среди «воспитателей» 91,4% женщин, каждые четыре из пяти из них замужем. Немногочисленные мужчины в этом кластере практически все женаты. Как первые, так и вторые — в основном моложе 35 лет (среди женщин — 67%, среди мужчин — 74%). 61% «воспитателей» совмещают заботу о ребенке с занятостью на рынке труда; у них более высокий, чем по всей выборке, уровень образования.

Респонденты из 4-го кластера (их 6,1%) имеют самые дифференцированные домашние обязанности. Довольно существенны их затраты на повседневные дела (уборка, стирка, приготовление еды и т.д.) — 28 ч в неделю, и почти столько же времени они тратят на работу на своем дачном участке или в подсобном хозяйстве, поэтому эту группу можно назвать «огородниками». Еще почти 6 ч уходит у них на мелкий и крупный ремонт и вождение автомобиля. Кроме того, их восходящие и нисходящие трудовые трансферты больше, чем во всех других группах, хотя в среднем эти затраты времени невелики. Гендерная структура этой группы близка ко всей выборке (около 60% — женщины), но ее отличает от прочих прежде всего более высокий средний возраст (половина — люди старше 55 лет, тогда как по всей выборке таких только 22%). Неудивительно также, что в этом кластере больше, чем в других, сельских жителей (37,3%).

Как и предполагалось, еще один из выделенных типов характеризуется малыми затратами времени на все виды домашнего хозяйства. В нашей модели кластерного анализа это 1-й кластер. Представителей этой группы можно назвать «минималистами», так как они принимают минимальное участие в домашнем труде. Так, члены этой группы затрачивают на домаш-

нее хозяйство около 14 ч в неделю, тогда как в среднем по выборке эта величина составляет более 31 ч. Примечательно, что в эту группу попало больше половины всех респондентов (53,2%). Из них 49% не имеют супруга/супруги (это самая высокая доля среди всех групп), в том числе 32% — никогда не состояли в браке (в среднем по выборке — 22%). Большинство (60%) представителей — мужчины (тогда как по всей выборке доля мужчин — 43%). Однако среди мужчин в этой группе 38% не состоят в браке (это чуть больше, чем среди всех мужчин), а вот среди женщин — 66%, тогда как среди всех женщин эта доля меньше половины (48%). Таким образом, к этому стилю поведения среди женщин более склонны одинокие, тогда как о мужчинах этого сказать нельзя. В целом эта группа населения несколько моложе, чем остальные (доля людей до 25 лет составляет 30%).

«Минималистов» можно разделить на две подгруппы (также методом кластерного анализа, исходя из затрат времени на основные латентные факторы домашнего труда): на «минималистов-домохозяек» (19,5% всей выборки) и «минималистов-мастеров» (29,8%). Первые из них расходуют дома всего 22 ч в неделю, но практически все это время уходит на повседневные дела, аналогичные основным занятиям 1-го кластера. Вторые занимаются домашними делами в 2 раза меньше — 9,2 ч, почти половина этого времени уходит на периодические работы (ремонт, вождение, огород). Среди «минималистов-домохозяек» 72% женщины, 55% не состоят в браке. «Минималисты-мастера» — чаще всего мужчины (81,4%), среди них выше, чем в среднем по выборке, доля людей до 24 лет. 56% из них состоят в браке.

Влияние пола, возраста и типа семьи на тип домашней занятости индивида

Распределение населения по выделенным типам занятости в домашнем хозяйстве существенно зависит от пола и изменяется с возрастом. Так, среди молодежи 13–15 лет обоих полов подавляющее большинство (более 85%) тратит минимальное количество времени на повседневные домашние обязанности («минималисты-мастера»). Представленность этого типа постепенно снижается, и в старших возрастных группах у мужчин достигает примерно 40–50%, а у женщин — около 5% (за исключением возраста старше 65 лет).

От этого типа около 15% мужчин за десятилетие с 20 до 29 лет переходят к типу домашнего труда «мастера» (рис. 13а). Доля «домохозяек» среди мужчин (как классических, так и минимальных) во всех возрастах,

за исключением тех, кто старше 60 лет, не превышает 20%. А начиная с 40 лет, и особенно после 60 лет, постепенно становится все более популярной домашняя занятость, ориентированная на огородничество. Что касается женщин (рис. 136), то уже к 20 годам почти 30% из них относится к типу «домохозяйки» и еще 36% — «минимальной домохозяйки». С этого же возраста увеличивается доля тех, кто делит свой домашний труд между хозяйством и детьми. Доля «воспитателей» среди женщин достигает максимума (26%) в возрастной группе 25–29 лет, затем постепенно снижается до 6% в возрасте 40–44 лет и остается на уровне 3–5% в старших возрастах женщин, которые уже ухаживают за внуками или другими членами семьи. После 30 лет «домохозяйственный» тип постепенно вытесняет «воспитательный», а с 40 до 64 лет, как и у мужчин, все более популярным становится огородничество.

Таким образом, в целом эта динамика подтверждает существование гендерных стереотипов, или паттернов, в которых за женщиной закрепляются прежде всего заботы о детях, о других членах семьи и повседневный быт, а за мужчиной — минимальные повседневные обязанности или ремонтные работы и автовождение (однако объемы затрат на эти виды деятельности у «мастеров» и «минималистов-мастеров» весьма различаются). Достаточно очевидно, что роль «воспитателя» женщина приобретает, когда у нее появляются маленькие дети (и частично она возвращается к бабушкам). Поэтому главным вопросом в анализе домашних обязанностей женщин остается определение факторов, которые определяют объем затрат ее времени на повседневные дела (т.е. выбор между «домохозяйственным» и «минимально-домохозяйственным» типами).

«Домохозяйственно-огороднический» тип, как можно заметить, становится актуальным для людей среднего возраста, особенно после выхода на пенсию. Но у мужчин практически на протяжении всей жизни (особенно после 30 лет) доминирующим остается тип «минимального мастера» и в гораздо меньшей степени — «мастера» и «минимальной домохозяйки». Очевидно, что на выбор между этими типами домашней занятости должны влиять какие-то другие факторы, кроме пола и возраста.

Как было отмечено выше, молодежь до 18 лет слабо дифференцирована по преобладающему типу домашнего труда. В рамках RLMS в 2006 г. было опрошено 810 респондентов в возрасте 13–17 лет, из них 52% — мужского пола. Среди этой возрастной группы 83% девушек и 85% юношей тратят минимальное время на повседневные бытовые обязанности (правда, первые — около 12 ч в неделю, тогда как вторые — всего 6 ч). Еще 14%

Глава 3. Поведение домохозяйств
в сфере домашнего труда

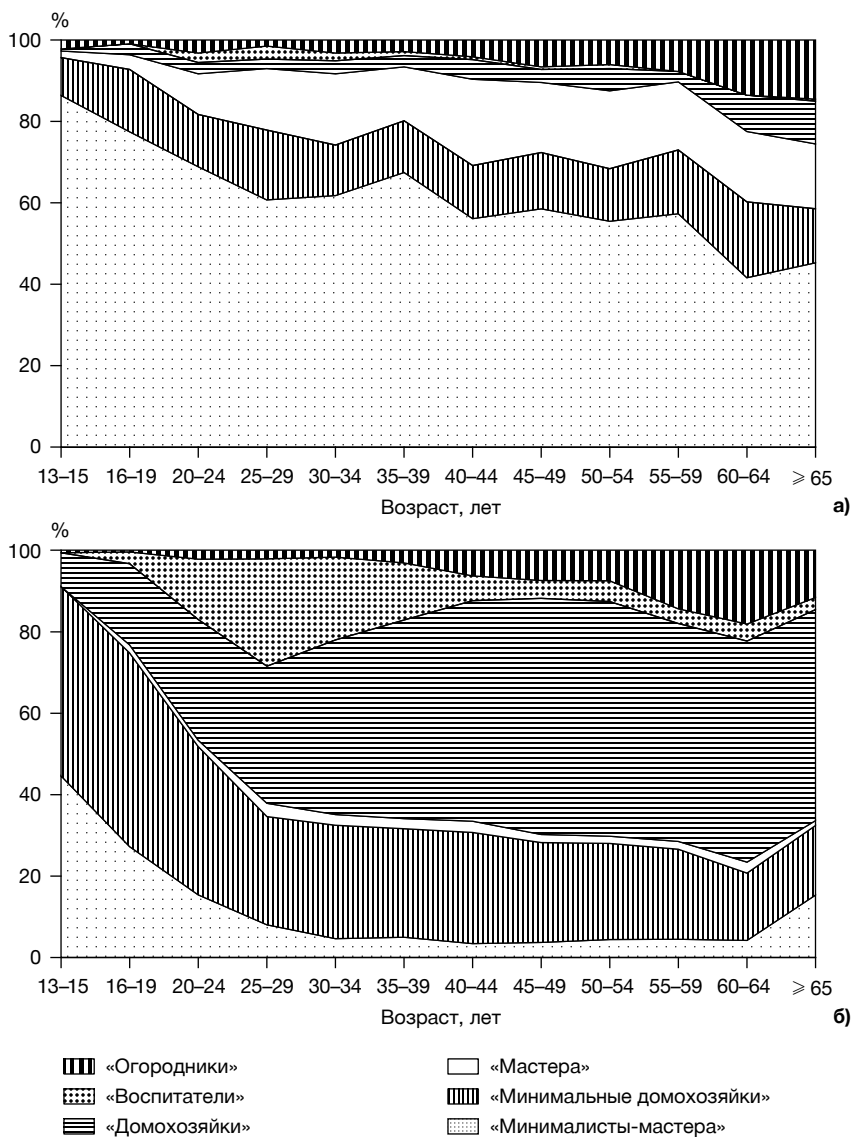

Рис. 13. Динамика распределения мужчин (а) и женщин (б) по типам занятости в домашнем хозяйстве с изменением возраста, %, RLMS, 2006 г.

девушек тратят на те же занятия существенно больше времени (около 35 ч в неделю), т.е. уже являются настоящими домохозяйками. Среди юношей каждый десятый тратит почти в 3 раза больше времени, чем остальные, и занимается, помимо повседневных забот по дому, такими преимущественно мужскими обязанностями, как ремонт и огородничество. Таким образом, среди девушек 85% принадлежат к типу «минималисты» (примерно поровну между двумя подтипами), а среди юношей 84% — «минималисты-мастера».

Так как очевидно, что практически не имеет смысла определять факторы, влияющие на характер домашнего труда молодежи 13–17 лет, мы исключим эту группу из дальнейшего анализа, а агрегированные характеристики ее участия в разделении домашнего труда будем учитывать.

Таким образом, в массиве респондентов RLMS 18 лет и старше остается 11 681 человек, из которых 58% — женщины. Тип семьи у 16% респондентов (1840 человек) — пара без детей, т.е. это 920 супружеских пар. Еще 28,6% (3338 человек) имеют супруга и детей или внуков, т.е. в данных 1669 таких семей. Одиночек, или домохозяйств из одного человека, — 1077 (9,2%), а одиноких взрослых с детьми — еще 195, или 1,7%. Остальные респонденты проживают в семьях более сложного состава (табл. 20).

Если посмотреть на распределение типа домашнего труда мужчин и женщин старше 18 лет в зависимости от структуры семьи (табл. 20), то станет очевидным, что в сложных семьях (5-й тип семьи) это распределение мало отличается от среднего по выборке. В то же время мужчины-одиночки чаще, чем другие мужчины, становятся «домохозяйками» в ущерб занятиям ремонтом и автомобилем. Напротив, женатые мужчины в простых семьях (пара или пара с детьми) более склонны к выбору типично мужского типа труда с достаточно большим расходом времени («мастер»). Наконец, «огородничество» более свойственно мужчинам из семейных пар без детей.

Что касается женщин, то хотя наиболее распространенной ролью является «домохозяйка», тем не менее чаще, чем в других типах семей, к ней склонны одинокие женщины и женщины из семейных пар без детей (прежде всего из-за отсутствия затрат на уход за детьми). Среди этих же типов семьи женщины чаще, чем в среднем по выборке, принимают на себя функции «домохозяйки», но с невысокими затратами времени. Наибольшая доля женщин-«огородников» в семьях одиночек и в семейных парах без детей. Очевидно также, что роль «воспитателя» наиболее распространена в нуклеарных семьях (пара с детьми), а также среди одиночек с деть-

Таблица 20. Типы домашней занятости в зависимости от пола и структуры семьи, респонденты 18 лет и старше, %, RLMS, 2006 г.

		Тип семьи*					Всего
		1	2	3	4	5	
Мужчины	«Домохозяйки»	29,1	4,0	2,7	27,3	3,2	4,5
	«Минималисты-домохозяйки»	44,8	15,4	11,3	18,2	12,2	14,1
	«Минималисты-мастера»	17,9	51,2	62,0	45,5	65,0	59,1
	«Мастера»	4,0	18,7	18,1	0	13,3	15,5
	«Воспитатели»	0	0	2,4	0	1,0	1,2
	«Огородники»	4,0	10,6	3,6	9,1	5,4	5,7
	Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Численность группы (чел.)		223	849	1547	11	1933	4563
Женщины	«Домохозяйки»	51,6	58,9	48,4	48,8	41,8	47,2
	«Минимальные домохозяйки»	32,9	22,0	22,8	30,0	25,4	25,3
	«Минималисты-мастера»	4,3	3,6	4,9	2,4	14,2	8,8
	«Мастера»	1,9	1,5	2,4	5,3	1,8	2,0
	«Воспитатели»	0	,5	17,5	11,8	10,3	9,5
	«Огородники»	9,4	13,6	4,0	1,8	6,5	7,1
	Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Численность группы (чел.)		791	873	1561	170	2843	6238

* Типы семьи: 1 — одиночки, 2 — семейные пары без детей и других родственников, 3 — семейные пары с детьми или внуками, 4 — одиночки с детьми, 5 — другой тип семьи (сложные семьи).

ми. 14% (при среднем по выборке 9%) женщин из сложных семей очень мало занимаются хозяйством, причем акцент смещен в сторону, скорее, типично мужских обязанностей.

Факторы домохозяйственной занятости в семьях с одним взрослым

Остановимся сначала на исследовании домашней занятости одиночек и одиночек с детьми, так как на их выбор не влияют характеристики других членов семьи. Среди первых — мужчин 22%, или 223 человека, а среди вторых — всего 11 человек, или около 6%. Поэтому далее среди одиночек с детьми будем рассматривать только женщин. В обеих группах женщин около половины ориентируются на тип поведения «домохозяйки», среди мужчин же превалирует «минимально-домохозяйственный» тип. Вторым

доминирующим типом у женщин является «домохозяйка-минималистка», а у мужчин, напротив, стратегия, связанная с высоким уровнем затрат на повседневные дела. 12% одиноких женщин с детьми большое количество времени, помимо бытовых забот, расходуют на уход за малышами, т.е. относятся к типу «воспитателей». Доля «огородников» относительно высока только среди одиноких женщин.

Для выявления факторов, влияющих на выбор взрослым-одиночкой стратегии домашнего труда, были рассчитаны три модели мультиномиального анализа отдельно для одиноких мужчин, одиноких женщин и женщин с детьми (табл. 21а, б, в). Так, доли «мастеров» и «мастеров-минималистов» очень малы, в силу малых совокупностей респондентов они были объединены для дальнейшего анализа.

Объясняющие переменные были отобраны на основе теории распределения времени между домашним трудом, работой по найму и свободным временем (модель Гронау [Gronau, 1977]). В их число вошли: доходы от работы по найму, нетрудовые доходы, рабочее время, обеспеченность бытовой техникой и условия проживания, а также возраст и квадрат возраста, образование, место жительства. Пол и семейное положение не были включены в модель, так как она оценивалась только для домохозяйств из одного взрослого или одного взрослого и детей, а также дифференцировано по полу.

В моделях для женщин за базовую категорию был взят тип «домохозяйка». Результаты тестирования модели показали, что одинокие женщины (их средний возраст — 64 года) склонны затрачивать на повседневные домашние дела меньше времени, если у них есть работа, а также если у них выше нетрудовой доход, но ниже ставка заработной платы (т.е. превалирует эффект дохода). Этот вывод соответствует тем предположениям, которые можно было сделать на основе теоретической модели. При этом сокращать объем домашнего труда человек может, в частности, за счет приобретения бытовой техники на нетрудовые доходы (либо увеличивать трудовые доходы за счет роста рабочего времени). Это также подтверждается значимым влиянием наличия микроволновой печи на возможность выбора типа «минимальная домохозяйка». Чем больше возраст, тем с меньшей вероятностью женщина будет сокращать время занятости в домашнем хозяйстве, не меняя его направленности, за исключением самых старших возрастов.

Не совсем стандартный для женщин тип домашнего труда с минимальными затратами времени более вероятен по сравнению с домохозяй-

*Глава 3. Поведение домохозяйств
в сфере домашнего труда*

Таблица 21а. Мультиномиальный регрессионный анализ факторов типа домашней занятости для одиноких женщин 18 лет и старше, базовая категория — тип «домохозяйка», RLMS, 2006 г.

	«Минимально-домохозяйственный»	«Минимальный мастер + мастер»	«Огородник»	Среднее значение переменной
	Coef .	Coef .	Coef .	
Наличие детей (живут отдельно)	-0,163	-0,623	-0,245	0,76
Возраст/10	-1,263***	-0,254	6,658***	6,41
Возраст/10 в квадрате	0,100**	0,025	-0,537***	43,71
Среднее профессиональное образование	-0,285	0,079	-0,184	0,23
Высшее образование	-0,578***	-0,086	0,579	0,22
Самооценка здоровья	-0,140	-0,681**	0,413	2,61
Логарифм ставки заработной платы или предсказанной ставки для незанятых	-0,018***	-0,016*	-0,012	29,18
Нетрудовые доходы	0,0001***	0,0001**	0,000	7904
Есть работа	2,249***	3,122***	0,106	0,29
Безработный	-0,160	2,314**	0,168	0,02
Русский	0,157	-0,434	0,353	0,90
Недельные затраты времени на работу, учебу и транспорт	-0,035***	-0,048***	-0,027	17,30
Количество комнат в жилье	-0,166	-0,072	-0,302	1,80
Количество бытовых удобств (канализация, водопровод и т.д.)	0,163*	0,223	-0,178	2,88
Стиральная машина-автомат	-0,227	0,201	-0,205	0,18
Микроволновая печь	0,604**	-0,389	0,207	0,12
Легковой автомобиль	0,168	-0,414	-0,020	0,03
Была в пользовании земля	-0,130	0,506	4,900***	0,40
Проживание в городе	-0,039	-0,182	0,930**	0,71
Константа	3,654***	0,201	-25,990***	
Количество наблюдений	746			
Log likelihood	295,7			
LR chi2(63)	-670,00			
Prob > chi2	0,000			
Pseudo R2	0,18			

Уровень значимости: *** — 1%, ** — 5%, * — 10%.

3.3. Результаты эмпирического анализа
сферы домашнего труда в России в середине 2000-х годов

Таблица 216. Мультиномиальный регрессионный анализ факторов типа домашней занятости для одиноких мужчин 18 лет и старше, базовая категория — тип «минимальная домохозяйка», RLMS, 2006 г.

	«Домо- хозяйка»	«Мастер»	«Огородник»	Среднее значение переменной
	Coef .	Coef .	Coef .	
Наличие детей (живут отдельно)	0,155	0,616	2,233	0,63
Возраст/10	-0,511	-0,495	3,483	5,17
Возраст/10 в квадрате	0,076	0,052	-0,367	30,3
Среднее профессиональное образование	0,807*	0,143	0,109	0,21
Высшее образование	-1,192*	0,137	0,201	0,17
Самооценка здоровья	0,896**	0,326	0,639	3,06
Логарифм ставки заработной платы или предсказанной ставки для незанятых	0,003	0,003	-0,065	48,8
Логарифм нетрудовых доходов	-0,310**	-0,299**	0,675	8,56
Есть работа	-1,801**	0,281	-1,961	0,56
Безработный	0,228	-43,1	-44,5	0,04
Русский	0,286	0,811	19,666	0,92
Недельные затраты времени на работу, учебу и транспорт	0,023*	-0,004	-0,025	25,9
Количество комнат в жилье	-0,477	0,721**	0,024	1,66
Количество бытовых удобств (канализация, водопровод и т.д.)	0,312	0,147	-0,430	3,10
Стиральная машина-автомат	-0,008	0,272	-41,8	0,19
Микроволновая печь	-0,166	-0,364	-40,8	0,11
Легковой автомобиль	-0,162	-0,486	0,246	0,13
Была в пользовании земля	0,330	-1,161	24,044	0,26
Проживание в городе	-0,435	-1,072	3,156	0,76
Константа	-0,315	-0,263	-57,6	0,63
Количество наблюдений	205			
Log likelihood	-181			
LR chi2(57)	120,1			
Prob > chi2	0,000			
Pseudo R2	0,25			

Уровень значимости: *** — 1%, ** — 5%, * — 10%.

Таблица 21в. Мультиномиальный регрессионный анализ факторов типа домашней занятости для одиноких женщин 18 лет и старше с детьми, базовая категория — тип «домохозяйка», RLMS, 2006 г.

	«Минимальная домохозяйка», «минимальный мастер», «мастер»	«Воспитатель»	Среднее значение переменной
	Coef .	Coef .	
Возраст детей — до 6 дет	1,065*	3,062***	0,22
Возраст/10	0,071	-2,714	3,69
Возраст/10 в квадрате	-0,047	0,406	14,18
Среднее профессиональное образование	-0,237	0,448	0,35
Высшее образование	-0,376	-0,219	0,29
Самооценка здоровья	-0,223	0,184	3,23
Логарифм ставки заработной платы или предсказанной ставки для незанятых	-0,002	-0,024	50,3
Логарифм нетрудовых доходов	0,077	0,426	9,28
Есть работа	19,0***	-2,553*	0,95
Русский	-0,582	19,9***	0,87
Недельные затраты времени на работу, учебу и транспорт	0,003	0,023	42,3
Количество комнат в жилье	0,143	-0,703	1,81
Количество бытовых удобств (канализация, водопровод и т.д.)	0,186	0,560	3,21
Стиральная машина-автомат	0,035	0,279	0,46
Микроволновая печь	-0,218	0,946	0,31
Легковой автомобиль	0,157	1,781	0,09
Была в пользовании земля	0,126	0,493	0,30
Проживание в городе	0,769	0,119	0,72
Константа	-19,84	-22,113	
Количество наблюдений	157		
Log likelihood	-145,8		
LR chi2(36)	53,01		
Prob > chi2	0,03		
Pseudo R2	0,176		

Уровень значимости: *** — 1%, ** — 5%, * — 10%.

ственным типом для занятых и безработных женщин, однако имеющих не слишком большой рабочий день и не очень хорошее здоровье. Влияние нетрудового дохода и ставки заработной платы аналогично выбору «минимальных домохозяек».

Что касается одиноких женщин-«огородников», то значимое влияние на выбор этого типа по сравнению с домохозяйственным имеют только три переменные: возраст, наличие в пользовании земли и проживание в городе. Действительно, структуры затрат времени «огородников» и «домохозяек» очень близки, только первые, помимо повседневных работ по дому, еще и трудятся в своем подсобном хозяйстве. Как было отмечено выше, этот тип становится более распространенным в среднем возрасте, а особенно после выхода на пенсию. Очевидно также, что наличие земли — стимул к ее обработке; неожиданным может оказаться только тот результат, что при прочих равных условиях (в том числе при наличии участка) сельские женщины менее склонны к работе на огороде, чем горожанки.

Для одиноких мужчин (их средний возраст — 52 года) в качестве базовой категории в модели регрессионного анализа был выбран самый распространенный тип «домохозяйки-минимум». По сравнению с этой стратегией вероятность быть полноценной «домохозяйкой» (т.е. тратить достаточно много времени на повседневный быт) ниже у людей с высшим образованием (относительно тех, у кого нет профессионального образования), а также у тех, кто занят на рынке труда, хотя и имеет невысокую ставку заработной платы. Это соответствует теоретическим предположениям, так как занятым приходится распределять свое время между работой, домашним хозяйством и досугом. Напротив, к высоким повседневным затратам времени дома более склонны неработающие мужчины со средним профессиональным образованием (по сравнению с теми, кто закончил только школу), проживающие в относительно небольших квартирах, а также люди с более хорошим здоровьем. Социально-демографические характеристики групп одиноких мужчин, ориентированных на домашнюю занятость типа «минимальный мастер и мастер» и «огородничество», ничем не отличаются от таковых группы «минимальные домохозяйки», за исключением того, что у «мастеров» ниже ставка заработной платы, но они имеют автомобиль (в модели для этих двух исходов только две значимые переменные). Последнее не удивительно, так как среди занятых «мастеров» есть и «вождение автомобиля».

В то же время по сравнению с выбором домашней занятости типа «домохозяйка» (результаты соответствующей регрессии не приводятся в силу

ограниченности места) предпочтение стратегии «минимальный мастер и мастер» отдают занятые мужчины, хотя и имеющие относительно небольшой рабочий день (этот результат совпадает с тестированием аналогичной регрессии для выборки одиноких женщин), а также имеющие машину, но не имеющие дачного участка. Положительно влияет на выбор стратегии «мастер» наличие высшего образования, а отрицательно — хорошее здоровье. Одиноким мужчины-«огородники» значительно не отличаются от мужчин-«домохозяек» по своим социально-экономическим характеристикам.

В последней тестируемой здесь модели для одиноких женщин (их средний возраст — 37 лет) с детьми были объединены типы «минимальный мастер» и «мастер», а также «огородники» приравнены к «домохозяйкам» в силу слишком низкой представленности этого типа. Характеристики качества этой модели не слишком хороши — с вероятностью 3% в ней может не быть значимых коэффициентов. Хотя для этих респондентов также наиболее характерна роль «домохозяйки», но наличие работы повышает их склонность к «минимальному» типу. Наконец, закономерно, что разделять повседневные работы по дому с уходом за детьми, т.е. предпочитать тип «воспитателя», будут в первую очередь женщины с детьми дошкольного возраста и не занятые на рынке труда. Эту стратегию чаще выбирают русские женщины по сравнению с женщинами других национальностей.

Таким образом, в домохозяйствах с одним взрослым основными факторами объема и специализации домашнего труда являются занятость на рынке труда и трудовые доходы (что согласуется с теорией), для одиноких женщин — кроме того, их возраст, а для одиночек с детьми — возраст детей.

Домашний труд «главы семьи» и «основного домработника»

Во многих исследованиях важными детерминантами экономического поведения семьи оказываются характеристики «главы семьи», под которым чаще всего понимается человек, приносящий в домохозяйство максимальный доход. Если не учитывать домохозяйства одиночек и одиночек с детьми, рассмотренные в предыдущем разделе, то в оставшихся 4212 семьях 56,5% глав семей — мужчины¹, а остальные — женщины. Информация о типе домашнего труда главы семьи имела для 3915 семей. Среди глав семей — женщин наиболее распространенный тип домашней

¹ Если в домохозяйстве было два человека с одинаковыми доходами, то главой семьи признавался старший из них; если у двух человек совпадали доходы и возраст, главой семьи признавался мужчина. Однако таких случаев на выборку было крайне мало.

занятости — «домохозяйка», а среди мужчин — «минимальный мастер» (табл. 22).

По аналогии с «главой семьи» по принципу максимальной эффективности вне домохозяйства (аппроксимируемой здесь величиной дохода) мы среди взрослых членов семьи выделили также «основного домработника», т.е. человека, который среди всех членов семьи тратит больше всех времени на домашний труд. Информация о таком человеке есть для 4110 домохозяйств, имеющих в своем составе более 1 человека старше 18 лет. Среди таких «основных домработников» оказалось всего 17,7% мужчин, из них треть принадлежит к типу домашней занятости «мастер» и еще четверть — к типу «минимальный мастер» (табл. 22).

Важно отметить, что 37% глав семей (1503 человека) одновременно являются и теми, кто тратит времени на домашний труд больше, чем все другие члены семьи; из них три четверти — женщины. При этом среди мужчин, как являющихся «главой семьи», так и всех остальных, лишь 16% являются «основным домработником». В то же время если среди женщин — «глав семей» одновременно 65% несут и самую высокую домашнюю нагрузку, то среди остальных женщин таких 59%. Это означает, что женщина, больше всех зарабатывающая в домохозяйстве, с большей вероятностью будет также максимально занята домашними обязанностями, чем женщина, зарабатывающая меньше кого-либо из других членов семьи.

Типология домашней занятости домохозяйств с двумя взрослыми и более

Выявление типологии домашнего труда в домохозяйстве, в отличие от индивидуальных типологий, представляет существенную сложность, так как домохозяйства имеют разный демографический состав. Как правило, чаще всего удастся выявить сочетание времени труда в домохозяйстве или его типов только у семейных пар (см., например: [Bianchi, Milkie, Sayer, Robinson, 2000; Presser, 1994]). В то же время такие исследования в основном задаются вопросом: в какой степени разделение труда в домохозяйстве определяется гендерными ролями и в какой — располагаемыми ресурсами (в том числе временем, человеческим капиталом, производительностью на рынке труда и т.д.)? Нас в данном случае больше интересует разделение труда не только между семейными парами, но и в тех домохозяйствах, где такой пары нет. Кроме того, исследовательской задачей было построение типологии домашней занятости без предварительной фик-

Таблица 22. Типы домашней занятости «главы семьи», «основного домработника», а также всех мужчин и женщин старше 18 лет в семьях с более чем одним взрослым (вертикальный %)

	Глава семьи (N = 3915)			Основной домработник (N = 4108)			Все члены д/х старше 18 лет (N = 9613)		
	Мужчина	Женщина	Всего	Мужчина	Женщина	Всего	Мужчина	Женщина	Всего
	«Домохозяйство»	3,0	46,4	21,7	10,3	56,8	48,5	3,2	46,5
«Минимальное домохозяйство»	12,3	28,3	19,2	15,4	16,2	16,1	12,5	24,1	18,9
«Минимальный мастер»	61,8	8,5	38,9	23,4	1,5	5,4	61,2	9,7	32,9
«Мастер»	16,5	2,6	10,5	34,8	2,3	8,1	16,1	1,9	8,3
«Воспитатель»	1,5	7,2	4,0	3,0	13,9	12,0	1,3	10,8	6,5
«Огородники»	4,9	7,1	5,8	13,1	9,3	10,0	5,7	6,9	6,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Среднее суммарное время на домашний труд по группе (ч/нед.)	21,7	39,5	29,3	44,0	49,5	48,5	21,5	41,0	32,2

сации гендерной принадлежности членов семьи. Так как домохозяйства одиночек и одиночек с детьми мы анализировали выше, здесь рассмотрим только те семьи, в которых двое взрослых и более (в выборке 2006 г. таких семей — 3850).

Для построения типологии домохозяйств в настоящем исследовании была предложена процедура, опирающаяся на индивидуальные типы домашнего труда, представленные среди взрослых (старше 18 лет) членов домохозяйства. Для каждого из выделенных нами выше (см. табл. 20) шести типов домашнего труда была рассчитана доля членов семьи, предпочитающих эту структуру хозяйственных обязанностей. На полученных в итоге 6 переменных, каждая из которых измерялась от 0 до 1, была реализована процедура двухшагового кластерного анализа¹, в ней на основе байесовского информационного критерия Шварца (BIC) также было определено оптимальное количество кластеров, которое оказалось равным 6 (табл. 23, табл. П3.9 Приложения к главе 3).

Самый многочисленный из выделенных типов — первый (треть всех семей). В этих домохозяйствах примерно поровну представлены два индивидуальных способа поведения — «домохозяйственный» и «минимального мастера». Первый характерен для 87% основных домработников в этих семьях, в подавляющем большинстве для женщин, которые тратят на домашний труд в среднем около 43 ч, из которых 34 ч — на повседневные работы. Второго типа придерживаются 81% тех членов семьи, которые тратят на домашний труд второе по объему количество времени — около 15 ч, из них большая часть также уходит на каждодневные дела, но около 5 ч — на ремонтные работы, автомобиль и занятие сельским хозяйством; 9 из 10 таких людей — мужчины. Поэтому разделение труда в этих домохозяйствах фактически следует одной из наиболее распространенных гендерных моделей, когда женщина несет основную домашнюю нагрузку, а занятость мужчины в этой сфере невысока (в 3 раза ниже), в силу чего тип разделения труда может быть назван «патриархальным».

Вторая модель разделения труда, представленная во втором кластере, характерна почти для 18% домохозяйств. Для нее типично сочетание двух индивидуальных типов, затраты времени которых на домашние дела минимальны, но имеют несколько разную структуру (одни ориентированы

¹ В двухшаговом кластерном анализе на первом шаге строится иерархическое дерево объединения кейсов в группы на основе критерия likelihood distance measure, а затем на основе критерия schwarz's bayesian criterion (BIC) выбирается наилучшее число кластеров.

Таблица 23. Модель кластерного анализа: типология домохозяйств, имеющих в составе не менее двух взрослых (старше 18 лет), по преобладающему типу индивидуальной занятости в домашнем труде (центры кластеров, или доля членов домохозяйства, имеющих данный тип занятости), двухэтапный кластерный анализ, RLMS, 2006 г.

Кластеры домохозяйств по преобладающему типу домашнего труда	Доля членов д/х, имеющих данный тип домашней занятости, %						Количество семей в кластере
	«домохозяйственный»	«минимальный домохозяйственный»	«минимальный мастер»	«мастер»	«воспитатель»	«огородник»	
«Патриархальный»	44,5	0,4	47,7	0,2	0,1	0,2	1284
«Эгалитарно-минимальный»	9,3	41,9	46,1	0,5	0,4	0,4	683
«Огороднический»	11,7	8,3	16,5	7,6	1,0	51,7	443
«Заботливый»	5,0	7,9	29,1	6,1	48,4	0,2	477
«Эгалитарно-традиционный»	31,3	8,2	7,7	48,7	0,7	0,5	504
«Повседневно-минимальный»	30,5	62,4	0,1	0,4	0,3	0,3	459
Всего	26,2	18,0	30,6	8,2	6,3	6,2	3850

на повседневные обязанности, вторые — кроме того, на периодические). «Основной домработник» в этих семьях чаще всего может быть отнесен к индивидуальному типу «минимальной домохозяйки» (60%) или «домохозяйки» (29%), и практически все они — женщины. Эти члены семьи расходуют на хозяйственные цели в среднем около 32 ч в неделю, занимаясь в основном покупками, приготовлением еды, уборкой и т.д. (19,5 ч). Что касается членов семьи, которые являются вторыми по рангу затрат времени дома (равных в среднем 15 ч), то в этом типе домохозяйств они существенно различаются. Более половины ориентируются на тип поведения, который был назван нами «минимальным мастером», и из них 87% — мужчины. Еще почти 40% — также «минимальные домохозяйки», которые, напротив, на 80% женщины. Затраты их времени также преимущественно уходят на повседневные обязанности, но в меньшем объеме (около 9 ч). А на «периодические обязанности» они тратят несколько

больше времени, чем «основные домработники» (чуть меньше 3 ч). Хотя в этом кластере распределение времени между этими членами семьи также неравное, все же эта дифференциация меньше, чем в первом типе (примерно в 2 раза), поэтому этот тип может быть назван «эгалитарно-минимальным». Важно также, что в этом типе довольно широко представлено разделение труда не только между мужчиной и женщиной, но и между двумя женщинами.

Третий тип домашней занятости (11,5% семей) с полным правом может быть назван «огородническим», так как 82% его «основных» и 35,7% «второстепенных» домработников принадлежат к соответствующему индивидуальному типу. Суммарные расходы времени первого из них (на 3/4 — это женщины) максимальны по сравнению со всеми остальными кластерами и составляют 71 ч в неделю, из которых половина тратится на повседневные дела, а более трети — на работы на земельном участке. Второй человек (с вероятностью 75% — мужчина) расходует около 37 ч, но структура затрат не сильно отличается от первого.

Самая характерная черта четвертого кластера (12,4% домохозяйств) состоит в том, что 92% «основных» по затратам времени и 22% «второстепенных» членов семьи принадлежат к типу «воспитатель», который специализируется на уходе за членами семьи (преимущественно за детьми). Этот тип занятости был назван «заботливым». Основные домработники — в подавляющем большинстве женщины, суммарные затраты их времени — около 64 ч, причем 23 ч — на уход за другими членами семьи. Если второй по занятости член семьи также является «воспитателем», то с вероятностью 75% это тоже женщина. В то же время довольно часто здесь встречается также типы «минимальный мастер» (21%) и «мастер» (16%), которые практически полностью представлены мужчинами. Средние расходы времени на домашние дела этого «второстепенного» домработника равны 29 ч в неделю, из которых 8 ч — на уход за членами семьи, а почти 6 ч — на ремонтные работы и автомобиль.

В пятом кластере оказалось 13,1% домохозяйств. В нем чаще всего тип «мастер» сочетается с «домохозяйкой» или, реже, с «минимальной домохозяйкой». Среди самых занятых хозяйством 55% «мастеров» (трое из четверых — мужчины), а 42% — домохозяйки (исключительно женщины). Их средние расходы времени составляют чуть менее 60 ч, в том числе 20 ч — на периодические обязанности (ремонт и автомобиль). Половина вторых по домашней занятости членов семьи — также мастера (почти все мужчины), а треть — домохозяйки (только женщины). Они также существенно загру-

жены домашним трудом — 38 ч в неделю (в этой группе разница затрат времени минимальна), причем повседневные и периодические обязанности занимают примерно равные доли (примерно по 40%). Поэтому такой тип разделения домашнего труда также близок к «эгалитарному», однако с гораздо большими, чем во втором типе, затратами времени. Здесь также очень полярное разделение обязанностей: женщина стирает, готовит, убирает, а мужчина занимается ремонтом и автомобилем. Это соответствует стереотипу о традиционных «мужских» и «женских» ролях в семье, поэтому данный тип был назван «эгалитарно-традиционным».

Наконец, шестой кластер, включающий 11,9% семей, характеризуется тем, что около 80% времени как первого, так и второго домработников используется на повседневные работы (приготовление пищи, уборка и т.д.). Стереотипно «мужские» обязанности в структуре времени представлены очень мало. Среди тех членов семьи, которые расходуют больше всего времени на домашние дела (около 39 ч в неделю), 58% — тип «домохозяйки» (почти все — женщины), а еще 39% — «минимальные домохозяйки» (2/3 — также женщины). Подавляющее большинство (89%) второстепенных домработников (средние затраты времени — 22 ч) также придерживаются «минимально-домохозяйственного» способа поведения, среди них чуть больше мужчин (53%). Еще 11% — «домохозяйки», в основном это женщины. Таким образом, в этих семьях разделение труда фактически сводится к различиям по расходам времени, а не по его структуре, и в целом на выполнение домашних обязанностей затрачивается не слишком много усилий по сравнению с другими кластерами. Этот тип домашнего хозяйства семьи был назван «повседневно-минимальным».

Факторы типа домашней занятости домохозяйств с двумя взрослыми и более

Для выделения факторов, которые влияют на разделение домашнего труда в семьях как минимум с двумя взрослыми, была протестирована модель мультиномиального регрессионного анализа (табл. ПЗ.11 Приложения к главе 3) с зависимой переменной «тип домашней занятости, полученный на основе кластерного анализа» (см. предыдущий параграф). В модели за базовую категорию был принят самый распространенный тип — «патриархальный».

Социально-экономические характеристики домохозяйств «патриархального» типа и средних показателей по всем семьям выборки очень

близки (табл. П3.10 Приложения к главе 3). Чаще всего это сложные семьи (39%) или брачные пары с детьми (36%). Нет несовершеннолетних детей в 57% домохозяйств. В среднем домохозяйство состоит из трех человек, и в трех семьях из четырех есть только одна брачная пара. 55% проживают в городах, однако не в Москве или Санкт-Петербурге. Чуть больше половины семей имели в пользовании землю. Душевой доход в этом кластере несколько ниже среднего — 5,6 тыс. руб., в составе примерно трети домохозяйств есть члены с высшим образованием, а 84% — занятые на рынке труда. Что касается глав семей этого кластера (выделенных по принципу максимального дохода), то 70% из них находятся в возрасте от 35 до 59 лет; большинство из них мужчины (61%), 3/4 состоят в браке. Примерно каждый пятый имеет высшее образование, 4/5 заняты на рынке труда (среди занятых 23%, самая большая доля, — квалифицированные рабочие).

По сравнению с «патриархальным» типом вероятность «эгалитарно-минимального» способа разделения труда положительно зависит от размера семьи и количества занятых, а негативно — от количества детей разного возраста, а также от наличия автомобиля. По сравнению с домохозяйствами, состоящими из брачной пары, этот способ ведения хозяйства более характерен для нуклеарных семей (однако с небольшим количеством детей). Вероятность этого типа домашней занятости выше, если глава семьи — женщина и она состоит в браке. Надо сказать, что среди этой группы домохозяйств больше сложных семей, чем в любой другой (50%, табл. П3.10 Приложения к главе 3), а среди занятых глав семьи — больше всего руководителей (законодатели, чиновники, управляющие). В то же время душевые доходы находятся примерно на уровне средних (6,1 тыс. руб. в месяц).

«Огороднические» домохозяйства (третий кластер) реже встречаются среди нуклеарных семей, чем «патриархальные». По сравнению с обеими столицами они чаще встречаются как в других городах, так и в сельской местности, а также, очевидно, среди семей, имеющих в пользовании землю. Вероятность этого типа домашней занятости отрицательно связана с количеством работающих на рынке труда. Она также выше, если глава семьи — русский и часто употребляет алкоголь. В то же время среди тех, кто зарабатывает больше остальных членов семьи, в этой группе более высокая, чем в среднем, доля женщин (46%), а также экономически неактивных (36%).

Четвертый тип домохозяйств — «заботливые» — по сравнению с первым чаще распространен в сложных семьях, а также среди пар с детьми,

что неудивительно, так как наряду с повседневными обязанностями его члены тратят много времени на уход за детьми (или за другими членами семьи). Очевидно также, что вероятность его появления выше в семьях, где есть дети (в первую очередь до 3 лет). Но важно, что и наличие бабушки и/или дедушки более характерно для этих домохозяйств, чем для семей с патриархальным укладом. Это домохозяйства, в которых человеческий капитал достаточно высок, глава семьи — мужчина молодого или среднего возраста, однако при высоком среднем количестве человек в семье (4 человека) количество занятых ниже. Такой тип реже встречается на селе и чаще — среди имеющих автомобиль.

34% домохозяйств с «эгалитарно-традиционным» разделением труда проживают в сельской местности (чаще, чем в среднем, — в центрально-европейской части России), они имеют самые низкие душевые доходы (около 5,5 тыс. руб. в месяц), а доля сложных семей в этой группе минимальна. Среди значимых факторов принадлежности к этому типу по сравнению с «патриархальным» — наличие земельного участка, автомобиля и большое жилье, а также молодой или средний возраст главы семьи, его брачный статус, частота употребления им алкоголя. Именно возраст, достаточно высокая занятость на рынке труда и наличие детей отличают эти семьи от «огородников», однако то, что среди них много сельских жителей, а также имеющих земельный участок и автомобиль, объясняет высокие затраты мужчин в сфере домашнего труда.

Наконец, семьи, придерживающиеся «повседневно-минимального» типа домашнего труда, больше, чем «патриархальные», распространены среди семейных пар без детей и меньше — в сельской местности. Эти домохозяйства характеризуются самым высоким уровнем образования и обеспеченностью бытовыми удобствами, хотя и реже владеют автомобилем. В этом кластере самая высокая доля проживающих в Москве или в Санкт-Петербурге (19%), а также в областных центрах (36%), относительно много семей без детей (65%), а также без брачной пары (34%). Это самая высокодоходная группа (душевые доходы — 6,8 тыс. руб. в месяц). Только в этой группе большинство глав семей — женщины (56%). Среди глав семей довольно высока доля занятых (83%), профессионалов (23% работающих), лиц с высшим образованием (31%), состоящих в браке (61%).

3.4. ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 3

Как показало исследование, виды работ, выполняемых в сфере домашнего труда, неоднородны по многим характеристикам (доля населения, вовлеченного в их выполнение, уровень средних временных затрат и т.д.). Однако среди них можно выделить следующие основные направления деятельности: *повседневные бытовые обязанности, периодические работы, уход за членами домохозяйства, трудовые трансферты* (нисходящие и восходящие). Если сравнивать мужчин и женщин, то очевидно более высокая занятость вторых в сфере домашнего труда (как и в большинстве исследований этой сферы во всем мире), а также их специализация на повседневных бытовых работах и уходе за членами семьи. Таким образом, по-прежнему сильна роль *гендерно-ролевых отношений*, которые определяют разную степень участия, разные временные затраты и разные типы поведения представителей слабого и сильного пола. Также важными факторами являются *возраст, семейное положение и наличие детей*. Изменение этих параметров приводит к смене типов поведения в распределении домашних обязанностей.

Двойная ответственность. Размер человеческого капитала и статусные характеристики не всегда работают в пользу респондентов, т.е. наличие высокого статуса не гарантирует высвобождения из домашнего хозяйства, особенно это касается женщин, которые занимают высокие позиции в обществе наряду с высокой ответственностью в сфере внутрисемейного труда. Пожалуй, наиболее убедительным статусным фактором снижения трудовой домашней нагрузки является доля индивидуальных доходов в доходе домохозяйства.

Двойная занятость. Несмотря на то что увеличение рыночной трудовой нагрузки приводит к снижению нагрузки в сфере домашнего труда, *компенсация имеет слабый характер* и зачастую приводит к феномену «двойной занятости». При этом тенденция характерна как для женщин, так и для мужчин, но для последних в меньшей степени. Важно также и то, что при росте экономической активности и занятости на рынке труда возрастает нагрузка в сфере домашнего хозяйства. Таким образом, гипотеза о рациональном разделении труда между рыночной и домашней деятельностью пока не подтвердилась.

Выделенные 6 *индивидуальных типов участия* населения в сфере домашнего труда — «домохозяйка», «мастер», «минималист» (со специализацией на бытовых или периодических работах), «воспитатель» и «ого-

родник» — существенно различаются по объему и структуре затраченного времени. В домохозяйствах одиночек (и одиночек с детьми) важнейшими факторами выбора типа домашней занятости оказались пол, возраст, работа на рынке труда, а также возраст детей (в семьях с детьми).

Помимо индивидуальных типов, были выделены *домохозяйственные стратегии разделения домашнего труда* (в семьях, где более чем один взрослый): «патриархальная», «эгалитарно-минимальная», «огородническая», «заботливая» (уход за детьми), «эгалитарно-традиционная» и «повседневно-минимальная». Регрессионный анализ показал, что социально-экономические характеристики домохозяйства — прежде всего тип семьи, наличие детей, место жительства, наличие земельного участка и автомобиля, занятость и образование членов семьи — являются значимыми *предикторами типа домашнего труда семьи*. Существенными оказались также такие параметры главы семьи, как возраст, пол, брачный статус, частота употребления алкоголя, а также национальность.

3.5. ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 3

Таблица ПЗ.1. Затраты времени населения в сфере домашнего труда в зависимости от типа населенного пункта

	Средние затраты тех, кто участвует в домашнем труде, ч/нед.					
	Москва, Санкт-Петербург	Областные центры	Города	Пгт	Село	Все
Покупка продуктов питания	5,9	4,8	4,7	4,8	4,3	4,8
Приготовление еды	8,5	9,1	8,7	10,6	9,5	9,1
Мытье посуды	2,4	2,7	2,6	3,6	3,2	2,8
Стирка, глажение	6,1	6,7	7,2	9,0	9,5	7,6
Уборка квартиры	5,4	5,8	6,0	6,8	6,2	5,9
Мелкий ремонт по дому, на даче, ремонт автомобиля	6,4	8,9	10,5	10,2	10,4	9,6
Ремонтно-строительные работы по дому, на даче	11,6	15,4	14,1	15,6	13,4	14,2
Работа на своем садово-огородном участке	14,7	16,9	13,3	16,2	11,6	13,5
Вождение автомобиля с семейными целями	8,1	7,8	7,8	8,0	7,8	7,8
Уход за детьми, внуками, живущими вместе	11,4	10,5	9,8	12,8	8,9	10,1
Уход за другими членами д/х, живущими вместе	7,9	8,8	8,2	9,4	7,0	8,1
Помощь в ведении хозяйства родителям респондента или супруга(и), живущим отдельно	10,8	9,3	9,6	11,2	7,8	9,2
Помощь в ведении хозяйства детям респондента или супруга(и), живущим отдельно	16,7	14,1	14,2	13,3	13,4	14,2
Помощь в ведении хозяйства бабушкам и дедушкам респондента или супруга(и), живущим отдельно	8,1	7,7	7,0	6,9	8,7	7,7
Помощь в ведении хозяйства внукам респондента или супруга(и), живущим отдельно	14,2	18,9	15,8	12,6	15,2	16,7
Все виды домашнего труда	29,3	33,4	32,7	36,7	34,5	33,2

Таблица ПЗ.2. Участие населения в домашнем труде в зависимости от возраста, RLMS, 2006 г.

	Участие, %				Средние затраты тех, кто участвует в домашнем труде, ч/нед.			
	24 года и моложе	25-54(59) года	55(60) лет и старше	Все	24 года и моложе	25-54(59) года	55(60) лет и старше	Все
Покупка продуктов питания	68	78	75	75,0	3,4	4,4	6,9	4,7
Приготовление еды	53	66	77	66,1	6,3	8,9	11,0	9,0
Мытье посуды	73	72	81	74,2	2,2	2,7	3,4	2,7
Стирка, глажение	49	57	64	57,0	5,4	7,1	10,0	7,5
Уборка квартиры	71	63	69	66,1	5,0	5,6	7,3	5,9
Мелкий ремонт по дому, на даче, ремонт автомобиля	14	28	15	21,7	7,7	9,4	11,5	9,5
Ремонтно-строительные работы по дому, на даче	5	12	6	9,0	12,0	14,0	16,8	14,2
Работа на своем садово-огородном участке	14	25	31	24,5	10,1	11,6	18,2	13,2
Вождение автомобиля с семейными целями	5	16	4	10,9	7,9	7,6	10,0	7,8
Уход за детьми, внуками, живущими вместе	13	29	10	21,3	12,1	9,8	10,8	10,2
Уход за другими членами д/х, живущими вместе	8	11	10	10,1	6,4	7,1	11,8	7,9
Помощь в ведении хозяйства родителям респондента или супруга(и), живущим отдельно	8	10	2	7,7	8,2	9,2	13,6	9,1
Помощь в ведении хозяйства детям респондента или супруга(и), живущим отдельно	1	4	6	3,5	12,8	11,9	18,1	14,2
Помощь в ведении хозяйства бабушкам и дедушкам респондента или супруга(и), живущим отдельно	6	2	0	2,3	7,3	8,4	9,5	7,8
Помощь в ведении хозяйства внукам респондента или супруга(и), живущим отдельно	0	1	4	1,8	10,5	14,5	19,6	17,1
Все виды домашнего труда	93	97	93	95,1	21,0	33,2	42,3	32,5

Таблица П3.3. Участие населения в домашнем труде в зависимости от наличия партнера/супруга(и) у респондентов 18 лет и старше, RLMS, 2006 г.

	Участие, вертикальный %			Средние затраты тех, кто участвует в домашнем труде, ч/нед.		
	Нет партнера	Есть партнер	Все	Нет партнера	Есть партнер	Все
	76,1	76,2	76,1	5,0	4,8	4,9
Приготовление еды	73,1	65,2	68,2	8,6	9,8	9,3
Мытье посуды	80,5	70,9	74,6	2,7	2,9	2,8
Стирка, глажение	66,2	54,5	58,9	7,3	8,0	7,7
Уборка квартиры	73,1	61,9	66,1	5,9	6,1	6,0
Мелкий ремонт по дому, на даче, ремонт автомобиля	13,6	28,4	22,8	9,7	9,6	9,6
Ремонтно-строительные работы по дому, на даче	5,6	11,8	9,5	13,9	14,4	14,3
Работа на своем садово-огородном участке	19,8	28,7	25,3	13,9	13,6	13,7
Вождение автомобиля с семейными целями	4,5	16,2	11,7	7,7	7,9	7,9
Уход за детьми, внуками, живущими вместе	12,3	28,6	22,5	9,4	10,4	10,2
Уход за другими членами д/х, живущими вместе	6,2	13,3	10,6	9,1	7,9	8,2
Помощь в ведении хозяйства родителям респондента или супруга(и), живущим отдельно	4,9	9,7	7,9	9,9	9,2	9,3
Помощь в ведении хозяйства детям респондента или супруга(и), живущим отдельно	3,7	3,8	3,8	18,6	11,6	14,2
Помощь в ведении хозяйства бабушкам и дедушкам респондента или супруга(и), живущим отдельно	2,3	1,6	1,9	8,3	8,7	8,5
Помощь в ведении хозяйства внукам респондента или супруга(и), живущим отдельно	1,8	2,0	1,9	20,4	14,6	16,7
Все виды домашнего труда	94,4	96,7	95,9	31,3	36,4	34,5

Таблица П3.4. Участие населения старше 18 лет в домашнем труде в зависимости от наличия в домохозяйстве детей дошкольного возраста, RLMS, 2006 г.

	Участие, вертикальный %		Средние затраты тех, кто участвует в домашнем труде, ч/нед.			
	Нет детей	Есть дети	Все	Нет детей		Есть дети
				Есть дети	Все	
Покупка продуктов питания	75,7	77,8	76,2	5,0	4,4	4,9
Приготовление еды	68,8	66,0	68,2	9,3	9,3	9,3
Мытье посуды	74,9	73,1	74,6	2,8	2,9	2,8
Стирка, глажение	59,2	57,8	58,9	7,8	7,5	7,7
Уборка квартиры	66,5	64,8	66,1	6,1	5,7	6,0
Мелкий ремонт	22,3	24,6	22,8	9,7	9,5	9,6
Крупный ремонт	9,2	10,6	9,5	14,6	13,1	14,3
ЛПХ	26,5	20,5	25,3	14,2	11,6	13,7
Вожделение автомобиля с семейными целями	11,0	14,5	11,7	8,0	7,4	7,9
Уход за детьми, внуками	9,8	70,9	22,5	8,2	11,3	10,2
Уход за членами д/х, живущими вместе	9,4	15,2	10,6	8,7	6,9	8,2
Трудовые трансферты родителям	7,3	10,3	7,9	9,7	8,4	9,3
Трудовые трансферты детям	4,4	1,4	3,8	14,7	8,0	14,2
Трудовые трансферты бабушкам и дедушкам	1,7	2,4	1,9	8,7	8,1	8,5
Трудовые трансферты внукам	2,3	0,5	1,9	17,0	7,0	16,7
Все виды домашнего труда	95,2	98,5	96,9	33,7	37,5	34,5

Таблица П3.5. Парные корреляции между временными затратами респондента на домашний труд и его зарплатой на рынке труда и зарплатой его партнера/супруга

	Временные зарплаты респондента на домашний труд
Заработная плата респондента	-0,048*
Заработная плата партнера	0,106*

* Значимы на уровне 0,01.

Таблица П3.6. Затраты времени респондентов, участвующих в сфере домашнего труда, в зависимости от оценки состояния здоровья, ч/нед., RLMS, 2006 г.

	Очень плохое	Плохое	Среднее	Хорошее	Очень хорошее	Все
Покупка продуктов питания	5,8	6,0	4,9	3,9	3,5	4,8
Приготовление еды	9,6	10,8	9,4	7,5	7,5	9,1
Мытье посуды	3,3	3,3	2,8	2,3	2,9	2,8
Стирка, глажение	8,5	9,3	7,7	6,1	8,5	7,6
Уборка квартиры	6,9	6,9	6,1	5,0	6,0	5,9
Мелкий ремонт по дому, на даче, ремонт автомобиля	15,7	10,6	9,9	8,5	10,9	9,6
Ремонтно-строительные работы по дому, на даче	30,1	15,3	14,3	13,5	13,0	14,2
Работа на своем садово-огородном участке	14,1	15,6	13,6	11,3	26,9	13,5
Вождение автомобиля с семейными целями	8,7	9,8	7,9	7,5	8,6	7,9
Уход за детьми, внуками, живущими вместе	14,3	11,3	10,0	10,1	12,0	10,2
Уход за другими членами д/х, живущими вместе	19,0	10,9	8,2	6,3	10,0	8,1
Помощь в ведении хозяйства родителям респондента или супруга(и), живущим отдельно	0,0	10,7	9,3	8,5	15,2	9,2
Помощь в ведении хозяйства детям респондента или супруга(и), живущим отдельно	27,9	18,4	13,6	11,5	4,7	14,2
Помощь в ведении хозяйства бабушкам и дедушкам респондента или супруга(и), живущим отдельно	0,0	11,0	8,4	7,0	9,4	7,8
Помощь в ведении хозяйства внукам респондента или супруга(и), живущим отдельно	21,0	20,8	16,1	11,5	0,0	16,7
Все виды домашнего труда	29,6	38,8	35,7	26,4	27,9	33,2

Таблица П3.7. Линейная регрессия детерминант логарифма ставки заработной платы для занятых 18 лет и старше (для предсказания ставки заработной платы незанятых), RLMS, 2006 г.

	Нестандар- тизованные коэффи- циенты	Стд. ошибка	Стандарти- зованные коэффи- циенты	Значимость
Мужской пол	0,307	0,021	0,186	0,000
Школьный аттестат	0,044	0,023	0,025	0,053
Диплом на курсах	0,026	0,024	0,013	0,273
Диплом ПТУ без среднего образования	-0,066	0,038	-0,022	0,082
Диплом ПТУ со средним образованием	-0,030	0,029	-0,014	0,300
Диплом	0,126	0,024	0,071	0,000
Неоконченный вуз	0,118	0,054	0,027	0,029
Диплом вуза 1-й	0,322	0,026	0,167	0,000
Диплом вуза 2-й	0,039	0,097	0,005	0,690
Диплом магистра	-0,005	0,098	-0,001	0,959
Диплом кандидата наук	0,066	0,125	0,007	0,595
Диплом доктора наук	0,073	0,271	0,004	0,786
Возраст (по году рождения)/10	0,271	0,052	0,404	0,000
Возраст/10 в квадрате	-0,039	0,006	-0,489	0,000
Русский = 1	-0,046	0,031	-0,018	0,137
Женат, замужем	0,063	0,023	0,035	0,005
Москва, Санкт-Петербург	0,080	0,049	0,031	0,101
Север, Северо-Запад	0,189	0,049	0,056	0,000
Волга, Волго-Вятский	-0,137	0,035	-0,061	0,000
Северный Кавказ	0,015	0,037	0,006	0,685
Урал	-0,104	0,034	-0,046	0,002
Западная Сибирь	-0,252	0,041	-0,085	0,000
Дальний Восток	-0,231	0,042	-0,081	0,000
Село, пгт	-0,302	0,027	-0,162	0,000
Город областного подчинения	-0,139	0,026	-0,076	0,000
Логарифм средней ЗП по региону	0,582	0,047	0,238	0,000
Наличие хронических заболеваний	-0,068	0,021	-0,041	0,001
Константа	-2,183	0,443		0,000
Количество наблюдений	5516			
R квадрат	0,221			

3.5. Приложение к главе 3

Таблица П3.8. Ставка заработной платы (доходы за 30 дней, деленные на отработанное рабочее время): для занятых — наблюдаемая, для незанятых — предсказанная на основе модели Минцера, RLMS, 2006 г.

Пол респондента	Статус занятости	Среднее	N	Стд. отклонение
Мужской	Не работает или неактивный	33,7	1186	16,1
	Есть любая работа	59,8	3459	86,2
	Итого	53,1	4645	75,7
Женский	Не работает или неактивный	24,4	2630	12,8
	Есть любая работа	47,4	3778	77,2
	Итого	38,0	6408	60,9
Итого	Не работает или неактивный	27,3	3816	14,5
	Есть любая работа	53,3	7237	81,8
	Итого	44,3	11053	67,9

Таблица П3.9. Типология семей по преобладающему типу домашнего труда (затраты времени, ч/нед., члена семьи, который тратит на этот вид работы больше всего времени), RLMS, 2006 г.

	Кластеры домохозяйств						Всего
	1	2	3	4	5	6	
<i>Затраты по видам (ч/нед.)</i>							
Покупка продуктов питания	6,0	4,9	6,2	6,3	5,9	7,0	6,0
Приготовление еды	12,3	8,7	13,0	12,3	12,3	11,2	11,6
Мытье посуды	3,7	2,9	4,2	4,0	3,8	3,4	3,6
Стирка, глажение	9,6	5,8	11,2	8,7	9,5	7,5	8,7
Уборка квартиры	7,4	5,3	8,2	7,3	7,9	7,4	7,2
Мелкий ремонт по дому, на даче, ремонт автомобиля	2,4	2,5	7,3	4,6	16,4	2,1	5,1
Ремонтно-строительные работы по дому, на даче	0,9	0,9	4,6	2,2	12,4	0,5	2,9
Работа на своем садово-огородном участке	3,1	2,4	27,1	2,5	6,5	1,4	5,9
Вождение автомобиля с семейными целями	1,6	2,0	2,9	2,7	4,5	1,4	2,3
Уход за детьми, внуками, живущими вместе	1,6	2,0	2,3	21,8	2,7	1,6	4,4
Уход за другими членами д/х, живущими вместе	1,7	1,2	1,6	3,3	1,9	1,4	1,8
Помощь в ведении хозяйства живущим отдельно: родителям респондента или супруга(и)	1,1	1,4	1,8	1,8	1,5	1,5	1,4

*Глава 3. Поведение домохозяйств
в сфере домашнего труда*

Окончание табл. П3.9

	Кластеры домохозяйств						Всего
	1	2	3	4	5	6	
детям респондента или супруга	0,7	0,6	1,4	0,4	1,4	0,9	0,8
бабушкам и дедушкам респондента или супруга(и)	0,3	0,3	0,4	0,4	0,5	0,2	0,3
внукам респондента или супруга(и)	0,6	0,3	0,7	0,1	0,7	0,4	0,5
<i>Суммарные затраты времени в неделю по типам труда (ч/нед.)</i>							
Повседневные бытовые работы по дому	37,6	26,0	40,1	36,7	37,5	32,7	35,1
Ремонтные работы и автомобиль	4,8	5,2	14,3	9,2	31,9	3,8	9,9
Огород	3,1	2,4	27,1	2,5	6,5	1,4	5,9
Нисходящие трудовые трансферты	1,2	0,9	2,1	0,4	2,1	1,3	1,3
Восходящие трудовые трансферты	1,4	1,6	2,1	2,1	1,9	1,7	1,7
Уход за членами семьи	3,3	3,1	3,8	24,5	4,4	2,9	6,1
Все виды домашнего труда	43,3	32,4	71,4	63,5	59,4	38,7	48,7
<i>Распределение по кластерам</i>							
Число домохозяйств в кластере	1284	683	443	477	504	459	3850
Распределение домохозяйств (%)	33,4	17,7	11,5	12,4	13,1	11,9	100,0

Примечание. Выделенные кластеры: 1 — «минималистско-периодический» («мужской»); 2 — «минималисты» (эгалитарно-минимальный); 3 — «огородники»; 3 — «воспитатели»; 4 — «мастера и домохозяйки» (эгалитарно-традиционный); 5 — «минималистско-повседневный» («женский»).

Таблица П3.10. Основные характеристики домохозяйств
(в составе которых не менее двух взрослых)
по типам домашнего труда, RLMS, 2006 г.

	Кластеры домохозяйств						Всего
	1	2	3	4	5	6	
<i>Средние значения</i>							
Количество человек в семье	3,10	3,50	3,07	4,01	3,16	2,76	3,25
Расходы на питание (%)	37,4	36,9	35,4	32,7	30,2	35,5	35,3
Душевой доход (руб.)	5612	6137	6421	6508	5508	6794	6038
<i>Вертикальный %</i>							
<i>Тип поселения</i>							
Москва, Санкт-Петербург	10,4	14,9	4,1	13,4	5,0	19,4	11,2
Областной центр	29,3	30,9	30,0	32,5	26,0	35,7	30,4

3.5. Приложение к главе 3

	Кластеры домохозяйств						Всего
	1	2	3	4	5	6	
Город	26,0	30,0	20,8	29,6	28,6	27,9	27,1
Пгт	5,9	3,5	6,3	5,9	6,3	3,9	5,4
Село	28,4	20,6	38,8	18,7	34,1	13,1	25,9
<i>Регион</i>							
Северный, Северо-Западный	7,4	4,8	6,5	10,7	7,5	6,1	7,1
Центральный, Центрально-Черноземный	17,8	15,8	17,4	15,9	20,0	20,7	17,8
Волжский, Волго-Вятский	20,9	16,4	16,9	16,4	22,0	12,6	18,2
Северный Кавказ	11,8	13,6	13,5	12,2	12,3	7,8	12,0
Урал	11,8	18,3	17,8	15,7	11,7	16,6	14,7
Западная Сибирь	14,3	10,4	20,8	12,2	16,7	10,2	13,9
Восточная Сибирь и Дальний Восток	5,5	5,7	2,9	3,6	4,8	6,5	5,0
<i>Квинтильные группы</i>							
1-я (самые бедные)	22,0	16,4	23,8	23,6	22,7	15,5	20,7
2-я	20,7	15,6	25,6	18,4	16,1	11,8	18,5
3-я	18,1	18,4	21,0	22,0	22,0	22,5	20,0
4-я	20,8	26,8	18,6	20,0	19,9	20,6	21,4
5-я (самые богатые)	18,3	22,7	11,0	16,0	19,3	29,6	19,4
<i>Количество детей 0–17</i>							
Нет	56,8	57,7	66,1	2,9	53,6	64,5	51,8
1 ребенок	30,8	32,4	24,4	60,4	33,1	27,7	33,9
2 детей	11,1	8,3	7,4	30,0	10,9	7,4	12,1
≥ 3 детей	1,4	1,6	2,0	6,7	2,4	0,4	2,2
<i>Тип семьи</i>							
Пара без детей и других родственников	25,5	14,2	35,9	0,8	26,4	29,2	22,2
Пара с детьми или внуками	35,7	35,7	21,4	56,6	42,1	24,4	36,2
Сложные семьи	38,7	50,1	42,7	42,6	31,5	46,4	41,6
<i>Количество семейных пар</i>							
Нет семейных пар	18,6	14,8	16,9	8,2	8,7	34,4	17,0
1 пара	76,5	76,1	77,4	81,6	85,3	63,6	76,8
2 пары	4,4	8,6	5,4	10,1	6,0	2,0	5,9
3 пары и больше	0,5	0,4	0,2	0,2	0,0	0,0	0,3
В семье есть бабушка и/или дедушка	15,6	23,1	22,1	35,4	14,3	13,7	19,7
В пользовании семьи была земля	53,2	49,3	98,9	40,8	67,6	35,5	56,0
В составе семьи есть хотя бы один член с высшим образованием	31,3	38,4	31,2	39,4	35,1	42,7	35,4

*Глава 3. Поведение домохозяйств
в сфере домашнего труда*

Окончание табл. П3.10

	Кластеры домохозяйств						Всего
	1	2	3	4	5	6	
В составе семьи есть хотя бы один занятый на рынке труда	84,3	95,5	72,5	96,9	86,9	88,2	87,3
Доля семей, в которых глава семьи тратит времени на домашний труд больше остальных	32,2	32,7	31,6	19,9	36,7	43,6	32,6
<i>Характеристики главы семьи (%)</i>							
Женщины	38,8	41,3	45,6	27,9	37,6	56,1	40,6
Состоят в браке	74,5	75,4	74,2	85,1	83,2	61,4	75,5
<i>Занятость и профессиональный статус</i>							
Экономически неактивные	22,1	8,4	35,5	8,2	19,3	16,2	18,4
Безработные	0,6	0,6	2,0	1,3	0,8	0,7	0,9
<i>Среди занятых</i>							
Законодатели, крупные чиновники, управляющие	6,3	7,9	9,1	4,9	7,3	4,4	6,6
Профессионалы с высшим образованием	15,8	16,1	13,2	12,4	15,1	23,3	16,0
Промышленные и с/х рабочие	22,5	19,3	21,8	23,7	21,9	13,3	20,7
Разнорабочие	10,5	10,6	11,5	11,5	9,2	9,7	10,5
<i>Образование</i>							
Среднее профессиональное	25,1	25,6	24,6	19,5	25,5	27,4	24,7
Высшее	19,5	24,2	21,2	23,5	20,5	30,9	22,5
<i>Возраст</i>							
До 34 лет	8,2	11,8	6,3	10,6	8,9	11,7	9,4
35–59 лет	70,0	79,4	56,5	83,1	74,4	70,7	72,5
Больше 60 лет	21,8	8,9	37,2	6,4	16,7	17,6	18,1

Примечание. Выделенные кластеры домохозяйств: 1 — «патриархальный» (база); 2 — «эгалитарно-минимальный»; 3 — «огороднический»; 4 — «заботливый»; 5 — «эгалитарно-традиционный»; 6 — «повседневно-минимальный».

Таблица ПЗ.11. Мультиномиальный регрессионный анализ факторов типа домашней занятости в домохозяйствах с двумя взрослыми и более, RLMS, 2006 г.

Детерминанты	Кластеры домохозяйств				
	2	3	4	5	6
<i>Характеристики домохозяйства</i>					
Пара с детьми (база — пара без детей)	0,411**	-0,461*	3,355***	0,195	-0,781***
Сложные семьи	0,375	-0,363	3,295***	0,343	-0,576*
Города (база — Москва, Санкт-Петербург)	0,159	1,015***	-0,253	0,481*	-0,222
Пгт, село	-0,149	0,893**	-0,563*	0,343	-0,465*
Количество человек в семье	0,351***	0,169	-0,145	-0,272	0,082
Количество семейных пар	-0,318	-0,235	-0,026	0,221	-0,502
Наличие бабушки и/или дедушки	0,036	0,197	1,112***	-0,076	-0,259
Количество детей до 1 года	-1,506***	-0,180	2,892***	-0,001	0,462
Количество детей 1–2 лет	-0,780***	-0,104	2,490***	0,450*	0,319
Количество детей 3–5 лет	-0,512***	0,492*	1,893***	0,210	-0,060
Количество детей 6–17 лет	-0,721***	-0,204	0,677***	-0,013	-0,047
Количество занятых членов семьи	0,244**	-0,290**	-0,452***	-0,101	-0,163
Количество пенсионеров	-0,095	0,072	-0,251*	0,011	-0,161
Количество членов семьи с высшим образованием	0,064	0,024	0,184*	0,114	0,299***
Количество членов семьи со средним профессиональным образованием	0,068	0,043	0,014	0,106	0,112
Душевой доход	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Количество комнат в жилье	0,009	0,005	-0,127	0,203***	-0,056
Наличие земельного участка	0,098	4,158***	-0,161	0,361**	-0,226
Количество бытовых услуг	0,071	0,094	0,080	-0,145***	0,137**
Есть стиральная машина-автомат	0,078	0,094	-0,037	0,133	0,055
Есть микроволновая печь	0,051	0,049	0,143	0,242	0,133
Есть автомобиль	-0,218*	-0,160	0,338**	0,357***	-0,369**
<i>Характеристики главы семьи</i>					
Возраст/10	-0,238	0,086	-0,903**	-0,504*	-0,364
Возраст в квадрате/100	0,013	-0,007	0,085**	0,042	0,034
Самооценка здоровья	0,172	0,166	-0,080	0,027	0,129
Работает на рынке труда	0,190	-0,258	0,612	-0,069	0,256
Русский	0,083	0,534**	0,087	0,280	0,256

*Глава 3. Поведение домохозяйств
в сфере домашнего труда*

Окончание табл. П3.11

Детерминанты	Кластеры домохозяйств				
	2	3	4	5	6
Состоит в браке	0,641***	0,039	0,382	0,717***	-0,042
Мужчина	-0,310**	-0,381**	0,404**	-0,293**	-0,739***
Частота употребления алкоголя (раз в месяц)	-0,015	0,119**	0,004	0,085*	0,041
Константа	-2,522***	-6,397***	-3,123**	-1,028	0,231
Количество наблюдений	2848				
LR chi2(150)	1720,51				
Prob > chi2	0,000				
Pseudo R2	0,1764				
Log likelihood	-4016,8				

Уровень значимости: *** — 1%, ** — 5%, * — 10%.

Кластеры домохозяйств: 1 — «патриархальный» (база); 2 — «эгалитарно-минимальный»; 3 — «огороднический»; 4 — «заботливый»; 5 — «эгалитарно-традиционный»; 6 — «повседневно-минимальный».

Таблица П3.12. Средние значения независимых переменных модели, домохозяйства с двумя взрослыми и более, RLMS, 2006 г.

<i>Характеристики домохозяйства</i>	
Пара без детей и других родственников	0,22
Пара с детьми	0,36
Сложные семьи	0,42
Москва, Санкт-Петербург	0,11
Города	0,57
Пгт, село	0,31
Количество человек в семье	3,22
Количество семейных пар	0,88
Наличие бабушки и/или дедушки	0,20
Количество детей до 1 года	0,03
Количество детей 1–2 лет	0,11
Количество детей 3–5 лет	0,10
Количество детей 6–17 лет	0,41
Количество занятых членов семьи	1,61
Количество пенсионеров	0,72
Количество членов семьи с высшим образованием	0,49
Количество членов семьи со средним профессиональным образованием	0,58
Душевой доход	6105
Количество комнат в жилье	2,37
Наличие земельного участка	0,55
Количество бытовых услуг	2,87
Есть стиральная машина-автомат	0,47
Есть микроволновая печь	0,35
Есть автомобиль	0,37
<i>Характеристики главы семьи</i>	
Возраст/10	4,45
Самооценка здоровья (5-балльная шкала)	3,19
Работает на рынке труда	0,80
Русский	0,86
Состоит в браке	0,75
Мужчина	0,56
Частота употребления алкоголя (раз в месяц)	2,01

Глава 4

ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В СФЕРЕ МЕЖСЕМЕЙНЫХ ТРАНСФЕРТОВ

Несмотря на высокую вовлеченность российских домохозяйств в систему занятости, межсемейная взаимопомощь сохраняет свою важность и по сей день. Наличие государственных трансфертов (в виде пенсий, пособий и др.) не исключает существование частных, которые являются одной из важнейших сторон межсемейного и межпоколенного взаимодействия.

С точки зрения исследования данный объект отнюдь не представляется простым и однозначным. В зависимости от того, каковы содержание обмена и состав участников, он выполняет различные функции — от простого перераспределения дохода с целью поддержания приемлемого уровня жизни принимающей стороны до инвестиций. Помимо различий в предмете обмена и участниках, существуют также разнообразные формы и мотивы получения и передачи помощи. Чтобы попытаться разобраться в этих особенностях, было проведено данное исследование.

С точки зрения структуры межсемейных обменов здесь пока больше вопросов, чем ответов. Известно, что нисходящие трансферты (от старших к младшим) преобладают над восходящими. Однако непонятно, насколько эти два потока являются отдельными и представляют собой альтернативные стратегии, или же они связаны и представляют собой обмены между одними и теми же домохозяйствами. Еще больше сложностей возникает по поводу материальных и трудовых трансфертов: являются они субститутами или комплементами, или же в обмен на одни предоставляются вторые и тогда они компенсируют друг друга?

Следует сказать, что в России актуальность изучения межсемейной взаимопомощи в целом и межпоколенной поддержки в частности возрастает в связи с изменением пенсионной системы. В условиях новой системы накопление будущей пенсии становится в большей степени ответственностью самого человека. Чтобы понять, как люди поведут себя в такой ситуации, необходимо знать механизм частных межпоколенных трансфертов, так как результаты исследований показывают, что частные и

государственные трансферты являются субститутами [Attias-Donfut, Ogg, Wolff, 2005]. Среди ключевых исследователей проблемы частных трансфертов в нашей стране можно отметить С. Барсукову, Г. Градосельскую, Л. Прокофьеву, М. Денисенко, Е. Иванову и др.

В российской литературе нам не встретилась ни одна работа, содержащая анализ межсемейных трансфертов с использованием моделей, которые позволили бы сделать выводы о «чистом» (при прочих равных) влиянии тех или иных факторов на трансферты (за исключением нашего более раннего исследования [Гладникова, 2007]). Этот методологический пробел также попытаемся восполнить в данном исследовании.

4.1. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель и задачи

Целью исследования в данной главе является построение типологий поведения российских домохозяйств в сфере частных трансфертов, а также анализ факторов, влияющих на выбор каждого типа поведения.

В рамках данной цели можно выделить следующие *задачи*:

1. Изучить основные характеристики межсемейных трансфертов российских домохозяйств и их динамику в 2000–2006 гг.
2. Определить основные стратегии участия домохозяйств в межсемейных обменах ресурсами
3. Построить типологию домохозяйств по форме участия (донор — получатель) в межсемейных трансфертах, а также по типу передаваемых ресурсов (материальные — трудовые).
4. Выявить факторы, определяющие принадлежность семьи к тому или иному типу.

Объектом исследования являются российские домохозяйства в 1994–2006 гг. В качестве *предмета* исследования выступают факторы и типы социально-экономического поведения домохозяйств России в сфере частных межсемейных трансфертов.

Методика анализа

Исследование межпоколенных трансфертов состоит из трех методологических этапов.

На *первом этапе* необходимо изучить общие характеристики явления, масштабы распространенности, основные характеристики. Эта задача ре-

шается с помощью методов описательной статистики (одномерные и двумерные распределения, методы сравнения средних). Здесь же рассмотрены основные тенденции в динамике.

На *втором этапе* необходимо понять внутреннюю структуру изучаемого явления. Это осуществлено путем выявления латентных переменных и построения с их учетом типологии. В первом случае будет использован метод разведывательного факторного анализа (метод главных компонент), а во втором — классификация с помощью иерархического кластерного анализа.

На *третьем этапе* необходимо найти независимые переменные, определяющие принадлежность домохозяйств к выделенным кластерам. Для этого использована мультиномиальная регрессионная модель. В качестве независимых здесь выступают ряд социально-демографических переменных, описывающих домохозяйство.

Частные межсемейные трансферты: операционализация понятий

Под *материальными межсемейными трансфертами* мы понимаем деньги, ценности и другие товары, переданные безвозмездно лицам, не являющимся членами домохозяйства респондента. Трудность здесь состоит в том, что мы не можем четко очертить круг предметов, которые опрошенные учитывали в качестве трансфертов, так как понятие ценности предмета, даже материальной, довольно субъективно.

Под *трудовыми межсемейными трансфертами* мы понимаем помощь в ведении хозяйства и в уходе за детьми со стороны лиц, не являющихся членами домохозяйства респондента, оказанную на безвозмездной основе.

Межпоколенные трансферты, составляющие основную часть межсемейной взаимопомощи, представляют собой материальные или трудовые ресурсы, переданные безвозмездно от представителей старшего поколения младшему (нисходящие трансферты) и от младшего поколения старшему (восходящие трансферты).

Донорами мы называем домохозяйства, передающие трансферты, а *получателями* — домохозяйства, получающие трансферты.

Временной период изучения участия домохозяйств в межсемейном обмене может быть определен по-разному. В частности, в международном исследовании «Gender and Generation Survey» (название в России: «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»¹) фиксируемый пе-

¹ URL: <http://www.socpol.ru/gender/RIDMIZ.shtml>

риод передачи и получения трансфертов составляет последние 12 месяцев. В используемом нами исследовании (RLMS) этот период составляет последние 30 дней, предшествовавшие опросу. Очевидно, что данный параметр будет оказывать влияние на результаты, поэтому при интерпретации необходимо учитывать, что в данном случае обследованим были зафиксированы, скорее, более или менее регулярные обмены.

Рассмотрим подробнее структуру вопросов о частной межсемейной взаимопомощи в RLMS. В табл. П4.1 Приложения к главе 4 представлены формулировки относящихся к данной теме вопросов, присутствующих в анкете волны 2006 г.

Поскольку круг имеющихся переменных крайне разнообразен, для дальнейшего анализа необходимо выбрать те из них, которые релевантны для совместного использования и сопоставления.

Первое ограничение, которое необходимо выдержать, — *одинаковый период фиксации* факта участия в ресурсном обмене. В данном случае большинство вопросов ориентированы на последние 30 дней. Следовательно, вопросы об уходе за детьми в последние 7 дней (в детской анкете) исключаются из анализа. Кроме того, здесь не выполняется второе требование — *симметричности*, поскольку нет данных о том, оказывали ли члены домохозяйства респондента помощь по уходу за чужими детьми за последние 7 дней. Следуя этому же ограничению, необходимо перекодировать данные таким образом, чтобы объединить в один вариант «другие» все прочие (другие родственники, друзья, неродственники). Это необходимо для обеспечения сравнимости. К сожалению, данное требование будет выполнено не полностью, поскольку отсутствует вопрос об оказании трудовой помощи другим родственникам и неродственникам.

4.2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ МЕЖСЕМЕЙНЫХ ТРАНСФЕРТОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Основные теоретические подходы к изучению проблемы

Межпоколенная взаимопомощь, а также межсемейные трансферты в целом изучаются в рамках таких наук, как экономика, социология, демография, психология. Очевидно, что подходы к изучению трансфертов в каждой из областей различны, в первую очередь потому, что различа-

ется предмет исследования: это могут быть мотивы оказания помощи, социальные предпосылки обмена ресурсами, взаимопомощь как часть психологической стороны семейных отношений и т.д. Остановимся на существующих подходах, выработанных в рамках экономической и социологической теорий.

В концепциях межпоколенных трансфертов в *экономической теории* акцент делается на двух основных вопросах: в каком направлении передаются ресурсы и что побуждает людей помогать друг другу? Для ответа на первый вопрос была разработана модель жизненного цикла, для ответа на второй — модели мотивов передачи трансфертов. Рассмотрим их подробнее.

Часто (но далеко не всегда) вывод о том или ином мотиве делается экономистами на основании того, каким образом решение о передаче ресурсов зависит от уровня дохода доноров и получателей. Кроме дохода, определяющими факторами являются также соотношение направлений различных видов трансфертов (например, материальных и трудовых) и некоторые другие параметры. Наиболее распространены две модели мотивов трансфертов — альтруизма и обмена. В первой предполагается, что одним из аргументов функции полезности доноров (родителей) выступает функция полезности получателей (детей). Вследствие этого, передавая помощь, родители повышают уровень полезности детей, тем самым в итоге повышая и свою полезность. Очевидно также, что фактом передачи ресурсов доноры одновременно и снижают свою полезность, так как их собственное потребление снижается. То есть, чтобы максимизировать свою полезность, доноры должны найти равновесие между передачей средств и потреблением [Lafertre, Wolff, 2006].

Основная идея модели обмена состоит в том, что люди передают помощь в обмен на что-то. Существуют различные интерпретации данной концепции. Например, можно анализировать трансферты, передаваемые в обмен на какие-либо ресурсы, в краткосрочном и долгосрочном периодах [Lee, Parish, Willis, 1994]. Пример краткосрочного обмена: родители оказывают детям материальную помощь, а в ответ на это дети передают им трудовые трансферты. Обмен в долгосрочном периоде происходит, когда доноры ожидают получить обратную помощь в неопределенный период времени: например, родители, помогая детям, надеются на то, что сами получат от них поддержку в старости или в трудной ситуации.

Социологи наряду с экономистами исследуют межпоколенные трансферты с точки зрения и мотивов, и стадии жизненного цикла, однако, по-

мимо этих двух концепций, в рамках социальных наук были разработаны и некоторые другие — в частности, теория социальных сетей и теория реципрокности.

Для анализа межпоколенной взаимопомощи теорию социальных сетей в России применила Г. Градосельская. В данном подходе социальные сети рассматриваются как совокупность связей, по которым передаются различного рода ресурсы [Градосельская, 1999]. Зная структуру сети и тип каждого сетевого актора (донор, реципиент, обмен, независимый), можно построить графическую картину передачи ресурсов в сети, анализ которой позволяет выявить взаимосвязи между различными видами потоков. Кроме того, возможен также анализ такой структуры по стратификационным переменным.

Понятие реципрокности для анализа частных трансфертов применила С. Барсукова [Барсукова, 2004]. В ее понимании реципрокность — это прежде всего нерыночные обмены между домохозяйствами. Автор подчеркивает отличие реципрокных отношений от патронклиентских и от товарного обмена по ряду параметров, в первую очередь по различным целям. Отсюда можно выйти на представление об общих различиях в экономических и социологических теориях межпоколенных трансфертов: если в первых (идет ли речь о модели альтруизма или о модели обмена) основной целью обмена является максимизация полезности, то во вторых возможны и другие цели (например, выживание сообща, как при реципрокных отношениях).

Обзор эмпирических исследований

Тема межсемейных трансфертов пока не получила широкого распространения среди российских исследователей. Кроме того, среди множества возможных ракурсов рассмотрения данного объекта зачастую избираются два: механизмы взаимопомощи в сельской местности и роль пожилых людей в межпоколенных отношениях. В соответствии с этим рассмотрим российские эмпирические исследования, посвященные данной теме, выделяя три группы: пожилые люди в межпоколенных отношениях, межпоколенная поддержка в сельской местности и общие исследования межпоколенных трансфертов.

Пожилые люди в межпоколенных отношениях. В исследовании, проведенном в 1997 г. М. Денисенко, изучаются благосостояние и семейные трансферты пожилых людей [Денисенко, 1999]. Автор использует понятие трансфертов в широком смысле, включая сюда и межсемейные, и вну-

трисемейные обмены, и обмены между родственниками, и обмены между неродственниками. В данной работе отдельно изучались несколько видов трансфертов: финансовая помощь, заем и предоставление денег в долг, материальная помощь, инструментальная поддержка.

Другое исследование, проведенное Е. Ивановой [Иванова, 2002], также было посвящено роли межпоколенных трансфертов в жизни пожилых людей, однако здесь рассматривались только жители сельской местности. Совмещение количественных и качественных методов сбора данных позволило получить разнообразные результаты.

Последнее исследование в данном блоке, проведенное О. Красновой [Краснова, 1999], изучает роль пожилых людей в семье и обществе. Среди прочих автор уделяет важное внимание роли пожилых людей (особенно женщин) в оказании помощи по уходу и воспитанию внуков. В исследовании разработана типология бабушек в зависимости от степени их вовлеченности в исполнение данной роли, однако в целом такая помощь от представителей старшего поколения оказывается очень важной для их детей.

Межпоколенная поддержка в сельской местности. В исследовании, проведенном О. Лыловой [Лылова, 2002], изучалась неформальная взаимопомощь в сельском сообществе. Результаты показали, что вовлеченность семей в неформальную сеть имеет широкие масштабы: только 18% людей не занимали и не одалживали деньги, 5% не обменивались услугами, 4,5% не просили помощи в повседневных домашних делах, и практически не было ни одной семьи, которая не прибегала бы к поддержке при работе на личном подворье и обсуждении важных вопросов. Причем в данной сети одни и те же домохозяйства совмещали роли и доноров и получателей, хотя обмен не всегда является прямым (скорее, здесь применимо понятие реципрокности).

Другое исследование, проведенное О. Фадеевой [Фадеева, 1999], также посвященное изучению механизмов взаимоподдержки в российском селе, показало аналогичные результаты. Обмены между родителями, детьми и внуками имеют наибольший удельный вес. Причем основное направление трансфертов опять же нисходящее. В ответ дети, как правило, помогают родителям собственным трудом или продуктовыми трансфертами (если они имеют собственное хозяйство), чтобы рационализировать структуру производства, позволяющую удовлетворить потребности нескольких семей и способную обеспечивать бесперебойный график получения мясных и молочных продуктов.

Общие исследования межпоколенных трансфертов. В исследовании «Неформальная экономика городских и сельских домашних хозяйств: реструктурирование сетей межсемейного обмена», результаты которого представлены в работе С.Ю. Барсуковой [Барсукова 2004], межсемейные взаимодействия изучались с помощью сбора информации трех видов: сетевых бюджетов, графических изображений сети и интервью, посвященных сетевой тематике.

Сеть выступает перераспределительным механизмом, выравнивающим жизненные возможности ее участников. Семья, как правило, получает помощь от более зажиточных членов сети и помогает менее обеспеченным. В одной материальной нише донорство усиливается по мере взросления супругов. В отличие от сельских молодых семей, городские являются радикальными реципиентами независимо от их материального положения. Молодым помогают даже тогда, когда экономическое положение семей диктует противоположную направленность потоков в сетях. От старших к младшим также идут трудовые трансферты в виде оказания помощи по уходу и воспитанию внуков: в семьях, где есть внуки, степень донорства старшего поколения выше. Вновь результаты показывают, что нисходящие трансферты доминируют¹.

Изучение обмена частными трансфертами по социальным сетям было проведено Г. Градосельской [Градосельская, 1999]. Основной его задачей является определение соотношения потоков различных видов трансфертов, а также характеристик позиций ключевых акторов социальной сети. Интересно, что центральной вершиной сети обмена и деньгами, и продуктами являются доноры денег. Среди последних большая доля руководителей, средний доход представителей этой группы достаточно высокий. Наиболее интенсивный поток связывает доноров денег с группой потребителей денег. Среди них гораздо меньше руководителей, средний доход также значительно меньше, чем в предыдущей группе. Следующий по интенсивности поток связывает доноров денег с потребителями продуктов. Среди последних большая доля рабочих, средний доход еще ниже. Такой подход основывается на выявлении значительных различий между звеньями цепи в зависимости от их роли. Таким образом, подробный анализ интенсивности потоков, структуры их взаимосвязей и характеристик звеньев цепи позволяет получить важные содержательные результаты.

¹ Данный вывод подтверждается и в работе Е.И. Ивановой, Е.А. Смирновой [Иванова, Смирнова, 2003], где выявление межпоколенных трансфертов является одним из изучаемых вопросов, касающихся конфликтов между поколениями.

Исследование Е. Гладниковой [Гладникова, 2007] было посвящено построению типологии семей по их участию в межсемейных трансфертах, а также выявлению факторов, определяющих их объем, на основе данных «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе (РиДМиЖ)» (Generation and Gender Survey, GGS). В результате автором были сделаны выводы, что «в современной России распространена система частной межпоколенной поддержки, при которой в основном каждое последующее поколение передает материальную помощь предыдущему. Эта помощь имеет избирательный характер: чаще она оказывается наиболее нуждающимся реципиентам, обладающим высоким уровнем образования, обучающимся в учебных заведениях, не имеющим партнеров, проживающим в городской местности и пр. Обратная же помощь от детей к родителям встречается гораздо реже и слабо зависит от материальных нужд принимающей стороны. Определяющими здесь являются такие параметры представителей старшего поколения, как пожилой возраст, отсутствие партнера и наличие высшего образования (высокий уровень социального капитала)».

Эмпирические исследования межсемейных трансфертов имеют давнюю и богатую историю в *западной социальной и экономической науке*. Помимо того что в данной области разработаны различные теоретические концепции, проведено также множество эмпирических исследований, рассматривающих трансферты с разных точек зрения.

Надо сказать, что проблемой трансфертов на Западе интересуются не только социологи, но и (возможно, даже в большей степени) экономисты и демографы. Вследствие этого существует множество работ, различающихся использованием разнообразных подходов и методов. Однако если в России в основном распространены исследования трансфертов с помощью методов сетевого, дескриптивного¹, а также качественного анализа, то в западных работах преобладают такие работы, в которых строятся более сложные модели (регрессионные, пробит-модели, тобит-модели и пр.). Вероятно, это различие объясняется разной глубиной исследования данного объекта: в российской науке трансферты только начинают завоевывать интерес широкого круга ученых (поэтому необходимо сначала выявить общие тенденции), тогда как на Западе данный объект достаточно глубоко изучен (интерес представляют уже более мелкие детали, отдельные стороны обмена трансфертами).

¹ Анализ с применением одномерных и многомерных частотных распределений, методов сравнения средних и т.п.

Существует немало работ, изучающих соотношение различных видов трансфертов:

материальные и временные [Cheal, 1983; Couch, Daly, Wolf, 1999];
совместное проживание с родителями (как вид помощи детям) и трансферты после ухода детей из родительского дома [Lee, Parish, Willis, 1994; Rosenzweig, Wolpin, 1993];
частные и государственные [Lillydahl, Signell, 1982; Attias-Donfut, Ogg, Wolff, 2005] и пр.

Исследуется влияние на межпоколенные трансферты различных факторов, таких как:

стадия жизненного цикла [Cheal, 1983; Streib, 1958; Kuhn, Stillman, 2002];
доход участников обмена [McGarry, Schoeni, 1995; Cox, Rank, 1993; Kuhn, Stillman, 2002];
параметры занятости участников [Couch, Daly, Wolf, 1999];
структура семьи [Hao, 1996; Couch, Daly, Wolf, 1999; Rosenzweig, Wolpin, 1994];
гендерные и культурные аспекты [Hao, 1996; Regnier-Loilier, 2006; Lee, Parish, Willis, 1994; Wolff, Spilerman, Attias-Donfut, 2005] и пр.

4.3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МЕЖСЕМЕЙНЫХ ТРАНСФЕРТОВ В РОССИИ

Основные характеристики межсемейных обменов в российских домохозяйствах и их динамика

В трансфертах участвует около трети российских домохозяйств (см. табл. 24). Ключевое направление потока материальных ресурсов — от родителей к детям (нисходящие межпоколенные трансферты), что не раз доказывалось многими исследованиями. Кроме того, трансферты от старших к младшим также занимают первое место и по объему переданных ресурсов. Довольно часто материальную помощь оказывают своим внукам бабушки и дедушки, о чем свидетельствуют данные RLMS о передаче трансфертов. Однако на вопросы о получении помощи от бабушек и дедушек внуки положительно отвечают значительно реже (2,3% по сравнению с 10%). Вероятно, это объясняется более редкой фиксацией небольших по объему полученных ресурсов (наименьшие по сумме среди всех прочих видов), а также о восприятии этой помощи как само собой разумеющейся.

Таблица 24. Доля домохозяйств, участвующих в межсемейном обмене материальными ресурсами, и средняя сумма трансфертов в зависимости от источника/получателя помощи¹, %/руб.², 2006 г.

Источник/получатель ресурсов	Получало от ...		Передавало ...	
	от всех д/х, %	средняя сумма	от всех д/х, %	средняя сумма
В целом	31,3	3193	32,4	2213
Родители	16,2	3864	9,5	1909
Дети	7,8	2810	15,2	2576
Бабушки, дедушки	2,3	1313	1,3	1326
Внуки	0,7	1284	10,0	1125
Другие люди	8,0	2998	5,9	1279

Второй по распространенности поток материальной поддержки направлен от детей к родителям — восходящие межпоколенные трансферты. Это касается как вероятности оказания помощи, так и ее денежной оценки. Однако данная ситуация хотя и встречается чаще прочих, все-таки в значительной степени уступает место поддержке младших старшими. Также можно отметить обмены ресурсами с категорией «другие люди», которые составляют довольно большую долю среди всех домохозяйств, участвующих в межсемейной взаимопомощи. По данным о получении и передаче ресурсов доли вовлеченных домохозяйств в этом случае схожи, тогда как оценки денежного выражения значительно различаются. Возможно, этот факт объясняется разным восприятием данной помощи донорами и получателями. Реже всего материальную поддержку получают бабушки и дедушки от своих внуков, что вполне закономерно с учетом возрастных различий.

В целом материальная взаимовыручка встречается примерно с равной частотой среди городских и сельских жителей, однако структура по источникам помощи различается (табл. 25). В частности, городские жители чаще получают помощь от родителей наряду с тем, что сельские жители чаще передают помощь детям. Это позволяет предположить, что нисходящие межпоколенные трансферты из села в город довольно распространены³. Ве-

¹ Здесь и далее речь идет о трансфертах за последние 30 дней, предшествующие опросу.

² Здесь и далее все денежные величины рассчитаны в ценах 2006 г.

³ Об этом же косвенно свидетельствовали результаты другого нашего исследования [Гладникова, 2007].

роятно, здесь значительную часть составляют продовольственные товары. В то же время дети, проживающие в городе, чаще, чем сельские жители, поддерживают своих родителей.

Обмен материальной помощью с «другими людьми» (родственниками и неродственниками) чаще распространен среди городских жителей. Это может быть результатом того, что последние замещают часть близкородственных социальных связей выстраиванием отношений с большим количеством знакомых и друзей (ослабление традиционных контактов). Кроме того, с учетом более низких доходов в сельской местности возможности передачи материальных ресурсов другим домохозяйствам, как правило, ограничены и потому распространяются только на близких родственников.

Бабушки и дедушки, проживающие в городе, в целом более включены в передачу и получение ресурсов, что опять же может объясняться большими финансовыми возможностями для поддержки.

Что касается объема трансфертов (табл. 26), то сельские жители получают значительно большие ресурсы, чем городские. Особенно ярко это проявляется в ответах на вопросы о сумме полученных ресурсов от родителей и «других людей» (в остальных случаях различие меньше, но средние значения полученной помощи для сельских жителей также выше, чем для городских). И наоборот, горожане передают большие ресурсы, чем представители сельской местности, из чего следует вывод о преимущественной материальной поддержке села городом, хотя данные о вероятности самого факта оказания помощи могут об этом не свидетельствовать.

Таблица 25. Доля домохозяйств, участвующих в межсемейном обмене материальными ресурсами, в зависимости от источника/получателя помощи и типа населенного пункта, 2006 г.

Источник/получатель ресурсов	Доля д/х, получавших помощь, %		Доля д/х, передававших помощь, %	
	город	село	город	село
В целом	33,0	27,2	33,2	30,5
Родители	17,1	14,0	10,8	6,5
Дети	7,7	8,0	13,9	18,3
Бабушки, дедушки	2,5	1,7	1,6	0,5
Внуки	0,6	0,8	9,5	11,0
Другие люди	9,2	5,2	7,0	3,4
<i>Всего д/х в данной группе</i>	<i>3875</i>	<i>1670</i>	<i>3875</i>	<i>1670</i>

Линейной зависимости между степенью вовлеченности домохозяйств в обмен ресурсами и числом членов в домохозяйстве не выявилось, однако некоторые особенности все-таки есть (табл. 27). В частности, респонденты, проживающие одни, получают несравнимо большую помощь от своих детей, чем все остальные домохозяйства, где число членов более одного человека. Аналогично такие респонденты помогают своим детям реже, чем домохозяйства из двух человек (обычно семейные пары), хотя и чаще, чем домохозяйства из трех человек и более (обычно пара с детьми).

В то же время респонденты, проживающие одни, получают помощь от родителей реже, чем домохозяйства из двух и трех человек, а также помо-

Таблица 26. Средняя сумма материальных трансфертов в зависимости от источника/получателя помощи и от типа населенного пункта, руб., 2006 г.

Источник/получатель ресурсов	Средняя сумма полученных трансфертов		Средняя сумма переданных трансфертов	
	город	село	город	село
В целом	2836	4198	2246	2130
Родители	3311	5420	1986	1600
Дети	2765	2911	2654	2438
Бабушки, дедушки	1351	1198	1377	1006
Внуки	978	1618	1164	1050
Другие люди	2565	4780	1351	963

Таблица 27. Доля домохозяйств, участвующих в межсемейном обмене материальными ресурсами, в зависимости от источника/получателя помощи и количества членов домохозяйства, 2006 г.

Источник/получатель ресурсов	Доля д/х, получавших помощь, %					Доля д/х, передававших помощь, %				
	1	2	3	4	5 и более	1	2	3	4	5 и более
В целом	39,2	29,1	34,1	27,6	20,0	33,5	40,0	30,2	27,0	22,8
Родители	9,7	13,1	24,0	20,4	9,7	4,9	7,3	13,5	13,3	7,9
Дети	20,1	9,2	3,6	1,2	1,7	16,8	22,8	11,8	9,2	9,2
Бабушки, дедушки	1,8	2,1	3,0	2,8	1,1	0,6	1,2	1,4	1,9	1,5
Внуки	2,8	0,4	0,0	0,1	0,0	14,4	16,4	6,1	3,4	3,9
Другие люди	9,0	6,9	9,0	6,3	9,6	5,4	5,7	6,8	5,7	5,1
<i>Всего д/х в данной группе</i>	<i>1083</i>	<i>1559</i>	<i>1460</i>	<i>899</i>	<i>544</i>	<i>1083</i>	<i>1559</i>	<i>1460</i>	<i>899</i>	<i>544</i>

гают родителям реже всех остальных групп. Однако одинокие пенсионеры получают значительно большую поддержку от внуков по сравнению с другими группами домохозяйств.

В целом можно заметить, что, как правило, чаще других получают помощь домохозяйства, состоящие из одного человека. Тогда как оказывают помощь домохозяйства с 2–3 членами.

Средние значения трансфертов также варьируются в зависимости от числа членов в домохозяйстве (табл. 28). Данные о сумме всех полученных ресурсов позволяют заметить, что с ростом размера домохозяйства средний объем полученной помощи растет (исключение составляют домохозяйства с 5 членами и более). Эта же тенденция наблюдается в суммах полученных ресурсов от «других людей», от бабушек и дедушек, частично от детей.

Что касается передачи ресурсов, то столь явная зависимость отсутствует. В целом наибольшие трансферты передают домохозяйства, состоящие из двух человек, что соотносится с данными о вероятности факта передачи.

Число детей также влияет на вовлеченность домохозяйств в обмен ресурсами неоднозначным образом (табл. 29). Если рассматривать долю передающих и получающих ресурсы домохозяйств, то с ростом числа детей до 17 лет доля первых растет, а доля вторых уменьшается. В связи с этим можно предположить, что существует некая объективная справедливость: наиболее нуждающиеся получают помощь чаще, а наименее нуждающиеся чаще ее оказывают.

Если рассматривать трансферты отдельно по источникам, то эта закономерность выполняется в случае передачи средств детям, внукам и другим людям, а также получения средств от родителей (т.е. в случае нисходящих межпоколенных трансфертов).

Относительно же денежной оценки помощи не наблюдается какого-либо единого тренда (табл. 30). Например, факт наличия двух детей в домохозяйстве значительно повышает среднюю сумму полученной от родителей помощи. В случае получения ресурсов от других людей связь их объема с числом детей обратная. Передают наибольшие ресурсы и детям, и родителям домохозяйства без детей до 17 лет. Полученными данными подтверждается связь межсемейных трансфертов и с уровнем дохода домохозяйств (табл. 31, 32). С ростом дефлированного среднедушевого дохода домохозяйства передают ресурсы чаще и большие по объему, что также подтверждает взаимосвязь факта оказания помощи и реальной возможности помочь.

Таблица 28. Средняя сумма материальных трансфертов в зависимости от источника / получателя помощи и количества членов домохозяйства, руб., 2006 г.

Источник/получатель ресурсов	Средняя сумма полученных ресурсов					Средняя сумма переданных ресурсов				
	1	2	3	4	5 и более	1	2	3	4	5 и более
В целом	2516	2816	3029	5343	3257	2020	2448	2168	1975	2227
Родители	3947	3639	2835	6597	2302	1695	2280	1747	1957	1789
Дети	2408	3141	3388	2768	3338	2437	2563	2786	2327	2864
Бабушки, дедушки	1165	1138	1469	1545	617	890	1326	652	2594	663
Внуки	1416	813	—	800	—	761	1379	1030	628	1778
Другие люди	2463	2562	2943	3626	4270	1991	1092	1062	943	1560

Таблица 29. Доля домохозяйств, участвующих в межсемейном обмене материальными ресурсами, в зависимости от источника/получателя помощи и количества детей до 17 лет в домохозяйстве, 2006 г.

Источник/получатель ресурсов	Доля д/х, получавших ресурсы, %				Доля д/х, передававших ресурсы, %			
	0	1	2	3 и более	0	1	2	3 и более
В целом	28,5	35,8	34,9	28,2	38,1	25,1	22,6	15,5
Родители	9,4	26,5	26,0	19,4	7,8	11,7	13,6	9,7
Дети	11,8	2,4	0,9	1,0	20,4	8,5	6,0	3,9
Бабушки, дедушки	1,4	3,7	2,7	3,9	1,0	1,7	1,6	0,0
Внуки	1,1	0,0	0,0	0,0	15,4	2,6	0,7	1,9
Другие люди	7,2	9,6	7,8	10,7	6,1	6,0	4,9	2,9
<i>Всего д/х в данной группе</i>	<i>3286</i>	<i>1603</i>	<i>553</i>	<i>103</i>	<i>3286</i>	<i>1603</i>	<i>553</i>	<i>103</i>

Что касается получения ресурсов, то такой прямой закономерности нет. Если по объему ресурсов более нуждающиеся получают большую помощь, то по доле получавших помощь эта закономерность наблюдается не всегда.

В заключение коротко остановимся на динамике рассматриваемых показателей с 2000 по 2006 г. Доля домохозяйств, участвующих в межсемейной взаимопомощи, в среднем увеличивается с течением времени (рис. 14а, б). Если в 2000 г. доля домохозяйств, ответивших, что получали

Таблица 30. Средняя сумма материальных трансфертов в зависимости от источника/получателя помощи и количества детей до 17 лет в домохозяйстве, руб., 2006 г.

Источник/получатель ресурсов	Средняя сумма полученных трансфертов				Средняя сумма переданных трансфертов			
	0	1	2	3 и более	0	1	2	3 и более
В целом	2824	2874	6032	2524	2374	1755	2043	2472
Родители	3706	2756	7758	2105	1984	1743	1966	2540
Дети	2847	2374	2900	5700	2655	2196	2740	900
Бабушки, дедушки	1318	1420	1107	550	1312	1288	1500	
Внуки	1284	—	—	—	1160	644	1675	350
Другие люди	3105	2969	2728	2320	1410	870	1317	3700

материальную помощь, составляла 28,7%, а ответивших, что оказывали материальную помощь, — 26,6%, то в 2006 г. эти значения равны 31,3 и 32,4% соответственно.

Если рассмотреть отдельно изменения по источникам помощи, то картина несколько изменится (рис. 15а, б). Данные о получении домохозяйствами трансфертов свидетельствуют о том, что основной рост произошел за счет увеличения доли домохозяйств, которым материально помогали дети. Также произошел небольшой рост доли домохозяйств, получавших ресурсы от родителей. В остальных случаях ситуация более или менее стабильная.

Что касается передачи ресурсов, то здесь наблюдается рост доли оказывающих помощь детям, чуть менее — родителям, внукам и бабушкам с дедушками. Что касается передачи помощи другим людям, то, за исключением последнего года, доля домохозяйств снижалась.

Средние суммы дефлированных частных межсемейных трансфертов также увеличиваются с течением времени (рис. 16а, б). Данная закономерность прослеживается по ответам как о получении ресурсов, так и о передаче их. И хотя в различные годы в некоторых случаях наблюдалось некоторое снижение средних сумм трансфертов (зависимость объема трансфертов от времени не строго прямая), общая тенденция восходящая. Таким образом, в целом явление межсемейных обменов получает все большую распространенность среди российских домохозяйств.

Таблица 31. Доля домохозяйств, участвующих в межсемейном обмене материальными ресурсами, в зависимости от источника/получателя помощи и дефлированного среднедушевого дохода, 2006 г.

Источник/получатель ресурсов	Доля д/х, получающих ресурсы, %				Доля д/х, передававших ресурсы, %			
	1-й квартиль	2-й квартиль	3-й квартиль	4-й квартиль	1-й квартиль	2-й квартиль	3-й квартиль	4-й квартиль
В целом	33,0	31,7	33,1	29,3	21,2	31,8	35,4	41,3
Родители	17,3	14,3	17,0	17,7	4,2	5,7	9,0	18,0
Дети	7,6	10,6	8,7	4,6	10,7	15,4	18,4	16,7
Бабушки, дедушки	2,5	2,1	2,3	2,5	0,8	0,9	1,5	1,9
Внуки	0,6	1,3	0,4	0,2	6,8	12,9	12,3	8,5
Другие люди	8,0	6,5	8,4	9,0	3,2	5,0	6,3	8,8
Всего д/х в данной группе	1314	1315	1326	1303	1314	1315	1326	1303

Таблица 32. Средняя сумма материальных трансфертов в зависимости от источника/получателя помощи и дефлированного среднедушевого дохода, руб., 2006 г.

Источник/получатель ресурсов	Средняя сумма полученных трансфертов				Средняя сумма переданных трансфертов			
	1-й квартиль	2-й квартиль	3-й квартиль	4-й квартиль	1-й квартиль	2-й квартиль	3-й квартиль	4-й квартиль
В целом	1812	2078	2746	6476	1292	1174	2214	3445
Родители	2123	2360	2956	7817	1071	1002	1329	2488
Дети	1428	2476	1960	6965	1616	1474	2490	4329
Бабушки, дедушки	1053	1244	1629	1346	787	425	1016	2062
Внуки	857	500	743	5333	620	730	1537	1363
Другие люди	1988	1869	3410	3678	907	382	1062	2023

4.3. Результаты
эмпирического анализа межсемейных трансфертов в России

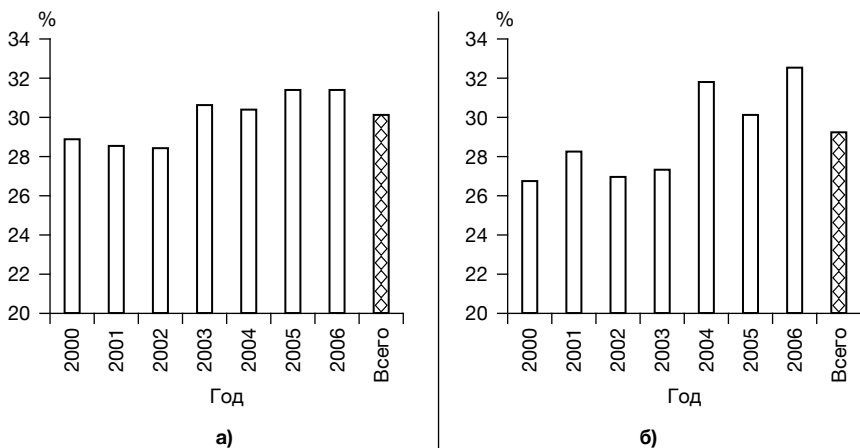

Рис. 14. Динамика участия российских домохозяйств в межсемейной взаимопомощи, % домохозяйств, получавших (а) / передававших (б) трансферты, 2000–2006 гг.

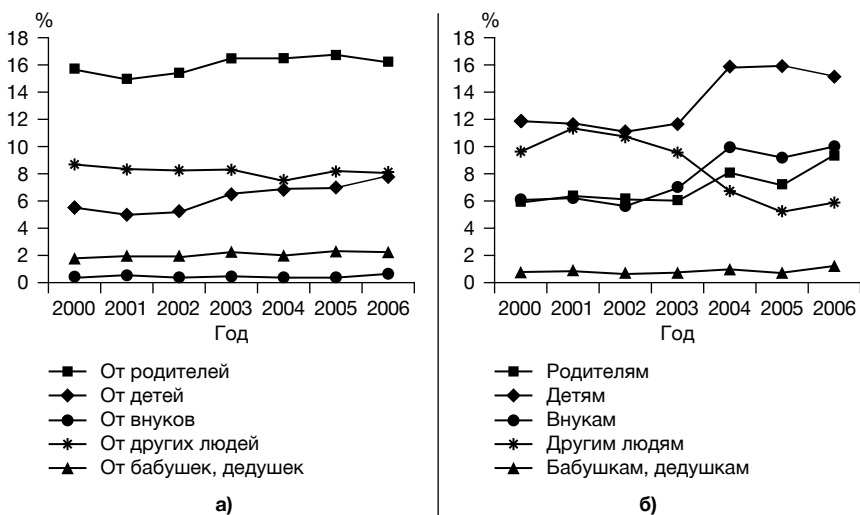

Рис. 15. Динамика участия российских домохозяйств в межсемейной взаимопомощи в зависимости от источника/получателя помощи, % домохозяйств, получавших (а) / передававших (б) трансферты, 2000–2006 гг.

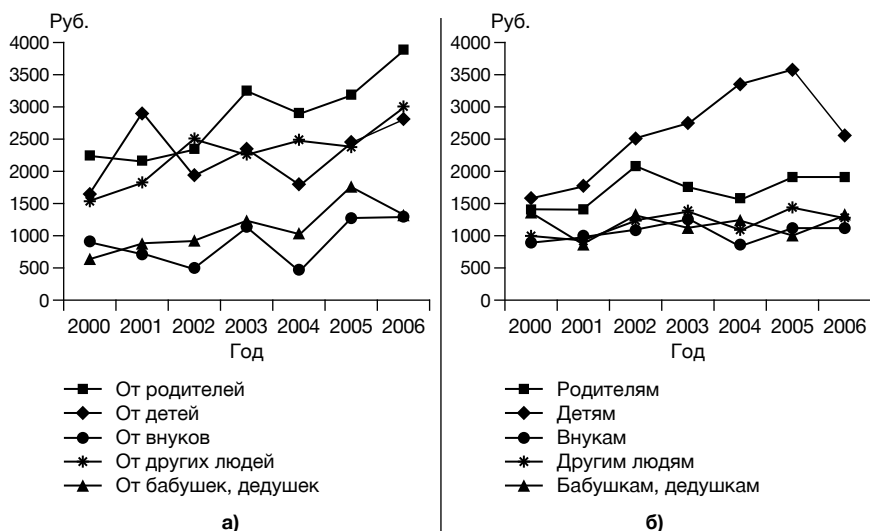

Рис. 16. Динамика среднего объема полученных (а) и переданных (б) трансфертов в России в зависимости от источника/получателя помощи, руб., 2000–2006 гг.

Типы участия домохозяйств в межсемейном обмене материальными трансфертами

Как было сказано ранее, на втором этапе исследования необходимо понять внутреннюю структуру межсемейного обмена. Мы постарались выявить существующие стратегии домохозяйств в обмене финансовыми ресурсами.

В опросном инструментарии RLMS фиксировались факты получения и передачи материальной помощи от родителей, детей, бабушек и дедушек, от внуков и других людей. Чтобы выделить наиболее вероятное совмещение ролей, был использован метод разведывательного факторного анализа, позволяющий выявить латентные переменные на основе наблюдаемых. (Результат анализа представлен в табл. П4.2 Приложения к главе 4.)

В результате применения стандартного алгоритма факторного анализа были выделены 6 факторов. Используя данные о факторных нагрузках, проинтерпретируем полученные латентные переменные.

1. *Всестороннее нисходящее донорство* (фактор 2). Данная стратегия характеризуется передачей старшим поколением материальных и

трудовых ресурсов младшему. Причем, согласно результатам описательного анализа, она наиболее типичная, поскольку нисходящие межпоколенные трансферты наиболее часто встречаются и являются общераспространенной практикой в России и во многих других странах.

2. *Нисходящее получение материальных ресурсов* (фактор 4). Данная стратегия дополняет первую и представляет собой взгляд на то же явление, только со стороны другого поколения. Здесь участие в межсемейных трансфертах представляет собой получение ресурсов младшим поколением от старшего, причем материальная помощь здесь доминирует, хотя этим домохозяйствам также оказывается и трудовая поддержка.
3. *Нисходящее получение трудовых ресурсов* (фактор 5). Данная стратегия также предполагает получение помощи от старшего поколения, поэтому тоже дополняет первый фактор. Однако здесь происходит чистое получение трудовых ресурсов.
4. *Восходящее донорство трудовых ресурсов* (фактор 3). Несмотря на более типичный для трансфертов восходящий характер потоков, существуют и нисходящие потоки ресурсов. Данная стратегия представляет собой передачу помощи от младшего поколения старшему с явным доминированием трудовых ресурсов.
5. *Восходящее получение трудовых ресурсов* (фактор 1). Данная стратегия, в свою очередь, характерна для домохозяйств, которые являются получателями помощи, описанной в предыдущем факторе. Здесь также происходит получение материальных ресурсов, но значительно меньших, чем трудовые. Еще одна переменная, которая имеет высокую нагрузку для данного фактора, — получение трудовых трансфертов от бабушек и дедушек, что на первый взгляд выглядит довольно странно. Однако это объясняется наличием сложных семей, где любой источник любого потока может быть назван по-разному для представителей домохозяйства разного возраста.
6. *Восходящее донорство через поколение* (фактор 6). Это последняя стратегия, которая является довольно специфичной с точки зрения участвующих поколений, — здесь происходит передача ресурсов (материальных и трудовых) от внуков бабушкам и дедушкам. Если в предыдущих факторах в один попадали переменные передачи или получения как родителям, так и бабушкам/дедушкам,

то здесь выявляется обмен именно *через* поколение, когда самое младшее поколение поддерживает самых старших. Очевидно, что в данном случае внуки уже взрослые, поскольку имеют возможность помогать своим бабушкам и дедушкам, которые, судя по всему, в весьма преклонном возрасте.

Как видим, полученная картина не является абсолютно симметричной. Например, на данном этапе проявляется различие в содержании нисходящих и восходящих трансфертов: если для первых характерна всесторонняя помощь, то для вторых — в большей степени трудовая. Причем нисходящая материальная и нисходящая трудовая поддержка может оказываться разным представителям младшего поколения, поскольку получение каждого из этих ресурсов выделилось как две отдельные стратегии.

В то же время в некоторой степени симметричность картины на первый взгляд может показаться очевидной и предсказуемой, однако необходимо предостеречься от подобных выводов. Одинаково логичными могут показаться изначальные предположения, которые на самом деле взаимоисключают друг друга. Например, с одной стороны, согласно принципу реципрокности домохозяйства, получающие ресурсы от родителей, должны, в свою очередь, и оказывать им помощь. Это модель обмена. С другой же стороны, помощь может осуществляться только в одном направлении, поскольку принимающая сторона является объективно нуждающейся, а передающая сторона имеет объективные возможности для оказания помощи. Это модель альтруизма. В этом случае обратная поддержка детьми родителей, от которых они получают помощь, невозможна и нелогична.

Хотя мы представили упрощенное понимание этих противоположных моделей, обе они имеют своих сторонников среди социологов, экономистов и демографов. Если же брать в расчет еще и трудовые трансферты, то число предположений расширится еще больше. Именно поэтому все логичные на первый взгляд гипотезы требуют проверки — в данном случае с помощью применения факторного анализа.

Сегментация домохозяйств по форме участия в обмене межсемейными материальными и трудовыми ресурсами

Факторный анализ позволил выявить наиболее типичные стратегии поведения, тогда как интересно также было бы посмотреть, как эти стратегии могут совмещаться и какие возможные сочетания существуют. Иными словами, необходимо выявить более или менее однородные группы

домохозяйств, для которых характерны те или иные роли в межсемейном обмене ресурсами.

Для решения этой задачи был проведен иерархический кластерный анализ на основе исходных переменных об участии в трансфертном обмене (не участвующие в трансфертном обмене из анализа исключены). Наиболее адекватным и интерпретируемым решением, на наш взгляд, оказалось выделение 6 кластеров. Значения кластерных центров представлены в табл. П4.3 Приложения к главе 4.

Для лучшей визуализации представим полученные кластеры в виде схемы (см. рис. 17), а также дадим им названия в соответствии с доминирующими направлением и содержанием ресурсов. Для корректного понимания кластеров необходимо разъяснить, что мы понимаем под каждым элементом, составляющим название:

- донором называется домохозяйство, оказывающее помощь, получателем — получающее;
- восходящие трансферты — от младших к старшим, нисходящие — от старших к младшим;
- трансферт может быть как потоком, так и обменом: поток означает передачу ресурсов в одном направлении, обмен — в обоих (в этом случае донор в обменах означает преимущественную *передачу* ресурсов в обмене, хотя и обратное получение помощи также имеет место);
- если не указан тип помощи (трудовая или материальная), происходит передача/получение *обоих* типов ресурсов.

Обратимся к содержательной интерпретации групп.

Кластеры 2 (*доноры в нисходящих потоках*) и 4 (*получатели в нисходящих потоках*) являются симметричными и представляют собой две группы, участвующие в одном процессе: с одной стороны — дети, которые получают помощь от родителей (4), а с другой — родители, которые передают помощь своим детям (2). Единственное различие между кластерами в том, что младшее поколение чаще говорит о получении трудовых ресурсов, чем старшее — об их передаче. Это может свидетельствовать о том, что дети достаточно высоко оценивают нематериальную помощь от родителей, тогда как родители не всегда воспринимают это как значительный ресурс.

Следующий кластер — *получатели в восходящих обменах с детьми* (3). В данной группе старшее поколение свидетельствует получение значительных ресурсов (особенно материальных) от младшего поколения, а также передает оба типа ресурсов детям, хотя и в намного меньших масштабах. Доминирующее направление здесь восходящее.

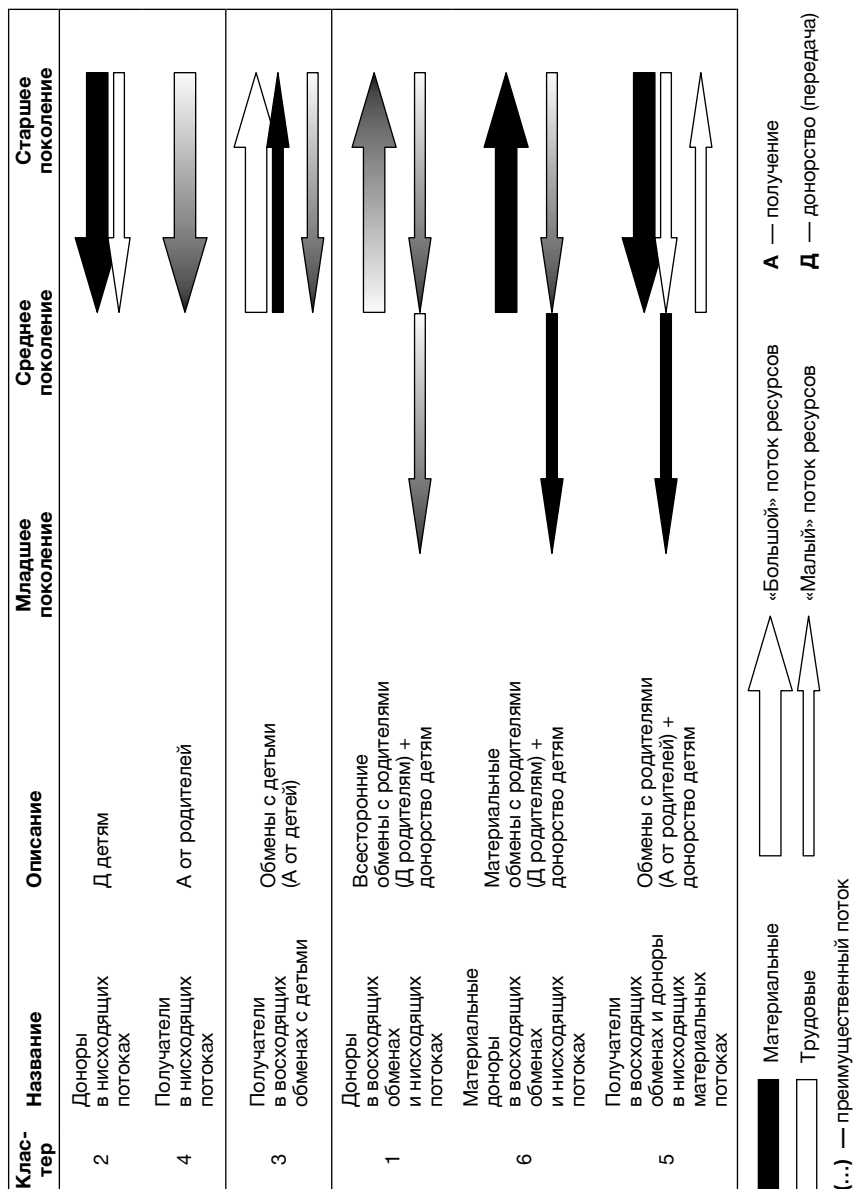

Рис. 17. Типология домохозяйств по участию в межсемейных обменах ресурсами

Следующая группа кластеров (1, 6, 5) — обмены с родителями. Эта группа не является столь однородной по сравнению с предыдущей. Во-первых, все кластеры представляют собой движение потоков между более чем двумя поколениями — здесь представлены младшее, среднее и старшее поколения. Во-вторых, в кластере 5 (*получатели в восходящих обменах и доноры в нисходящих материальных потоках*) преимущественное направление ресурсов нисходящее, тогда как в кластерах 1 (*доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках*) и 6 (*материальные доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках*) в большей степени характерны восходящие ресурсы, что в определенной степени является дополняющими стратегиями к кластеру 3 (*получатели в восходящих обменах с детьми*). Однако, как видим, при рассмотрении проблемы со стороны детей картина получается гораздо более сложная, что позволяет рассмотреть больше вариаций движения потоков.

Итак, кластеры 1 и 6 являются очень схожими по «руслам» потоков, но содержание передаваемых и получаемых ресурсов различно. В первом случае они более разнообразны: в обменах среднего поколения, как с младшим, так и со старшим, участвуют и материальные, и трудовые ресурсы. Что же касается второго случая, то здесь подавляющее большинство обменов относится к материальным. Особенно заметны различия между этими группами домохозяйств при рассмотрении их социально-демографических параметров, о чем речь пойдет несколько ниже. Сходство же между этими группами заключается в том, что между старшим и средним поколениями происходит обмен (хотя и неравноценный), а вот младшему поколению передача осуществляется в одностороннем порядке.

Среди домохозяйств кластера 5 (получатели в восходящих обменах и доноры в нисходящих материальных потоках) наблюдается реаллокация материальных ресурсов, переданных от старшего поколения среднему, а потом и младшему, причем поток уменьшается. Тогда как трудовые ресурсы именно обмениваются, и это происходит между двумя более старшими поколениями.

Заметим, что во всех трех кластерах группы «обменов с родителями» поток от среднего поколения младшему представлен материальными трансфертами (лишь в одном случае — в дополнении с трудовыми). Вероятно, дети в этом случае совсем молодого возраста, когда особенно важна материальная поддержка; а вот во взаимодействии со старшим поколением большую роль начинает приобретать трудовая помощь.

Рассмотрим различия между домохозяйствами, принадлежащими к отдельным кластерам, по ряду социально-демографических характеристик.

Наибольшая доля сельских жителей (см. табл. П4.4 Приложения к главе 4) содержится среди домохозяйств — получателей в восходящих обменах с детьми (кластер 3), а также получателей в нисходящих потоках (кластер 4). Напротив, больше всего горожан содержится в кластере 6 (материальные доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках). Уже по этим крайним случаям можно заметить, что для села более характерно получение, чем для города. Еще одна тенденция — больший фокус на материальные трансферты в городе по сравнению с сельской местностью: в кластерах с наибольшей долей городских домохозяйств (2, 5, 6) материальные потоки превышают трудовые.

Следующий показатель — возраст главы семьи по доходу, который косвенно характеризует стадию жизненного цикла домохозяйства (табл. П4.5 Приложения к главе 4). Здесь особенно выделяется кластер 3 (получатели в восходящих обменах с детьми), где доля домохозяйств с возрастом главы более 65 лет составляет 66%, т.е. это домохозяйства пенсионеров, которые преимущественно получают помощь от своих детей. Также смещенным в более старшие возрастные группы является кластер 2 (доноры в нисходящих потоках) — это домохозяйства в возрасте старше 45 лет, доходы (зарплата и/или пенсия) которых позволяют не только покрывать расходы членов семьи, но и передавать их часть в виде трансфертов младшему поколению.

В кластер 4 (получатели в нисходящих потоках) попали самые молодые домохозяйства, что в общем-то очевидно, поскольку именно студенты и молодежь нуждаются в наибольшей помощи и, соответственно, получают ее в виде трансфертов от старшего поколения. Что касается кластера 5 (получатели в восходящих обменах и доноры в нисходящих материальных потоках), то это несколько домохозяйств людей старшего возраста.

Кластеры 1 (доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках) и 6 (материальные доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках), которые являются семьями, передающими помощь в обоих направлениях, преимущественно представлены людьми среднего возраста. В этом случае их родители уже в таком возрасте, что нуждаются в поддержке, а также есть собственные дети, покинувшие домохозяйство, и также получающие часть ресурсов от родителей.

Выделенные группы домохозяйств различаются и по уровню образования. Для определения среднего показателя данного критерия на уровне домохозяйства нами была использована переменная «наличие в домохозяйстве хотя бы одного человека с высшим образованием» (табл.

П4.6 Приложения к главе 4). Интересно, что в среднем более образованными оказались домохозяйства, включенные в трансфертные обмены с двумя поколениями сразу, причем преимущественно в качестве доноров: это кластеры 1 (доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках) и особенно 6 (материальные доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках). Наименее образованными являются представители группы получателей в восходящих обменах с детьми (кластер 3). Как помним, это пенсионеры, поэтому в среднем более низкий уровень образования в этой группе по сравнению с остальными объясняется общей динамикой данного показателя в России.

Однако мы не видим столь значительного отличия по уровню образования для второго кластера (доноры в нисходящих потоках), хотя представители этой группы также в основном относятся к старшему поколению. Из чего можно сделать предположение, что среди доноров больше людей с высшим образованием, чем среди получателей. Однако данная гипотеза может быть проверена в регрессионной модели, когда контролируются прочие факторы (например, доход).

Рассмотрим, как различаются выделенные группы домохозяйств в зависимости от состава семьи. Здесь первой характеристикой является количество членов домохозяйства (табл. П4.7 Приложения к главе 4). Самые многочисленные семьи сосредоточились в кластерах 4 (получатели в нисходящих потоках) и 1 (доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках). В первом случае это могут быть молодые семьи с детьми, которые получают помощь от своих родителей, во втором — более «взрослые» домохозяйства, где есть дети, которые уже живут самостоятельно, но получают помощь от своих родителей, причем последние также помогают и своим пожилым родителям.

Заметно выделяется кластер 3 (получатели в восходящих обменах с детьми), где сосредоточены одинокие пенсионеры, которым помогают их дети. Что же касается кластера 2 (доноры в нисходящих потоках), то здесь преобладают домохозяйства из одного или двух членов, и это, вероятно, та группа, которую называют «пустое гнездо»: дети уже живут отдельно, однако еще получают помощь от своих родителей.

Следующий показатель — «число детей в возрасте 0–3 года» (табл. П4.8 Приложения к главе 4) — подтверждает ранее высказанное предположение: группа получателей в нисходящих потоках (кластер 4) представляет собой молодые семьи с маленькими детьми, которые получают поддержку от своих еще достаточно молодых родителей, причем как трудовую, так

и материальную. Достаточно очевидно, что маленьких детей практически нет в домохозяйствах кластеров 2 (доноры в нисходящих потоках) и 3 (получатели в восходящих обменах с детьми), которые представлены представителями старших поколений.

Что касается распределения групп по числу детей от 4 до 6 лет (табл. П4.9 Приложения к главе 4), то картина схожа с предыдущей. Различие состоит в том, что выделяется группа «материальные доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках» (кластер 6), где значение переменной выше, чем среди других кластеров. Это те самые домохозяйства, где есть дети разного возраста, и часть из них уже живет вне семьи и получает помощь от родителей. Здесь важно отметить, что кластер 1 (доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках) не выделяется аналогичным образом, что свидетельствует об отрицательном влиянии наличия в семье детей дошкольного возраста на оказание трудовой помощи кому-либо еще (что обязательно верно для материальных ресурсов).

И последний показатель, касающийся детей, — это наличие последних в возрасте от 7 до 17 лет (табл. П4.10 Приложения к главе 4). Продолжая рассматривать различия между кластерами 1 и 6, здесь мы видим более высокую долю семей с детьми в этом возрасте уже среди представителей группы доноров в восходящих обменах и нисходящих потоках. Это лишь подтверждает предположение о более высокой потребности в трудовых ресурсах в семьях с дошкольниками по сравнению с семьями с более старшими детьми, в результате в последних часть трудовых ресурсов может быть передана вовне в виде трансфертов.

Доля домохозяйств с детьми в возрасте 7–17 лет также относительно более высокая среди представителей кластеров «получатели в нисходящих потоках» (4) и «получатели в восходящих обменных и доноры в нисходящих материальных потоках» (5). Это означает, что родителям школьников часто помогают их собственные родители — как материально, так и трудом.

Обобщая рассмотренные выше характеристики домохозяйства, проанализируем распределения в каждой из групп по типу семьи, который включает и число детей, и общее число членов, и частично родственные связи между ними (табл. П4.11 Приложения к главе 4). Результаты вполне согласуются со всеми предположениями, высказанными ранее. В случае группы доноров в нисходящих потоках наблюдаем преобладание одиночек, семейных пар без детей и других родственников, а также «прочих» семей, что как раз описывает типичное «пустое гнездо». В группе получателей в нисходящих потоках, дополняющей только что рассмотрен-

ную, в подавляющем большинстве случаев — напротив, семейные пары с 1–2 детьми или внуками.

Как говорилось выше, кластер 3 (получатели в восходящих обменах с детьми) — это в основном одинокие пенсионеры. Вполне логично также выглядит и то, что в кластерах 5 (получатели в восходящих обменных и доноры в нисходящих материальных потоках) и 4 (получатели в нисходящих потоках) больше всего семей, состоящих из 1 взрослого с 1–2 детьми. Это свидетельствует о поддержке старшим поколением своих детей, которые воспитывают собственных детей без супруга (почти всегда это женщины). Ну, и во всех кластерах, где происходят обмены со старшим поколением плюс донорство младшему (1, 6, 5), наблюдается значительная доля семейных пар с 1–2 детьми или внуками, что также согласуется с предыдущим описанием этих групп.

Помимо рассмотренных показателей, кластеры также различаются в зависимости от уровня среднедушевого дохода. Наиболее обеспеченными являются материальные доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках (кластер 6); заметим, что это единственная группа, где материальные ресурсы явно доминируют по отношению к трудовым. Наиболее низким доходом обладают получатели в нисходящих потоках, т.е. молодые домохозяйства с маленькими детьми, поэтому вполне справедливо, что они являются полными получателями от старшего поколения. Также достаточно низким доходом обладают представители кластера «получатели в восходящих обменах с детьми». Это вполне очевидно, если вспомнить, что здесь в основном одинокие пенсионеры. У других групп линейной связи с доходом не наблюдается.

Факторы, определяющие принадлежность домохозяйств к сегментам по форме участия в обмене ресурсами

Чтобы определить чистое влияние каждой из рассмотренных социально-демографических переменных на вероятность попадания в одну из групп, была построена мультиномиальная регрессия (коэффициенты представлены в табл. П4.13 Приложения к главе 4). Референтной группой в данной модели являются домохозяйства, не участвующие в трансфертах, поэтому все выводы о влиянии того или иного параметра на вероятность попадания в каждый из кластеров делаются по отношению к исключенным из обмена.

Для номинальных переменных, которые использованы в модели как независимые, также, в свою очередь, были выбраны референтные группы,

по отношению к которым следует интерпретировать значения коэффициентов.

Опишем результаты модели, рассматривая отдельно каждый кластер и характеризующие его независимые переменные.

Следуя предложенному выше порядку рассмотрения групп, начнем с кластера 2 «*доноры в нисходящих потоках*». Итак, по сравнению с не участвующими в обмене домохозяйствами (это относится ко всем выводам ниже, поэтому не будем каждый раз повторять эту важную с методологической точки зрения фразу) вероятность попасть в данную группу в 3 раза выше среди семей с главой в возрасте 50–59 лет, чем в самой младшей возрастной группе (13–19 лет). Это домохозяйства, члены которых, находясь в предпенсионном или раннем пенсионном возрасте, имеют возможность помогать своим детям; вероятно, одной из причин этого является все еще наличие заработной платы, а также уже получение пенсии. Что касается уровня занятости, то вероятность попадания семей в кластер доноров в нисходящих потоках положительно связана с долей занятых членов домохозяйства. Кроме того, для данной группы характерно наличие пенсионеров, что подтверждает предположение о доходах от трудовой деятельности и пенсии.

Что касается размера семьи, то группа доноров в нисходящих потоках в основном представлена небольшими домохозяйствами. И последний значимый фактор здесь — доход. Судя по регрессионным коэффициентам, минимальная вероятность попасть в данный кластер у наименее обеспеченных домохозяйств.

Подводя итог, можно сказать, что типичными представителями семей — доноров в нисходящих потоках являются домохозяйства:

- с возрастом главы 50–59 лет;
- с высокой долей занятых членов;
- с высокой долей пенсионеров;
- небольшие;
- не с минимальным доходом.

Следующий кластер, который, как было сказано, является дополняющим предыдущий, — «*получатели в нисходящих потоках*» (кластер 4), т.е. представители младшего поколения, получающие ресурсы от доноров в нисходящих потоках. Аналогично последним среди представителей данной группы маловероятны семьи с главой старше 60 лет. Интересно также, что существует отрицательная зависимость между вероятностью попасть в данную группу и долей занятых в домохозяйстве. Это означает, что среди

членов рассматриваемого кластера по сравнению с не участвующими в обмене безработные и неактивные встречаются чаще.

Для семей получателей в нисходящих потоках чаще, чем для каких-либо других кластеров, характерно наличие детей всех возрастов, причем вероятность увеличивается с уменьшением возраста детей. Логично также, что шансы попасть в данный кластер отрицательно связаны с долей пенсионеров. Аналогичная зависимость наблюдается и для переменной «число членов домохозяйства», что говорит о сосредоточенности в данной группе небольших домохозяйств.

Если рассматривать состав семьи, то для семейных пар с 1–2 детьми или внуками, а также семей из 1 взрослого с 1–2 детьми вероятность попадания в группу получателей в нисходящих потоках более чем в 2 раза выше по сравнению со сложными семьями.

В целом типичными представителями данного кластера можно назвать домохозяйства:

- с главой *не* в старшей возрастной группе;
- с наличием в семье безработных или неактивных членов;
- с детьми всех возрастов (особенно самых маленьких и школьного возраста);
- состоящие из небольших семей;
- с отсутствием пенсионеров;
- состоящие из семейных пар с 1–2 детьми или внуками, а также из 1 взрослого с 1–2 детьми.

Следующий кластер — «получатели в восходящих обменах с детьми» (3). Говоря о возрасте главы домохозяйств, принадлежащих к данному типу, следует отметить, что вероятность попадания в данную группу минимальна среди самых молодых семей. Кроме того, существует также отрицательная зависимость с долей занятых членов домохозяйства.

Что касается наличия детей, то для данного кластера характерны семьи с детьми в возрасте 1–3 года, а также 7–17 лет. При этом здесь также распространены домохозяйства с пенсионерами. Связь между вероятностью отнесения к данному кластеру и числом человек в семье отрицательная, как и с проживанием в городской местности. По типу семьи это преимущественно одиночки, семейные пары без детей и других родственников или семейные пары с 1–2 детьми или внуками. По доходу это вновь не самые низкообеспеченные слои.

Как видим, данный кластер крайне неоднородный по своему составу, вследствие чего здесь могут быть как одинокие пенсионеры, так и семей-

ные пары с детьми (при этом они не молодые, а имеют взрослых детей вне домохозяйства, которые им помогают). Однако попробуем описать типичных представителей:

- не представители самого молодого поколения;
- домохозяйства, где есть незанятые члены;
- семьи с детьми в возрасте 1–3 года, а также 7–17 лет;
- семьи с пенсионерами;
- одиночки, семейные пары без детей и других родственников или семейные пары с 1–2 детьми или внуками;
- не с минимальным доходом.

Следующий кластер — «*доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках*» (1). По сравнению с не участвующими в обмене домохозяйствами вероятность попадания в данную группу на 70% ниже среди семей с главой в возрасте старше 60 лет, чем в самой младшей возрастной группой (13–19 лет). Это означает, что для представителей данного кластера не характерно наличие домохозяйств из самого старшего поколения. Что касается образования, то вероятность попадания семей в кластер доноров в нисходящих потоках положительно связана с долей членов домохозяйства с высшим образованием. Кроме того, для данного кластера характерно наличие детей школьного возраста (7–17 лет).

Что касается состава семьи, то для семейных пар с 1–2 детьми вероятность попадания в данный кластер на 60% выше по сравнению со сложными семьями. И последний значимый фактор здесь — доход; судя по регрессионным коэффициентам, максимальная вероятность попадания в данный кластер у наиболее обеспеченных домохозяйств.

Подводя итог, можно сказать, что типичными представителями семей — доноров в восходящих обменах и нисходящих потоках являются домохозяйства:

- не представители самого старшего поколения;
- с высокой долей членов с высшим образованием;
- с детьми школьного возраста;
- состоящие из семейных пар с 1–2 детьми или внуками;
- с высоким среднедушевым доходом.

Рассмотрим далее группу «*материальные доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках*» (кластер 6), помня, что она отличается от предыдущей только характером обмениваемых ресурсов (преимущественно материальные). Аналогичным образом вероятность попадания в данный кластер небольшая у домохозяйств с главой самой старшей возрастной

группы. Это же подтверждается отрицательной связью с долей пенсионеров в домохозяйстве. По составу семьи, как и в кластере 1, это преимущественно семейные пары с 1–2 детьми или внуками. Однако же по доходу очевидно, что это самые обеспеченные домохозяйства по сравнению со всеми кластерами.

Итак, портрет типичного представителя данной группы выглядит следующим образом:

- не представители самого старшего поколения;
- не пенсионеры;
- семейные пары с 1–2 детьми или внуками;
- высокообеспеченные домохозяйства.

И последний кластер, который мы рассмотрим, — «получатели в восходящих обменах и доноры в нисходящих материальных потоках» (кластер 5). Вероятность отнесения к данной группе максимальная среди представителей младших возрастных групп. Надо сказать, что есть значимая положительная связь и с уровнем образования. Что касается наличия детей, то для данного кластера характерны семьи с детьми в возрасте до 1 года, 1–3 года и 7–17 лет, т.е. это явно домохозяйства с детьми.

По числу членов это небольшие семьи, причем в них маловероятно присутствие пенсионеров. По сравнению со сложными семьями вероятность попадания в данный кластер значительно выше у всех остальных типов (одиночки, семейная пара без детей и других родственников, семейная пара с 1–2 детьми или внуками, 1 взрослый с 1–2 детьми).

И последняя переменная — уровень дохода. По сравнению с наиболее обеспеченными домохозяйствами вероятность отнесения к данной группе выше в 4-й квинтильной группе по доходу (это верно и для более низких групп, однако коэффициент незначим). Таким образом, типичный представитель выглядит так:

- относительно молодые семьи;
- с высокой долей членов с высшим образованием;
- с детьми в возрасте до 1 года, 1–3 года и 7–17 лет;
- не пенсионеры;
- небольшие семьи;
- одиночки, семейная пара без детей и других родственников, семейная пара с 1–2 детьми или внуками, 1 взрослый с 1–2 детьми;
- не самые обеспеченные домохозяйства.

Подводя итоги регрессионного анализа, следует отметить, что он позволил, с одной стороны, описать каждую из групп, а с другой — прове-

сти различия между группами. В терминах социально-демографических характеристик все кластеры получились логичными, что позволяет легко представить себе типичных представителей каждой группы. Интересные результаты получились, когда удалось сопоставить вполне узнаваемые типы домохозяйств (одинокое пенсионеры или молодые семьи с детьми) с теми стратегиями, которых они придерживаются в межсемейных обменах материальными и трудовыми ресурсами.

4.4. ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ 4

В рассмотренный период с 2000 по 2006 г. в целом явление межсемейных обменов получает все большую распространенность среди российских домохозяйств. Это касается как вовлеченности семей, так и объема передаваемых ресурсов.

Ключевой поток помощи направлен от старшего поколения к младшему (нисходящие трансферты), хотя обратная ситуация также распространена. Реже происходят обмены внутри одного поколения или же обмены с прочими родственниками, помимо родителей и детей, бабушек/дедушек и внуков.

Ключевыми стратегиями семей в обменах, выделенными с помощью метода факторного анализа, являются следующие формы участия в восходящих трансфертах: *всестороннее нисходящее донорство, нисходящее получение материальных ресурсов, нисходящее получение трудовых ресурсов*, а также в нисходящих: *восходящее донорство трудовых ресурсов, восходящее получение трудовых ресурсов, восходящее донорство через поколение*. Как видно, донорство в обоих случаях предполагает передачу как трудовых, так и материальных ресурсов. Тогда как стратегии получения разделились в зависимости от типа получаемой помощи. Это может быть результатом того, что одни и те же доноры передают разные типы ресурсов разным получателям.

Далее была построена типология участия семей в трансфертах. В результате, помимо не участвующих в обмене, было выделено шесть групп. Напомним, что трансферты могут осуществляться в виде как потока (передача в одностороннем порядке), так и обмена — в обоих направлениях (в этом случае донор в обменах означает преимущественную *передачу* ресурсов в обмене, хотя и обратное получение помощи также имеет место). Коротко полученные группы можно охарактеризовать следующим образом.

Доноры в нисходящих потоках. Это семьи представителей старшего поколения предпенсионного или раннего пенсионного возраста, которые по-прежнему работают, а также получают пенсию, что позволяет им передавать часть средств в виде трансфертов младшему поколению. Кроме того, они оказывают и трудовую поддержку.

Получатели в нисходящих потоках. Домохозяйства этой группы, симметричной предыдущей, являются получателями описанной помощи. Они представляют собой более молодые семьи с детьми. Причем это небольшие, «простые» домохозяйства: семейная пара или 1 взрослый с 1–2 детьми.

Восходящие трансферты имеют более сложную структуру и в трех группах из четырех полученных обмены происходят между средним и старшим поколениями в дополнение с нисходящим донорством младшего поколения. Таким образом, поддержка старших младшими — действительно, нетипичная стратегия и касается в основном поддержки пожилых людей. Коротко опишем каждую из групп.

Получатели в восходящих обменах с детьми. Данная группа единственная, где восходящие трансферты наблюдаются в чистом виде. Этот кластер крайне неоднороден: здесь есть как одиночки, так и семейные пары без детей и других родственников или же семейные пары с 1–2 детьми или внуками. Здесь также присутствуют пенсионеры и незанятые. Общее у них — проживание преимущественно в сельской местности.

Получатели в восходящих обменах и доноры в нисходящих материальных потоках. Домохозяйства этого типа получают значительные материальные ресурсы от старшего поколения и частично передают самому младшему поколению. Кроме того, происходит обмен трудовыми ресурсами между старшим и средним поколениями. По профилю это относительно молодые семьи с детьми в домохозяйстве, а также вне его (которым они помогают материально), достаточно образованные и небольшие по размеру (двухпоколенные семьи).

Доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках. Эти домохозяйства по своей стратегии отчасти похожи с предыдущими: они также обмениваются с самым старшим поколением, однако в большей степени выступают донорами. Кроме того, они также передают часть ресурсов «ниже» — младшему поколению. Важно здесь, что представители данной группы оперируют наиболее разнообразными ресурсами: это и материальные, и трудовые трансферты во всех направлениях. Профиль семей данного типа — это домохозяйства среднего возраста, с детьми, проживающими в семье или отдельно, обладающие достаточно высоким доходом.

Материальные доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках. Данная группа практически повторяет направления ресурсов в предыдущей группе (донорство с небольшим возвратом со старшим поколением и донорство младшему поколению), однако характер трансфертов преимущественно материальный. В отличие от предыдущих, эти семьи не выделяются по уровню образования, зато обладают еще более высоким доходом — это наиболее обеспеченные домохозяйства.

Подводя итоги, можно сделать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, в рамках частных трансфертов помощь оказывается объективно наиболее в ней нуждающимся: молодым семьям с детьми и пенсионерам (особенно одиноким) в старших возрастных группах.

Во-вторых, доноры являются более обеспеченными материально, кроме того, для таких домохозяйств характерно ограничение трансфертов преимущественно материальными потоками.

В-третьих, данные в общем и целом подтверждают теорию жизненного цикла: на самых ранних стадиях более характерно получение, в среднем возрасте более распространенными становятся стратегии донорства, тогда как в пожилом возрасте вновь получение ресурсов является более значимым. Однако есть группы-исключения — в частности, кластер «получатели в восходящих обменах и доноры в нисходящих материальных потоках», которые не являются чистыми донорами, а как бы перераспределяют потоки от самых старших к младшим. Также стоит отметить, что чистые доноры встречаются не в среднем возрасте, а ближе к предпенсионному и раннему пенсионному (домохозяйства — «пустые гнезда»).

И наконец, нет определенной зависимости между материальными и трудовыми трансфертами. В некоторых группах одни предоставляются в ответ на другие, в иных — в обоих направлениях происходит передача и материальных, и трудовых ресурсов, а в третьих — предоставление обоих типов ресурсов компенсируется лишь одним из них.

4.5. ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 4

Таблица П4.1. Структура вопросов о частных межсемейных трансфертах в анкете RLMS волны 2006 г.

Источник/ получатель ресурсов	Фиксируемая информация	Формулировка вопроса	Номер вопроса (анкета)
МАТЕРИАЛЬНЫЕ ТРАНСФЕРТЫ			
Получение			
От родителей Р или П	Да/нет за последние 30 дней Сколько в рублях за последние 30 дней?	<i>Получали ли члены вашей семьи в течение последних 30 дней безвозмездно какие-либо деньги или товары — продовольствие, одежду, другие предметы — от людей, не являющихся членами вашего домохозяйства, — от детей, родителей, других родственников, друзей, посторонних лиц, государственных или негосударственных организаций?</i>	F.8 (д/х)
От детей Р или П			
От бабушек или дедушек Р или П			
От внуков Р или П			
От других родственников Р или П			
От друзей		<i>Получала ваша семья безвозмездно деньги или товары в течение последних 30 дней, и если да, то как вы оцениваете это в рублях?</i>	F.9 (д/х)
Передача			
Родителям Р или П	Да/нет Как часто (каждый месяц, несколько раз в год, раз в год, как попросят) Да/нет за последние 30 дней Сколько в рублях за последние 30 дней?	<i>Скажите, пожалуйста, помогает ли ваша семья деньгами или товарами — продовольствием, одеждой, другими предметами — людям, не являющимся членами вашего домохозяйства, и если да, то как регулярно ваша семья помогает людям, которых я назову? Если помощь оказывалась в течение последних 30 дней, то оцените ее в рублях.</i>	E.20 (д/х)
Детям Р или П			
Бабушкам или дедушкам Р или П			
Внукам Р или П			
Другим людям			
ТРУДОВЫЕ ТРАНСФЕРТЫ			
Получение			
От родителей Р или П	Да/нет за последние 30 дней	<i>В течение последних 30 дней помогали ли вашей семье в уходе за детьми, ведении хозяйства люди, не являющиеся членами вашего домохозяйства, которых я сейчас назову? Вам помогали...</i>	F.9.11. (д/х)
От детей Р или П			
От бабушек или дедушек Р или П			
От внуков Р или П			
От других людей			

*Глава 4. Поведение российских домохозяйств
в сфере межсемейных трансфертов*

Продолжение табл. П4.1

Источник/ получатель ресурсов	Фиксируемая информация	Формулировка вопроса	Номер вопроса (анкета)
От родственников	Да/нет за последние 7 дней Сколько дней из последних 7 дней? Сколько в среднем часов и минут в день в последние 7 дней?	<i>В течение последних 7 дней за (ИМЯ РЕБЕНКА) ухаживали родственники, которые живут отдельно? Сколько дней из последних 7 дней вам помогли ухаживать за (ИМЯ РЕБЕНКА) родственники, которые живут отдельно? В те дни из последних 7, когда ваши родственники, живущие отдельно, помогли ухаживать за (ИМЯ РЕБЕНКА), сколько в среднем часов и минут в день это составляло?</i>	K.10, K.11, K.12 (дет)
От неродственников	Да/нет за последние 7 дней Сколько дней из последних 7 дней? Сколько в среднем часов и минут в день в последние 7 дней?	<i>В течение последних 7 дней вам помогли ухаживать за (ИМЯ РЕБЕНКА) другие люди, не являющиеся вашими родственниками? Сколько дней из последних 7 за (ИМЯ РЕБЕНКА) помогли ухаживать люди, не являющиеся вашими родственниками? В те дни из последних 7, когда люди, не являющиеся вашими родственниками, помогли ухаживать за (ИМЯ РЕБЕНКА), сколько в среднем часов и минут в день это составляло?</i>	K.17, K.18, K.19 (дет)
Передача			
Родителям Р или П	Да/нет за последние 30 дней Сколько минут в обычный рабочий/ учебный день? Сколько минут в обычный нерабочий/ неучебный день?	<i>Давайте поговорим о том, на что вы обычно тратите свое время. Сейчас я буду перечислять различные виды деятельности, а вы скажите, пожалуйста, какими из них обычно занимались в последние 30 дней. И если занимались, то сколько времени на это тратили. В последние 30 дней вы... помогали в ведении хозяйства родителям вашим или супруга(и), живущим отдельно, в том числе ухаживали за кем-либо из них</i>	J.205 (взр)
Детям Р или П		<i>В последние 30 дней вы... помогали в ведении хозяйства детям вашим или супруга(и), живущим отдельно, в том числе ухаживали за кем-либо из них</i>	

4.5. Приложение к главе 4

Источник/получатель ресурсов	Фиксируемая информация	Формулировка вопроса	Номер вопроса (анкета)
Бабушкам или дедушкам Р или П		<i>В последние 30 дней вы... помогли в ведении хозяйства бабушкам и дедушкам вашим или супруга(и), живущим отдельно, в том числе ухаживали за кем-либо из них</i>	
Внукам Р или П		<i>В последние 30 дней вы... помогли в ведении хозяйства внукам вашим или супруга(и), живущим отдельно, в том числе ухаживали за кем-либо из них</i>	

Таблица П4.2. Поиск латентных факторов: факторные нагрузки исходных переменных

	Восходящее получение трудовых ресурсов	Всестороннее нисходящее донорство	Восходящее донорство трудовых ресурсов	Нисходящее получение материальных ресурсов	Нисходящее получение трудовых ресурсов	Восходящее донорство через поколение
	1	2	3	4	5	6
Материальные трансферты: получали от внуков	0,315				-0,489	
Трудовые трансферты: получали от бабушек, дедушек	0,465			0,383	0,462	
Трудовые трансферты: получали от детей	0,760					
Трудовые трансферты: получали от внуков	0,811					
Материальные трансферты: получали от родителей		-0,305		0,472		
Материальные трансферты: передавали детям		0,444	-0,308	-0,339		
Материальные трансферты: передавали внукам		0,505				
Трудовые трансферты: передавали детям		0,711				
Трудовые трансферты: передавали внукам		0,651				

Окончание табл. П4.2

	Восходящее получение трудо- вых ресурсов	Всестороннее нисходящее донорство	Восходящее донорство трудо- вых ресурсов	Нисходящее получение материальных ресурсов	Нисходящее получение трудо- вых ресурсов	Восходящее донорство через поколение
	1	2	3	4	5	6
Материальные трансферты: передавали родителям			0,347	-0,480		
Трудовые трансферты: передавали бабушкам, дедушкам			0,585			0,395
Трудовые трансферты: передавали родителям			0,768			
Материальные трансферты: получали от бабушек, дедушек				0,684		
Материальные трансферты: получали от детей					-0,683	
Трудовые трансферты: получали от родителей					0,481	
Материальные трансферты: передавали бабушкам, дедушкам						0,816

Таблица П4.3. Средние значения выделенных латентных переменных
для представителей различных кластеров (кластерные центры)

Описание кластера	Всесторонние обмены с родителями (Д родителями) + донорство детям	Д детям	Обмены с детьми (А от детей)	А от родителей	Обмены с родителями (А от родителей) + донорство детям	Материальные обмены с родителями (Д родителями) + донорство детям
Переменные	1	2	3	4	5	6
Трудовые трансферты: передавали родителям	0,75	0,01	0,01	0,08	0,30	0,09
Трудовые трансферты: передавали детям	0,14	0,17	0,12	0,04	0,05	0,00

4.5. Приложение к главе 4

Описание кластера	Всесторонние обмены с родителями (д родителями) + донорство детям	Д детям	Обмены с детьми (А от Дети)	А от родителей	Обмены с родителями (А от родителей) + донорство детям	Материальные обмены с родителями (Д родителями) + донорство детям
Переменные	1	2	3	4	5	6
Трудовые трансферты: передавали бабушкам, дедушкам	0,46	0,00	0,01	0,01	0,04	0,00
Трудовые трансферты: передавали внукам	0,01	0,10	0,08	0,01	0,01	0,00
Материальные трансферты: передавали родителям	0,35	0,01	0,01	0,05	0,06	1,00
Материальные трансферты: передавали детям	0,19	0,41	0,25	0,05	0,11	0,12
Материальные трансферты: передавали бабушкам, дедушкам	0,02	0,00	0,00	0,01	0,09	0,00
Материальные трансферты: передавали внукам	0,13	0,29	0,22	0,00	0,02	0,03
Трудовые трансферты: получали от родителей	0,22	0,00	0,01	0,95	0,11	0,20
Трудовые трансферты: получали от детей	0,01	0,00	0,42	0,08	0,00	0,00
Трудовые трансферты: получали от бабушек, дедушек	0,02	0,00	0,00	0,27	0,03	0,00
Трудовые трансферты: получали от внуков	0,00	0,00	0,16	0,06	0,00	0,00
Материальные трансферты: получали от родителей	0,15	0,00	0,01	0,45	0,90	0,27
Материальные трансферты: получали от детей	0,03	0,00	0,68	0,00	0,03	0,01
Материальные трансферты: получали от бабушек, дедушек	0,04	0,00	0,00	0,06	0,13	0,00
Материальные трансферты: получали от внуков	0,00	0,00	0,06	0,00	0,00	0,00
Размер кластера	442	1183	583	417	622	301

Таблица П4.4. Распределение домохозяйств по типу населенного пункта в зависимости от кластерной принадлежности, %

Название кластера	Д в нисходящих потоках	А в нисходящих потоках	А в восходящих обменах с детьми	Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	Материальные Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	А в восходящих обменах и Д в нисходящих материальных потоках	Всего
	2	4	3	1	6	5	
Село	28	35	37	31	20	26	30
Город	72	65	63	69	80	74	70
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Таблица П4.5. Распределение домохозяйств по возрасту главы д/х (по доходу) в зависимости от кластерной принадлежности, %

Название кластера	Д в нисходящих потоках	А в нисходящих потоках	А в восходящих обменах с детьми	Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	Материальные Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	А в восходящих обменах и Д в нисходящих материальных потоках	Всего
	2	4	3	1	6	5	
13–15	0	0	0	0	1	0	0
16–19	1	1	1	2	0	5	2
20–24	3	10	1	8	6	17	7
25–29	4	31	1	17	13	17	11
30–34	6	27	1	13	18	17	11
35–39	5	15	1	14	18	16	10
40–44	7	7	3	10	15	10	8
45–49	12	5	5	12	14	10	10
50–54	13	2	5	11	10	5	8
55–59	13	1	10	5	5	2	8
60–64	7	0	7	3	0	1	4
≥ 65	31	1	66	4	0	1	22
Всего	100	100	100	100	100	100	100

4.5. Приложение к главе 4

Таблица П4.6. Распределение домохозяйств по наличию в домохозяйстве хотя бы 1 человека с высшим образованием в зависимости от кластерной принадлежности, %

Название кластера	Д в нисходящих потоках	А в нисходящих потоках	А в восходящих обменах с детьми	Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	Материальные Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	А в восходящих обменах и Д в нисходящих материальных потоках	Всего
Номер кластера	2	4	3	1	6	5	
0	69	64	79	59	55	68	67
1	31	36	21	41	45	32	33
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Таблица П4.7. Распределение домохозяйств по количеству членов домохозяйства в зависимости от кластерной принадлежности, %

Название кластера	Д в нисходящих потоках	А в нисходящих потоках	А в восходящих обменах с детьми	Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	Материальные Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	А в восходящих обменах и Д в нисходящих материальных потоках	Всего
Номер кластера	2	4	3	1	6	5	
1	25	2	49	6	10	16	21
2	38	11	35	24	20	26	29
3	19	49	11	30	39	32	27
4	10	24	3	26	25	21	15
5 и более	8	15	2	15	7	6	8
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Таблица П4.8. Распределение домохозяйств по количеству детей 1–3 года в домохозяйстве в зависимости от кластерной принадлежности, %

Название кластера	Д в нисходящих потоках	А в нисходящих потоках	А в восходящих обменах с детьми	Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	Материальные Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	А в восходящих обменах и Д в нисходящих материальных потоках	Всего
Номер кластера	2	4	3	1	6	5	
0	96	66	98	88	90	87	90
1	4	32	2	12	10	13	10
2 и более	0	2	0	0	0	0	0
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Таблица П4.9. Распределение домохозяйств по количеству детей 4–6 лет в домохозяйстве в зависимости от кластерной принадлежности, %

Название кластера	Д в нисходящих потоках	А в нисходящих потоках	А в восходящих обменах с детьми	Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	Материальные Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	А в восходящих обменах и Д в нисходящих материальных потоках	Всего
Номер кластера	2	4	3	1	6	5	
0	96	71	99	91	88	91	91
1 и более	3	29	1	8	12	9	8
Всего	100	100	100	100	100	100	100

4.5. Приложение к главе 4

Таблица П4.10. Распределение домохозяйств по количеству детей 7–17 лет в домохозяйстве в зависимости от кластерной принадлежности, %

Название кластера	Д в нисходящих потоках	А в нисходящих потоках	А в восходящих обменах с детьми	Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	Материальные Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	А в восходящих обменах и Д в нисходящих материальных потоках	Всего
Номер кластера	2	4	3	1	6	5	
0	82	56	92	57	63	62	72
1	15	33	7	34	28	32	22
2 и более	2	11	1	9	8	6	5
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Таблица П4.11. Распределение домохозяйств по типу семьи в зависимости от кластерной принадлежности, %

Название кластера	Д в нисходящих потоках	А в нисходящих потоках	А в восходящих обменах с детьми	Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	Материальные Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	А в восходящих обменах и Д в нисходящих материальных потоках	Всего
Номер кластера	2	4	3	1	6	5	
Одиночки	25	2	49	6	10	16	21
Семейная пара без детей и других родственников	26	2	27	14	12	14	19
Семейная пара с 1–2 детьми или внуками	14	65	8	39	49	40	30
1 взрослый с 1–2 детьми	2	9	0	4	4	8	4
Сложные семьи (прочие)	33	23	15	38	26	22	27
Всего	100	100	100	100	100	100	100

*Глава 4. Поведение российских домохозяйств
в сфере межсемейных трансфертов*

Таблица П4.12. Распределение домохозяйств по квинтилям дефлированного среднедушевого дохода в зависимости от кластерной принадлежности, %

Название кластера	Д в нисходящих потоках	А в нисходящих потоках	А в восходящих обменах с детьми	Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	Материальные Д в восходящих обменах и нисходящих потоках	А в восходящих обменах и Д в нисходящих материальных потоках	Всего
Номер кластера	2	4	3	1	6	5	
1	15	27	17	20	9	23	18
2	22	17	29	19	8	16	20
3	20	17	27	17	16	17	20
4	22	21	17	17	23	24	21
5	21	18	11	26	44	21	21
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Таблица П4.13. Регрессионные коэффициенты (exp(B)) модели зависимости кластерной принадлежности от социально-демографических характеристик домохозяйства

	Доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках	Доноры в нисходящих потоках	Получатели в восходящих обменах с детьми	Получатели в нисходящих потоках	Получатели в восходящих обменах и доноры в нисходящих материальных потоках	Материальные доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках
	1	2	3	4	5	6
Возраст главы д/х	Референтная группа					
13–19 лет	Референтная группа					
20–29 лет	1,08	1,21	0,27**	2,05	0,59	1,78
30–39 лет	0,67	1,51	0,16**	1,23	0,36**	2,38
40–49 лет	0,55	2,23	0,69	0,54	0,21**	1,91
50–59 лет	0,68	3,10**	1,20	0,39	0,12**	2,00
Более 60 лет	0,30**	2,50	1,67	0,16**	0,02**	0,12**

4.5. Приложение к главе 4

	Доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках	Доноры в нисходящих потоках	Получатели в восходящих обменах с детьми	Получатели в нисходящих потоках	Получатели в восходящих обменах и доноры в нисходящих материальных потоках	Материальные доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках
	1	2	3	4	5	6
Доля членов д/х с высшим образованием	1,70**	0,95	0,85	1,32	1,51**	1,27
Доля занятых членов д/х	1,60	1,61**	0,60**	0,45**	0,78	1,39
Число детей до 1 года	1,56	0,88	2,45	8,32**	2,54**	2,11
Число детей от 1 до 3 лет	1,48	1,46	3,33**	6,59**	1,92**	1,62
Число детей от 4 до 6 лет	0,97	1,27	1,45	3,67**	1,06	1,31
Число детей от 7 до 17 лет	1,32**	1,08	1,53**	1,86**	1,29**	1,07
Доля пенсионеров в д/х	0,89	1,48**	1,59**	0,65**	0,51**	0,62
Количество человек в д/х	1,08	0,80**	0,57**	0,72**	0,82**	1,02
Город	0,89	1,02	0,68**	0,84	1,13	1,17
Село	Референтная группа					
Тип семьи:	Референтная группа					
одиночки	0,69	1,12	1,80**	0,44	2,15**	1,30
семейная пара без детей и других родственников	1,26	1,28	1,73**	0,67	1,95**	1,28
семейная пара с 1–2 детьми или внуками	1,60**	0,83	1,75**	2,71**	1,68**	2,04**
1 взрослый с 1–2 детьми	1,39	1,02	0,19	2,47**	1,76**	1,64
сложные (прочие) семьи	Референтная группа					
Квintильная группа по среднедушевому доходу	Референтная группа					
1-я	0,64**	0,62**	0,64**	0,74	1,29	0,19**

*Глава 4. Поведение российских домохозяйств
в сфере межсемейных трансфертов*

Окончание табл. П4.13

	Доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках	Доноры в нисходящих потоках	Получатели в восходящих обменах с детьми	Получатели в нисходящих потоках	Получатели в восходящих обменах и доноры в нисходящих материальных потоках	Материальные доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках
	1	2	3	4	5	6
2-я	0,89	0,80	0,75	0,94	1,39	0,24**
3-я	0,70**	0,81	1,09	0,75	1,16	0,41**
4-я	0,71**	0,97	1,02	1,08	1,55**	0,57**
5-я	Референтная группа					

Уровень значимости: ** — 5%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попробуем установить, есть ли какая-либо взаимосвязь между выявленными типами домохозяйств в проанализированных выше трех сферах: домашнего труда, агропроизводства и межсемейных трансфертов в 2006 г.

Взаимосвязь между выявленными типами в сферах домашнего труда, агропроизводства и межсемейных трансфертов

Что касается взаимосвязи первых двух сфер, то таблицы сопряженности и корреляционный анализ не показывают высокой степени взаимосвязи между этими типологиями. Вообще говоря, это не удивительно, если учесть достаточно сложную структуру неформального экономического поведения в этих полях. Тем не менее можно обнаружить некоторые закономерности (табл. ПЗ.1 Приложения к заключению). Прежде всего следует отметить, что среди домохозяйств с одним взрослым практически не встречаются те, кого можно было бы отнести к крупным сельскохозяйственным производителям; 68,7% среди них вовсе не занимаются агропроизводством, 16,3% являются средними производителями, не продающими свой урожай, а 8,4% — мелкими производителями. Не удивительно также, что среди одиноких взрослых с «сельскохозяйственным» типом домашнего труда «средних нетоварных» агропроизводителей оказалось 45,8% (тогда как среди всех одиночек — 16,3%), а «мелких» — 24,1% (среди всех одиночек — 8,4%). Эти люди значительную часть времени тратят на работу на земле, производят продукты земледелия или животноводства. Доля же не занимающихся подсобным хозяйством выше всего среди тех одиночек, чей тип домашнего труда выше был назван «минимальная домохозяйка» (79,3%), «минимальный мастер» (85,5%) и «воспитатель» (80%). Эти люди тратят на домашний труд немного времени, и среди их занятий практически не встречается работа на садово-огородном участке. Выше, чем в среднем по домохозяйствам одиночек, также доля средних и мелких производителей среди «мастеров».

Среди домохозяйств, в которых более двух взрослых, 47,4% не занимаются агропроизводством. Однако эта доля равна 63,8% среди тех семей, чей тип домашнего труда можно отнести к «воспитателям» (их специализация — дети, а не огород), и 67% — среди тех, чей домашний труд был на-

зван «повседневно-минимальным» (эти семьи в целом немного времени посвящают работе дома). Очевидно, что среди тех, чей домашний труд был отнесен к «огородническому» типу, выше всего доля крупных сельхозпроизводителей (33%, тогда как по всем семьям, где более одного человека, — 15,6%).

Как же взаимосвязан тип домашнего труда домохозяйства с его участием в межсемейных трансфертах (табл. ПЗ.2 Приложения к заключению)? Что касается домохозяйств с одним взрослым, то в среднем среди них 31,6% не участвуют в обменах, но среди одиночек-«мастеров» эта доля составляет всего 18,2%. Зато 42,4% одиночек-«мастеров» передают материальную и трудовую помощь своим детям, тогда как в среднем среди одиночек таких домохозяйств 25%. Выше, чем в среднем, также доля «нисходящих доноров» среди домохозяйств с одним взрослым, специализирующихся на сельскохозяйственном труде («огороднический» тип), — 33,3%. Еще почти треть из них, напротив, получают помощь от своих детей, как и одинокие «домохозяйки». Очевидно, что это домохозяйства одиноких пожилых людей, нуждающихся в поддержке младшего поколения.

В семьях, состоящих из двух взрослых и более, распределение типов обменной активности среди трех типов домашнего труда («патриархальный», «эгалитарно-традиционный» и «повседневно-минимальный») близко к среднему по этим домохозяйствам. Более трети не принимают участия в межсемейных трансфертах, 1/5 являются донорами в нисходящих потоках, примерно каждое десятое домохозяйство является получателем в восходящих обменах и донором в нисходящих материальных потоках, еще столько же — донорами в восходящих обменах и нисходящих потоках. Получают помощь от родителей около 8%, от детей — 6,6%, и еще 6% передают материальную помощь как детям, так и родителям.

Наибольшая доля не участвующих в межсемейных обменах домохозяйств — среди тех, где преобладает «эгалитарно-минимальный» тип домашнего труда. Среди «огородников» выше, чем в среднем, как доля тех, кто передает помощь детям (31,4%), так и тех, кто получает ее от детей (10,4%). Чаще всего (23,1%) получают помощь от родителей те семьи, тип домашнего труда которых был назван «заботливым»: это молодые семьи с детьми, нуждающиеся в помощи старшего поколения по уходу за внуками.

Пожалуй, наиболее слабые связи — между типом сельскохозяйственного производства и типом межсемейных трансфертов (табл. ПЗ.3 Приложения к заключению). Можно сказать лишь, что велика доля не участвующих в обменах домохозяйств среди фермеров (40,4%); доля тех, кто получает

помощь от родителей и, в свою очередь, оказывает ее своим детям, меньше среди тех, кто не занимается агропроизводством (14,2%). Чаще всего получают помощь от детей те домохозяйства, которые могут считаться крупными, но не товарными агропроизводителями (15,4%). А семей, которые помогают и детям, и родителям, больше всего как среди фермеров, так и среди некрупных товарных агропроизводителей (более чем по 12%).

Обобщенные модели поведения домохозяйств в сфере неформальных экономических отношений

Попробуем определить некоторые наиболее типичные модели поведения домохозяйств в трех рассмотренных сферах. Для этого применим модель кластерного анализа методом К-средних на 31 дихотомической переменной, которые соответствуют типу домохозяйства в агропроизводстве, в домашнем труде и в межсемейных обменах. Оптимальным оказалось разбиение домохозяйств на 6 кластеров (моделей). В целом следует сказать, что характер агропроизводства и обменной активности оказал большее влияние на различия между кластерами, чем различия в типе домашнего труда.

Самую большую группу (44,8% домохозяйств) можно назвать «горожанами», так как никто в этом кластере не занимается сельскохозяйственной деятельностью, и 88% проживают в городах (в том числе в Москве или Санкт-Петербурге — 18,3%, тогда как в среднем по выборке — 11,2%). Кроме того, 40,4% домохозяйств этого типа еще и не участвуют в обменной деятельности, т.е. мы можем разделить этот кластер еще на два подкласса — «закрытые» и «открытые» домохозяйства. Таким образом, далее будем рассматривать 7 кластеров-типов домохозяйств (табл. ПЗ.4 Приложения к заключению).

Первый кластер (16,3% домохозяйств), как уже говорилось, можно отнести к «замкнутым горожанам». Они не занимаются сельскохозяйственной деятельностью и не участвуют в межсемейных обменах, в них не представлен «огороднический» тип домашнего труда. И в целом представители этого типа занимаются домашними делами меньше, чем в любых других домохозяйствах (32 ч в неделю — женщины, 14,5 ч — мужчины). В этой группе выше всего доля живущих в Москве и Санкт-Петербурге (21,6% семей), хотя душевой доход примерно равен среднему по выборке (5,7 тыс. руб. на человека в месяц — напомним, что данные относятся к 2006 г.).

Представители второго кластера — «открытые горожане» (24,1%) — также не занимаются агропроизводством, но активно участвуют в межсе-

мейных обменах (не представлен только один тип обменной деятельности, который характерен для пятого кластера). Эти домохозяйства также в подавляющем большинстве живут в городах, однако доля жителей обеих столиц меньше, чем в первом кластере (16%). В этом кластере больше всего домохозяйств-одиночек (28,4%), самый высокий душевой доход (6,6 тыс. руб. в месяц), члены этих домохозяйств тратят на домашний труд примерно столько же времени, как в среднем по выборке (38 ч в неделю — женщины, 20 ч — мужчины). Как первая, так и вторая группы ничем не отличаются от средних по выборке характеристик — таких как пол, возраст, образование и занятость членов домохозяйства.

Третий кластер (15,7%) можно назвать «замкнутыми провинциалами». Они совсем не участвуют в обменной деятельности, но все что-нибудь производят на имеющейся у них земле. При этом почти треть можно отнести к крупным сельхозпроизводителям. У каждого пятого домохозяйства в этом кластере «огороднический» тип домашнего труда, что, конечно, объясняется спецификой их деятельности. Более половины проживают в сельской местности (в среднем по России эта доля составляет 30%), еще 23% — в небольших городах, только 18,3% — в областных центрах и всего 7,3% — в Москве или Санкт-Петербурге. Это самые крупные по размеру семьи (в каждом пятом — 5 человек и более), почти половина — сложные семьи, как правило, включающие несколько поколений. Мы полагаем, что именно этим и объясняется их «замкнутый» характер, т.е. неучастие в межсемейных обменах. Кроме того, это люди с самым низким уровнем душевого дохода (4,8 тыс. руб. в месяц), с самым низким уровнем образования (46% членов семьи не имеют никакого профессионального образования) и с очень низким уровнем экономической активности (43% — экономически неактивные).

Четвертый кластер (14,9% выборки) — самый загадочный. Все домохозяйства этого типа занимаются сельским хозяйством, но с небольшим объемом производства, они ничего из выращенного не продают. Более 80% участвуют в обменах, чаще всего передавая что-то детям или внукам. Четыре из десяти семей в этом кластере относятся к «патриархальному» типу разделения домашнего труда, хотя затраты времени мужчин и женщин близки к средним по выборке. Это небогатые домохозяйства (4,9 тыс. руб. на человека в месяц). По остальным социально-экономическим характеристикам члены этих семей не отличаются от среднего россиянина. Живут они также все в провинции, но выше, чем в предыдущем типе, доля живущих в областных центрах и ниже — в сельской местности. Выше, чем

в среднем, их представительство на Урале и в Волго-Вятском регионе. Условно этот тип можно назвать «дачниками».

Отличительная черта пятого кластера (9,7% выборки) — то, что все входящие в него домохозяйства что-то получают от своих родителей и что-то передают детям, представляя собой, таким образом, что-то вроде «перевалочного пункта». Его представители чаще всего живут в областном центре (44%) или в другом городе (27%), гораздо реже — в сельской местности (19%) и почти никогда — в столице. Больше 3/4 этих домохозяйств не занимаются агропроизводством. Этот кластер существенно отличается от среднего по выборке по демографическому составу. Это семьи, состоящие из людей среднего возраста, с 1–2 несовершеннолетними детьми (лишь 1,5% их членов — старше 60 лет). Три четверти членов этих домохозяйств работают по найму, не слишком много времени тратят на домашний труд (мужчины — 19 ч, женщины — 36 ч). Выше, чем в среднем, в этой группе представлен тип домашнего труда, который был назван «заботливым». Конечно, это связано с тем, что здесь больше всего семей с детьми. Душевой доход — 6,2 тыс. руб. в месяц. Этот тип можно назвать «передаточным», имея в виду характерный для них тип межсемейных обменов.

Шестой кластер (7,3% выборки) — «немолодые доноры» — это семьи, которые помогают материально или своим трудом детям либо внукам. Это также жители провинции, примерно поровну распределенные между областными центрами, другими городами и сельской местностью. Характерно, что 35% этой группы — семейная пара без других родственников (что в 2 раза выше, чем в среднем по выборке). Здесь самая высокая доля людей пенсионного возраста (40%, тогда как в среднем — 21%) и экономически неактивных (47%). То есть это преимущественно семьи пенсионеров, занимающихся сельским хозяйством (чаще всего в небольших масштабах) и помогающих своим детям. Для 37% характерен «огороднический» тип домашнего труда, женщины тратят на домашнее хозяйство 50 ч в неделю (больше, чем в любой другой группе), а мужчины — 27 ч.

И наконец, седьмой кластер (7,6%) в наибольшей степени представлен сельскими домохозяйствами (60%), поэтому и получил название «крестьяне». В нем выше всего доля крупных сельхозпроизводителей (52%), хотя «огороднический» тип домашнего труда представлен реже, чем среди «немолодых доноров». Здесь также очень высоки затраты времени на домашний труд: у женщин — 45 ч в неделю, у мужчин — 27 ч. Две пятых семей — нуклеарные (2 взрослых и 1–2 несовершеннолетних ребенка). Возраст и занятость членов этих домохозяйств такие же, как по выборке

в среднем, а образование — ниже (45% не имеют никакого диплома, кроме школьного). Душевой доход — 5,4 тыс. руб. в месяц. В этом кластере наиболее высокая доля получающих какую-либо помощь от своих детей (36,4%, тогда как по всей выборке — 10,2%), в то же время 30% являются донорами по отношению как к детям, как и к родителям (в среднем такой тип обмена характерен для 8% домохозяйств).

Краткие итоговые выводы

Итак, наше исследование показало, что в целом неформальные экономические отношения в рассматриваемых сферах составляют важную часть жизни российских домохозяйств. Сфера домашнего труда касается всех, и, хотя объем расходуемого на домашние дела времени довольно сильно дифференцирован в зависимости от социально-экономических характеристик индивида (прежде всего пол, возраст, занятость на рынке труда и состав семьи), он представляет собой весьма существенный источник благ, создаваемых, а затем и потребляемых внутри домохозяйства. При этом пока рыночные заменители домашнего труда (такие как услуги по уборке дома, доставке продуктов питания, да и обычный обед вне дома) не слишком распространены. Конечно, все большее распространение бытовой техники (стиральная и посудомоечная машина, микроволновая печь и т.д.) способно несколько снизить затраты времени на домашний труд, и в целом домохозяйства, обеспеченные товарами длительного пользования, имеют возможность облегчить эти усилия. Однако, к сожалению, проследить динамику средних затрат на домашнее хозяйство в эпоху стремительного распространения бытовой техники (вторая половина 1990-х — первая половина 2000-х годов) на представленных данных невозможно, так как полноценный блок вопросов об этой сфере жизни был включен в обследование только в 2006 г.

Что касается сельскохозяйственной деятельности, то в России она традиционно составляет весьма важную часть домашнего производства, по крайней мере, с точки зрения затрат времени. Несмотря на то что доля агропроизводителей за 1994–2006 гг. снизилась среди как городских, так и сельских домохозяйств, а у горожан упала также доля доходов в бюджете семьи от продажи сельскохозяйственной продукции, все же 4/5 сельских и 2/5 городских семей что-либо выращивают на своем участке, а некоторые даже производят животноводческую продукцию. Роль участка как способа выживания для городских семей, достаточно высокая в начале 1990-х годов, существенно снизилась. Об этом говорит снижение доли

тех, кто выращивает на своем участке картофель, а также его урожая. Мы упоминали и о падении доли от продажи сельхозпродукции в бюджете горожан. Однако на селе продажа произведенного на земле остается, как это и должно быть, важным источником дохода. Кроме того, среди как сельских, так и городских домохозяйств даже выросла доля тех, кто, имея участок, выращивает на нем огурцы, ягоды, яблоки и т.д., не снижается и средний урожай в расчете на семью. Это говорит о том, что, несмотря на существенный рост доходов в России за первую половину 2000-х годов, люди не начинают замещать работу на своем участке покупкой фруктов и овощей в магазине. Это говорит как о силе традиций (по крайней мере, пока живо поколение, выросшее при социализме), так и о том, что «огородничество» как тип занятий дачников не представляет собой исключительно затраты домашнего труда в обмен на урожай, которые, согласно теории, должны уменьшиться в ответ на рост доходов в рыночном секторе. Скорее, для многих это альтернатива пассивного отдыха, вариант хобби, а также стремление к экологически чистой сельхозпродукции.

Очень важную часть повседневной жизни россиян составляют и практики реципрокности, т.е. взаимной передачи материальных или трудовых ресурсов. Такие потоки не оказываются на основе «обмена» или тем более эквивалентности, а, скорее, подчиняются логике «дара», как это показано в работе С. Барсуковой [Барсукова, 2004] и других авторов. Далеко не всегда эти потоки с полным правом могут быть названы «помощью», так как нередко они идут не в сторону менее обеспеченных, представляя собой на самом деле вариант подарка, который дарящему доставляет не меньше радости, чем принимающему. Тем не менее в российских традициях остается и реальная межсемейная помощь, особенно когда речь идет об альтернативе «бабушка или детский сад». Разумеется, для наиболее бедных семей входящие потоки являются важным источником существования. Так, в 2006 г. в нижнем квинтиле домохозяйств по душевому доходу (самые бедные) доля дохода, полученного от частных трансфертов, составляла 11%, тогда как в самом обеспеченном квинтиле — 7,5% (в 1994 г. эти значения в нижнем и верхнем квинтилях практически не различались). Что интересно, самая низкая доля доходов от частных трансфертов — 6% — наблюдалась в средней группе по уровню доходов. Аналогично в группе самых богатых доля расходов на частные трансферты составляла в 2006 г. 5,5%, тогда как в группе самых бедных — 2,8% (для сравнения: в 1994 г. эти доли составляли 7,3 и 4,4%). Таким образом, хотя и можно сделать вывод о том, что роль частной материальной

помощи как источника семейных ресурсов снизилась, однако домохозяйства всех уровней финансового благополучия участвуют как в получении, так и в передаче трансфертов. Более того, это участие за десятилетие даже выросло: если в 1994 г. только четверть домохозяйств отмечали наличие входящих материальных потоков, то в 2005–2006 гг. — почти треть. В 1995–1996 гг. отмечался самый низкий уровень участия российских семей в передаче материальных ресурсов (23–24%), а к 2006 г. он повысился до 32%.

Таким образом, увеличивающаяся вовлеченность в реципрокные отношения при снижающемся объеме передаваемых потоков на фоне общего роста доходов в первой половине 2000-х годов подтверждает мысль прежде всего о символическом характере таких трансакций. Об этом же говорит и участие в донорстве самых бедных, а в принятии трансфертов — самых богатых. Однако данные RLMS все же не позволяют судить о тотальности вовлечения российских домохозяйств в межсемейные обмены, как это делают некоторые исследователи [Барсукова, 2004; Фадеева, 1999; Лылова, 2002]. «Все без исключения семьи погружены в сетевой обмен» [Барсукова, 2004, с. 45] — такое утверждение представляется нам как минимум малообоснованным, так как сделано оно на базе обследования всего 29 домохозяйств. Конечно, разница в методике (в приведенном примере семьи вели дневник обменов в течение года, в RLMS период обследования — 1 месяц) неизбежно приводит к различию в оценках, так как очевидно, что во втором случае значительная часть эпизодических трансакций остается неучтенной. Тем не менее говорить о 100%-ной вовлеченности россиян в реципрокность — явное преувеличение, когда желаемое выдается за действительное без очевидных на то оснований. Это касается не только городских, но и сельских домохозяйств — как показывают данные RLMS (репрезентативные для России), уровень участия селян в трансфертах даже ниже. По крайней мере, как было отмечено выше, очевидно существует кластер сложных сельских семей (включающих несколько поколений), которые обмениваются материальными и трудовыми потоками внутри домохозяйства, ничего не передавая и не получая извне.

Наконец, во всех трех изучаемых сферах мы обнаружили высокую взаимосвязь выявленных форм деятельности с социально-экономическими и демографическими характеристиками семей, что подтверждает сделанный П. Бурдые вывод о том, что условия жизни определяют через формирование определенного габитуса формы поведения людей. Важно

также, что способы неформальных экономических отношений домохозяйств в разных сферах оказываются взаимосвязанными. Прежде всего это касается типов межсемейных связей и участия в сельскохозяйственном производстве, в меньшей степени — способа разделения домашнего труда. Выявленные нами семь «комплексных» способов поведения являются, скорее, некоторыми «идеальными» типами, в той или иной степени реальные домохозяйства отличаются от них, так как модель, разумеется, не может охватить всего богатства форм деятельности и взаимоотношений людей. Тем не менее сам факт, что не просто в каждой из сфер по отдельности, но и в широкой гамме неформальной экономики российских домохозяйств обнаруживаются сходные модели поведения, представляется нам весьма важным. Не менее значимо и то, что типы домохозяйств, построенные исключительно на данных об их деятельности, оказались различными по своей социально-экономической и демографической структуре. Это позволяет предположить, что, зная состав и основные характеристики семьи, мы можем с определенной вероятностью предсказать и способ ее поведения в неформальной домашней экономике.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

Таблица ПЗ.1. Взаимосвязь между типом домашнего труда и типом агропроизводства домохозяйств, RLMS, 2006 г. (N = 4991, % по строке)

Тип домашнего труда	Тип агропроизводства: фермер							Итого
	крупный, продажи > 30%	крупный, продажи < 30%	крупный без продаж	средний с продажами	средний без продаж	мелкий	нет агро-производства	
<i>Домохозяйства с двумя взрослыми и более</i>								
«Патриархальный»	3,3	4,8	7,1	3,5	24,2	7,1	50,1	100,0
«Эгалитарно-минимальный»	2,4	4,0	5,0	2,2	23,0	8,7	54,7	100,0
«Огороднический»	8,9	11,0	12,9	8,5	44,4	14,3		100,0
«Заботливый»	1,9	3,0	4,9	1,7	17,1	7,6	63,8	100,0
«Эгалитарно-традиционный»	6,2	8,0	7,4	6,4	27,7	7,0	37,3	100,0
«Повседневно-минимальный»	1,1	1,3	4,4	1,3	16,0	9,0	67,0	100,0
Всего по домохозяйству с двумя взрослыми и более	3,7	5,1	6,8	3,7	24,8	8,5	47,4	100,0
<i>Домохозяйства с одним взрослым</i>								
«Домохозяйка»	0,4	0,5	2,9	2,7	16,1	8,7	68,7	100,0
«Минимальная домохозяйка»	0,2		2,2	1,0	12,4	4,9	79,3	100,0
«Минимальный мастер»		1,2			7,2	6,0	85,5	100,0
«Мастер»			3,0	3,0	27,3	9,1	57,6	100,0
«Воспитатель»			5,0			15,0	80,0	
«Огородник»	3,6	1,2	8,4	15,7	45,8	24,1	1,2	100,0
Всего по домохозяйству с одним взрослым	0,5	0,4	2,9	2,8	16,3	8,4	68,7	100,0

Таблица ПЗ.2. Взаимосвязь между типом домашнего труда и типом межсемейных обменов домохозяйств, RLMS, 2006 г. (N = 5045, % по строке)

Тип домашнего труда	Тип межсемейных обменов							Итого
	Доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках	Доноры в нисходящих потоках	акцепторы в восходящих обменах с детьми	получатели в нисходящих потоках	получатели в восходящих обменах и доноры в нисходящих материальных потоках	материальные доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках	не участвуют в обмене	
<i>Домохозяйства с двумя взрослыми и более</i>								
«Патриархальный»	8,1	21,4	7,6	6,8	11,4	6,1	38,7	8,1
«Эгалитарно-минимальный»	10,7	15,8	4,0	6,3	10,7	6,9	45,7	10,7
«Огороднический»	9,3	31,4	10,4	2,9	5,4	3,4	37,2	9,3
«Заботливый»	10,3	10,7	2,3	23,1	15,9	6,5	31,2	10,3
«Эгалитарно-традиционный»	11,9	20,8	8,3	8,9	10,9	6,0	33,1	11,9
«Повседневно-минимальный»	9,2	22,0	7,2	5,0	13,7	6,5	36,4	9,2
Всего по домохозяйству с двумя взрослыми и более	9,6	20,2	6,6	8,3	11,4	6,0	37,8	9,6
<i>Домохозяйства с одним взрослым</i>								
«Домохозяйка»	2,9	23,4	26,3	2,7	9,7	1,8	33,3	100,0
«Минимальная домохозяйка»	4,4	26,2	16,7	2,9	13,8	3,9	32,2	100,0
«Минимальный мастер»	4,8	18,1	21,7	4,8	14,5	7,2	28,9	100,0
«Мастер»		42,4	9,1	6,1	15,2	9,1	18,2	100,0
«Воспитатель»		10,0		35,0	25,0	15,0	15,0	100,0
«Огородник»	1,1	33,3	31,0	1,1	3,4		29,9	
Всего по домохозяйству с одним взрослым	3,3	25,0	22,1	3,4	11,4	3,2	31,6	100,0

Таблица ПЗ.3. Взаимосвязь между типом агропроизводства и типом межсемейных обменов домохозяйств, RLMS, 2006 г. (N = 5483, % по строке)

Тип агропроизводства: фермер	Тип межсемейных обменов							Итого
	доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках	доноры в нисходящих потоках	акцепторы в восходящих обменах с детьми	получатели в нисходящих потоках	получатели в восходящих обменах и доноры в нисходящих материальных потоках	материальные доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках	не участвуют в обмене	
Крупный, продажи > 30%	12,8	21,8	7,1	4,5	7,7	5,8	40,4	100,0
Крупный, продажи < 30%	5,7	19,3	12,7	6,6	12,3	5,7	37,7	100,0
Крупный без продаж	9,1	23,3	15,4	6,3	7,2	4,7	34,0	100,0
Средний с продажами	12,2	25,4	11,1	8,5	9,5	3,2	30,2	100,0
Средний без продаж	8,3	24,9	11,3	6,9	6,8	3,0	38,8	100,0
Мелкий	7,2	25,3	9,7	5,1	8,6	5,5	38,7	100,0
Нет агропроизводства	7,4	18,9	9,7	8,5	14,2	6,7	34,6	100,0
Всего	7,9	21,4	10,5	7,6	11,2	5,5	36,0	100,0

Таблица ПЗ.4. Распределение типов агропроизводства, домашнего труда и межсемейных обменов по кластерам, RLMS, 2006 г. (N = 4223, % по столбцу)

Номер кластера	ЗГ	ОГ	ЗП	Д	ПП	НД	К	Итого
<i>Тип агропроизводства: фермер</i>								
Крупный, продажи > 30%			7,4		2,3	9,1	11,9	2,9
Крупный, продажи < 30%			9,7		5,1	11,0	15,6	4,0
Крупный без продаж			13,2		4,5	18,7	26,5	5,9
Средний с продажами			6,9		3,5	12,4	15,4	3,5
Средний без продаж			41,4	100,0		20,1		22,8
Мелкий			21,4		7,2	28,8	30,5	8,5
Нет агропроизводства	100,0	100,0			77,4			52,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>Типы межсемейных обменов</i>								
Доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках		14,6		12,8			29,8	8,1

Приложение к заключению

Номер кластера	ЗГ	ОГ	ЗП	Д	ПП	НД	К	Итого
Доноры в нисходящих потоках		36,5		29,1		100,0		21,4
Акцепторы в восходящих обменах с детьми		18,9		16,3			36,4	10,2
Получатели в нисходящих потоках		16,7		9,0			18,1	7,2
Получатели в восходящих обменах и доноры в нисходящих материальных потоках				10,9	100,0			11,3
Материальные доноры в восходящих обменах и нисходящих потоках		13,3		4,2			15,7	5,4
Не участвуют в обмене	100,0		100,0	17,8				36,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>Типы разделения домашнего труда</i>								
«Патриархальный»	26,3	22,9	15,9	41,5	25,7	21,6	24,6	25,5
«Эгалитарно-минимальный»	18,0	12,1	18,7	10,2	12,6	7,4	11,0	13,5
«Огороднический»			20,5	7,1	3,3	37,5	17,5	8,7
«Заботливый»	9,5	12,1	7,9	7,0	13,4	2,2	9,9	9,5
«Эгалитарно-традиционный»	6,0	7,9	14,3	10,9	8,2	11,8	17,0	10,0
«Повседневно-минимальный»	12,1	11,3	7,3	5,8	11,5	3,8	6,8	9,1
«Домохозяйка»	13,6	16,0	7,9	7,5	10,1	7,1	6,0	11,1
«Минимальная домохозяйка»	11,7	12,7	3,3	4,8	11,1	3,3	1,6	8,2
«Минимальный мастер»	2,4	3,0	0,3	0,7	2,3	0,3	0,5	1,7
«Мастер»	0,2	1,0	0,5	0,9	0,8	0,8		0,7
«Воспитатель»	0,2	0,7	0,1		1,0	0,3	0,3	0,4
«Огородник»		0,1	3,3	3,5		3,8	4,7	1,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
<i>Характеристика кластеров</i>								
<i>Количество домохозяйств в кластере</i>	906	1333	785	743	486	365	382	5001
<i>Доля домохозяйства в кластере, %</i>	16,3	24,1	15,7	14,9	9,7	7,3	7,6	100,0

Примечание. ЗГ — «замкнутые горожане», ОГ — «открытые горожане», ЗП — «замкнутые провинциалы», Д — «дачники», ПП — «перевалочный пункт», НД — «немолодые доноры», К — «крестьяне».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Attias-Donfut C., Ogg J., Wolff F.* European Patterns of Intergenerational Financial and Time Transfers. 2005. (online) URL: <http://www.sc-eco.univ-nantes.fr/~fcwolff/wolff/eja_H_20.pdf>
- Becker G.S.* A Theory of Social Interactions // *Journal of Political Economy*. 1974. Vol. 82. P. 1063–1093.
- Becker G.* Theory of Allocation of Time // *Economic Journal*. 1965. Vol. 75. P. 493–517.
- Bergman B.R.* The Economic Risks of Being Housewife // *The American Economic Review*. Vol. 71. No. 2. Papers and Proceeding of the Ninety-Third Annual Meeting of the American Economic Association. 1981. May. P. 81–86.
- Bianchi S.M., Milkie M.A., Sayer L.C., Robinson J.P.* Is anyone Doing the Housework? Trend in the Gender Division of Household Labor // *Social Forces*. 2000. Vol. 79. No. 1. Sep. P. 191–228.
- Cheal D.* Intergenerational Family Transfers // *Journal of Marriage and the Family*. 1983. Vol. 45. No. 4. P. 805–813. (online) URL: <www.jstor.org>
- Cigno A.* Home-Production and the Allocation of Time // Sapsford D., Tzanatos Z. *The economics of the labor market*. Macmillan Press LTD, 1993. Ch. 2.
- Couch K., Daly M., Wolf D.* Time? Money? Both? The Allocation of Recourses to Older Parents // *Demography*. 1999. Vol. 36. No. 2. P. 219–232.
- Coverman S.* Explaining husbands' participation in domestic labor // *The Sociological Quarterly*. 1985. Vol. 26. Is. 1. P. 81–97.
- Cox D.* Intergenerational Transfers and Liquidity Constraints // *The Quarterly Journal of Economics*. 1990. Vol. 105. No. 1. P. 187–217. (online) URL: <www.jstor.org>
- Cox D., Rank M.* Inter-Vivos Transfers and Intergenerational Exchange // *The Review of Economics and Statistics*. 1992. Vol. 74. No. 2. P. 305–314. (online) URL: <www.jstor.org>
- Demo D.H., Acock A.C.* Family diversity and the division of domestic labor: how much have things really changed? // *Family Relation*. 1993. Vol. 42. No. 3. P. 323–331.
- Friedan B.* *The second Stage*. New York: Summit Books, 1981.
- Goldberger A.S.* Economic and Mechanical Models of Intergenerational Transmission // *The American Economic Review*. 1989. Vol. 79. No. 3. Jun. P. 504–513.
- Gronau R.* The Effect of Children on the Housewife's Value of Time // *Journal of Political Economy*. 1973. Vol. 81. No. 2. Part 2: New Economic Approaches to Fertility. P. S168–S199.
- Gronau R.* The Intrafamily allocation of time: the value of the housewives' time // *The American Economic Review*. 1973. Vol. 63. No. 4. Sep.

- Gronau R.* Leisure, Home Production and Work — the Theory of the Allocation of Time Revisited // *Journal of Political Economy*. 1977. Vol. 85. No. 6. P. 1099–1123.
- Gronau R.* Home Production — A Survey / O. Ashenfelter, R. Layard (eds). Handbook of Labor Economics. Vol. I. Amsterdam, N.Y.: North-Holland, 1986.
- Hao L.* Family Structure, Private Transfers, and the Economic Well-Being of Families with Children // *Social Forces*. 1996. Vol. 75. No. 1. P. 269–292. (online) URL: <www.jstor.org>
- Hardesty C, Bokemeier J.* Finding time and making do: distribution of household labor in nonmetropolitan marriage // *Journal of Marriage and Family*. 1989. Vol. 51. No. 1. P. 253–267.
- Harper S.* The Rural-Urban Interface in England: A Framework of Analysis // *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*. 1987. Vol. 12. No. 3. P. 284–302.
- Hartmann H.* The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Towards a More Progressive Union // *Women and Revolution: a Discussion of the Unhappy Marriage of Marxism and Feminism* / L. Sargent (ed.). Boston: South End Press, 1981. P. 1–41.
- Ishii-Kuntz M., Coltrane S.* Remarriage, Stepparenting, and Household Labor // *Journal of Family Issues*. Vol. 13. No. 2. P. 215–233.
- Jellal M., Wolff F.* Gifts, Bequests and Family Incentives // *Economic Letters*. Second revision. March 2006. (online) URL: http://www.sc-eco.univ-nantes.fr/~fcwolff/wolff/bequest_r2.pdf
- Kamo Y.* Determinants of household division of labor, resource, power and ideology // *Journal of Family Issues*. 1988. No. 9(2). Jun. P. 177–200.
- Kamo Y.* A nonlinear effect of the number of children on the division of household labor // *Social Perspectives*. 1991. Vol. 34. No. 2. P. 205–318.
- Kotlikoff L.J.* Intergenerational Transfers and Savings // *Journal of Economic Perspectives*. 1988. No. 2(2). P. 41–58.
- Kuhn R., Stillman S.* Understanding Interhousehold Transfers in a Transition Economy: Evidence from Russia // *Institute of Behavioral Science. Population Aging Center. Working Paper PAC 2002-0003*. Aug. 2002.
- LaFerrere A., Wolff F.* Microeconomic Models of Family Transfers // Version 2.3 for chapter 11, *Handbook on the Economic on Giving, Reciprocity and Altruism* / S.C. Kolm, J. Mecier-Ytier (eds). NorthHolland, 2006. (online) URL: <<http://www.sc-eco.univ-nantes.fr/~fcwolff/wolff/chapt11.pdf>>
- Lee Y., Parish W., Willis R.* Sons, Daughters, and Intergenerational Support in Taiwan // *The American Journal of Sociology*. 1994. Vol. 99. No. 4. P. 1010–1041.
- Lillydahl J., Signell L.* The Scope of the Grants Economy and the Income Distribution: An Examination of Intergenerational Transfers of Income // *American Journal of Economics and Sociology*. 1982. Vol. 41. No. 2. P. 125–139.
- McAllister I.* Gender and the division of labor: employment and earning variation in Australia // *Work and Occupations*. 1990. Vol. 17. No. 1. P. 79–99.

- McGarry K., Schoeni R.* Transfer Behavior in the Health and Retirement Study: Measurement and the Redistribution of Resources within the Family // *Journal of Human Resources*. 1995. Vol. 30. No. 0. P. S184–S226.
- Meiners Jane E., Olson Geraldine I.* Household, Paid, and Unpaid Work Time of Farm Women // *Family Relations*. Vol. 36. No. 4. Rural Families: Stability and Change. 1987. Oct. P. 407–411.
- Michael R.T., Fuchs V.R., Scott S.R.* Changes in the Propensity to Live Alone: 1950–1976 // *Demography*. 1980. No. 17. P. 39–56.
- Modigliani F.* The Role of Intergenerational Transfers and Life Cycle Saving in the Accumulation of Wealth // *The Journal of Economic Perspectives*. 1988. Spring. Vol. 2. No. 2. P. 15–40.
- Moore W.* Aging and the Social System // *Aging and Social Policy*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1966. P. 23–41.
- Mroz T.A., Mancini D., Popkin B.M.* Monitoring Economic Conditions in the Russian Federation: The Russia Longitudinal Monitoring Survey 1992–1998. Report submitted to the U.S. Agency for International Development. Chapel Hill, N.C.: Carolina Population Center, University of North Carolina at Chapel Hill, 1999.
- Nickols S.Y., Metzen E.J.* Impact of wife's employment upon husbands' housework // *Journal of Family Issues*. 1982. Vol. 3. No. 2. P. 199–216.
- Oakley A.* *The Sociology of Housework*. London: Martin Robertson, 1974.
- Presser H.B.* Employment schedules among dual-earner spouses and the division of household labor by gender // *American Sociological Review*. 1994. Vol. 59. P. 348–364.
- Régnier-Loilier A.* How Often Do Adult Children See Their Parents? // *Population Societies*. 2006. No. 427. Oct.
- Riley M.W.* Social Gerontology and the Age Stratification of Society // *Gerontologist*. 1971. Spring. Part 1. P. 79–87.
- Rosenzweig M., Wolpin K.* Intergenerational Support and the Life-Cycle Incomes of Young Men and Their Parents: Human Capital Investments, Coresidence, and Intergenerational Financial Transfers // *Journal of Labor Economics*. Part 1: Essays in Honor of Jacob Mincer. 1993. Vol. 11. No. 1. P. 84–112.
- Rosenzweig M., Wolpin K.* Parental and Public Transfers to Young Women and Their Children // *The American Economic Review*. 1994. Vol. 84. No. 5. P. 1195–1212. (online) URL: <www.jstor.org>
- Rosenzweig M., Wolpin K.* Parental and Public Transfers to Young Women and Their Children // *The American Economic Review*. 1994. Vol. 84. No. 5. P. 1195–1212.
- Serova Eu.* The changes in farms' economic behavior during the economic reforms in Russia in the 1990s // *Russian Views of the Transition in the Rural Sector*. The World Bank, 2000. P. 103–118
- Shelton B.A., John D.* The Division of Household Labor // *Annual review of sociology*. 1996. Vol. 22. P. 00299–00322.

- Sloan F., Zhang H., Wang J.* Upstream Intergenerational Transfers // *Southern Economic Journal*. 2002. Vol. 69. No. 2. P. 363–380.
- South S.J., Spitze G.* Housework in marital and nonmarital households // *American Sociological Review*. 1994. Vol. 59. No. 2. P. 327–347.
- Southworth C.* The Dacha Debate: Household Agriculture and Labor Markets in Post-Socialist Russia // *Rural Sociology*. 2006. Vol. 71(3). P. 451–478.
- Streib G.* Family Patterns in Retirement // *Journal of Social Issues*. 1958. Spring. No. 14. P. 46–60.
- Wolff F., Spilerman S., Attias-Donfut C.* Do parents Help More Their Less Well-off Children? Evidence from a Sample of Migrants to France. 2005.
- Алашеев С., Вариавская Е., Карелина М.* Подсобное хозяйство городской семьи // *Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России*. М.: РОССПЭН, 1999.
- Артемов В.А., Калмык В.А., Хахулина Л.А. и др.* Методология и методика системного изучения советской деревни / под ред. Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной. Новосибирск: Наука, 1980.
- Балабанова С.Е.* Гендерные исследования. Домашний труд как символ гендера и власти. Универсальные базы данных East View. 2005.
- Барсукова С.Ю.* Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
- Барсукова С.Ю.* Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02. Серия WP4. Социология рынков. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
- Барсукова С.Ю.* Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // *Мир России*. 2003. № 2. С. 81–122.
- Барсукова С.Ю., Радаев В.В.* Легенды о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // *Мир России*. 2000. № 4.
- Брайнс Дж.* Экономическая зависимость, гендер и домашнее разделение труда // *Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики* / отв. ред. и сост. Е.Б. Мезенцева. М.: ИСЭПН РАН — МЦГИ — Русская панорама, 2002. С. 328–351.
- Виноградский В., Виноградская О.* Как сельские частники сопротивляются «правовому разглаживанию» их хозяйственных практик // *Отечественные записки*. 2004. № 1.
- Вовк Е.* Мужья и жены: распределение семейных обязанностей. М.: ФОМ, 2007. URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/famil/d070922>
- Галин Р.А., Ларцева С.А.* Личное подсобное хозяйство в Республике Башкортостан // *Социологические исследования*. 2006. С. 66–71.
- Гладникова Е.В.* Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие // *Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры (SPERO)*. № 7. Осень–зима 2007.

- Голофаст В.Б.* Семья в крупном городе // Социология семьи. Статьи разных лет / под ред. О.Б.Божкова. СПб.: Алетей, 2006. С. 17–236.
- Градосельская Г.В.* Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 156–163.
- Градосельская Г.В.* Анализ социальных сетей. Автореф. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук. На правах рукописи. М., 2001.
- Градосельская Г.В.* Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 156–163.
- Гудков Л., Дубин Б.* Сельская жизнь: рациональность пассивной адаптации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 6(62). С. 23–37.
- Денисенко М.Б.* Благополучие и трансферты пожилых людей в городах России (по материалам обследований в Нижнем Новгороде, Орле и Твери) // Демографические и социально-экономические аспекты старения населения. Вторые Валентеевские чтения: в 2 кн. Кн.1. Москва, МГУ, 18–19 ноября 1999 г. Тезисы докладов / науч. ред. В.М. Моисеенко. М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 150–161.
- Скотт Дж.* Моральная экономика крестьянства как этика выживания // «Великий незнакомец». Крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Теодор Шанин. М., 1992.
- Домохозяйство, семья и семейная политика* / под ред. В.В. Елизарова, Н.В. Зверевой. М.: Диалог-МГУ, 1997.
- Елисеева И.И., Прокофьева Л.М., Фести П.* Влияние развода на межпоколенные контакты // Демографические и социально-экономические аспекты старения населения: Вторые Валентеевские чтения: в 2 кн. Кн.1. Москва, МГУ, 18–19 ноября 1999 г. Тезисы докладов / науч. ред. В.М. Моисеенко. М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 171–188.
- Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю.* Российская семья на европейском фоне. М.: Институт социально-экономических проблем РАН, 1998.
- Злотников А.Г.* Аграрные преобразования в фокусе общественного мнения // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 114–122.
- Иванова Е.И.* Межпоколенные трансферты и их роль в решении социальных проблем пожилых людей в сельской местности. The Fifth International Conference on “Public Sector Transition”. Association for Studies in Public Economics. St. Petersburg. 24–25 May 2002.
- Иванова Е.И., Смирнова Е.А.* Риск конфликта между поколениями в современной России: семья, общество, государство. Итоговый научный отчет. Программа «Социальная политика: реалии XXI века». М., 2003. (online) URL: <<http://www.socpol.ru/grantprog/pdf/Ivanova.pdf>>
- Калугина З.И.* Становление субъектов хозяйствования в реформируемом аграрном секторе России // Социальная траектория реформируемой Рос-

- сии: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / ред. колл., отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука; Сибирское предприятие РАН, 1999. С. 281–308.
- Калугина З.И.* Сельское предпринимательство в современной России: институциональные основы и социальные практики // Россия, которую мы обретаем. Новосибирск: Наука, 2003.
- Капелюшников Р.И.* Занятость в домашних хозяйствах населения // WP3/2005/01. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
- Кокс Д., Эзер З., Хименес Э.* Экономическая поддержка семьи со стороны частных лиц в период перехода к рыночной экономике // Бедность в России. Государственная политика и реакция населения. Всемирный банк. Вашингтон, 1998. С. 251–293.
- Кравченко Ж.В., Мотеюнайте А.* Женщины и мужчины на работе и дома: гендерное разделение труда в России и Швеции // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 177–200.
- Краснова О.Е.* Роль пожилых людей в семье и обществе // Демографические и социально-экономические аспекты старения населения: Вторые Валентеевские чтения: в 2 кн. Кн. 1. Москва, МГУ, 18–19 ноября 1999 г. Тезисы докладов / науч. ред. В.М. Моисеенко. М.: Диалог-МГУ, 1999. С. 189–202.
- Крыштановский А.О.* Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.
- Куракин А.А.* Сельское хозяйство СССР глазами современников (1980–1984 гг.) // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 2, 4.
- Лылова О.В.* Неформальная взаимопомощь в сельском сообществе // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 83–86.
- Лылова О.В.* Экономическая адаптация селян к рыночным условиям // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 107–113.
- Лыткина Т.* Распределение власти в семье как фактор стратегий занятости и организации домохозяйства // Рубеж. 2001. № 16–17.
- Мезенцева Е.Б.* Мужчины и женщины в сфере домашнего труда: логика экономической рациональности против логики гендерной идентичности? // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. Международная организация труда, 2003. С. 50–72.
- Мезенцева Е.Б.* Гендерное разделение домашнего труда: основные тенденции и вопросы экономической оценки // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики / отв. ред. и сост. М.Е. Баскакова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Мезенцева Е.Б.* Разделение домашнего труда как ресурс гендерной идентичности // Гендерные стереотипы в меняющемся обществе. Опыт комплексного социального исследования. М.: Наука, 2009.
- Методологические положения по статистике. М.: Росстат, 2007.

- Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности // Препринт ГУ ВШЭ. 2004.
- Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна королева? М.: Новое издательство, 2006.
- Никулин А. Крупхозы современной России: варианты развития // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002.
- Никулин А.М. Из колхоза — на ферму, в глубинку, в кооператив, в холдинг, в асьенду? / Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 236–243.
- Оберемко О. Типология личных подсобных хозяйств в контексте нацпроекта «Развитие АПК» // Социальная реальность. 2007. № 10.
- Овчинцева Л. Особенности сельской бедности // Отечественные записки. 2004. № 1.
- Олейник А. Институциональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2000.
- Патрушев В.Д. Динамика использования бюджетов времени городским и сельским населением // Социологические исследования. 2005. С. 46–51.
- Поланьи К. Два значения термина «экономический» / под ред. Т. Шанина. Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999. С. 505–513.
- Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 62–73.
- Поллак Р. Транзакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства // THESIS. 1994. № 6. С. 50–76.
- Работа и семейные обязанности: как их совмещать? М.: МОТ, 2007.
- Радаев В.В. Человек в домашнем хозяйстве // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 64–65.
- Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 211–212.
- Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН; Российская политическая энциклопедия, 2002.
- Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Снявской. М.: Независимый институт социальной политики, 2007.
- Российский статистический ежегодник. 2008. Стат. сб. М.: Росстат, 2008.
- Россия в цифрах. 2008. Краткий стат. сб. М.: Росстат, 2008.
- Рошин С.Ю. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия. 2003. Информационный портал «Женщина и общество».
- Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения (методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности). Новосибирск: Наука, 1979.

- Самсонов В.Б., Шабанов В.Л. Самоорганизация сельского хозяйства // Социологические исследования. 1999. № 3. С. 49.
- Сваффорд М., Косолапов М.С., Козырева П.М. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (RLMS): измерение благосостояния россиян в 90-е годы // Мир России. 1999. № 3. С. 153–173.
- Серова Е. Российская аграрная реформа в общественном мнении // Вопросы экономики. 2000. № 7. С. 21–34.
- Серова Е. и др. Аграрная реформа в странах с переходной экономикой. М.: Институт экономики переходного периода, 2000.
- Серова Е., Храмова И. Структура и функции агропродовольственных рынков в России // Вопросы экономики. 2000. № 7. С. 45–66.
- Синяевская О.В., Гладникова Е.В. Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов // Демоскоп Weekly. 30 апреля — 20 мая 2007 г. № 287–288. (online) URL: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0287/s_map.php#1>
- Тартаковская И.Н. Социология пола и семьи. Лекция 5. Трансформация гендерных отношений в постсоветскую эпоху. Самара, 1997.
- Фадеева О. Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе // Неформальная экономика: Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 183–218.
- Фадеева О. Сельский труд: симбиоз формального и неформального // Россия, которую мы обретаем. Новосибирск: Наука, 2003.
- Фадеева О. Западносибирское село: иллюзии экономического роста и реалии занятости // Отечественные записки. 2004. № 1.
- Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» (принят ГД ФС РФ 21 июня 2003 г.). Система «Консультант Плюс». Ст. 2.
- Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ (ред. от 4 декабря 2006 г.) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (принят ГД ФС РФ 23 мая 2003 г.). Система «Консультант Плюс». Гл. 1. Ст. 1.
- Федеральный закон от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ (ред. от 23 ноября 2007 г.) «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» (принят ГД ФС РФ 11 марта 1998 г.). Система «Консультант Плюс».
- Фридан Б. Загадка женственности. М.: Прогресс, 1994. (Friedan B. The Feminine Mystique. New York: Norton, 1963.)
- Шанин Т. Путешествующие крестьяне и трудящиеся мигранты // «Великий незнакомец». Крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Т. Шанин. М., 1992.
- Штейнберг И. Останется ли в России крестьянин? // Отечественные записки. 2004. № 1.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Екатерина Гладникова — выпускница магистратуры факультета социологии НИУ ВШЭ, менеджер Отдела исследований рынка Procter & Gamble.

Мария Наргеньяк (Малкова) — выпускница магистратуры факультета социологии НИУ ВШЭ, аналитик Mail.ru Group.

Яна Рощина — к.э.н., доцент кафедры экономической социологии, старший научный сотрудник ЛЭСИ, ведущий научный сотрудник ЦЛИ НИУ ВШЭ.

Анна Сухова — выпускница магистратуры факультета социологии НИУ ВШЭ, аналитик Департамента социальных программ Всемирного банка.

*Научное издание
Серия «Аналитика ЛЭСИ»
Выпуск 12*

Е. Гладникова, М. Нагерняк, Я. Рощина, А. Сухова

**Неформальная экономика
в российских домохозяйствах в первой половине 2000-х:
домашний труд, агропроизводство и межсемейные трансферты**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Н.В. Андрианова*

Художник обложки *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *Л.В. Маликина*

Корректор *Н.В. Ананьева*

Подписано в печать 29.03.2013 г. Формат 60×88 1/16
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 13,3. Уч.-изд. л. 10,4
Тираж 300 экз. Изд. № 1658. Заказ № 4778

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел./факс: (499) 611-15-52